

Джеффри Лорд Бронзовый топор

Глава 1

Ричард Блейд завтракал. Странное совпадение – в то утро ему попалась передовица в лондонской «Таймс», в которой автор расписывал грядущие чудеса науки. Этот обозреватель, озаглавивший свою статью «Что готовит нам технологическая революция», даже взял на себя смелость расставить примерную датировку ожидаемых чудес.

Сложив газету поудобнее и с аппетитом поглощая яичницу с беконом, Блейд изучал статью, не проявляя особого скептицизма. Во всяком случае, признаки оного не отражались на его мужественном приятном лице. Он был скептиком, но не в отношении науки; его недоумение скорее вызывало то, что люди вытворяли с ней. Проблемы, возникавшие при слишком легкомысленном обращении с атомной энергией, вредоносными химикатами и психотропными средствами могли причинить много хлопот в будущем и не способствовали оптимистичному взгляду на жизнь в настоящем. Уже в течение десяти лет, со времен окончания спецшколы «Секьюрити Сервис», Блейд принадлежал к узкому кругу наиболее осведомленных лиц в британской разведке и не питал иллюзий относительно двуногих животных, гордо именующих себя «гомо сапиенс».

Размышляя на сей счет, он заметил, что двухтысячный год отмечался в статье как вероятная дата появления разумных животных, способных выполнять простые работы. Блейд налил чаю и задумался. Что имел в виду журналист? Он представил себе гориллу с хлыстом в волосатой лапе, присматривающую за бригадой бабуинов, мартышек и макак. А рядом – еще и шимпанзесчетовода, который ведет табель отработанного времени и начисляет зарплату. Впрочем, автор обзора мог иметь в виду каких-нибудь специально выведенных мутантов. Скажем, лошадь на колесах... или собак с радиолокаторами на месте ушей. Блейд усмехнулся, не переставая энергично жевать бекон. Из таких собак могли получиться превосходные шпионы!

Продолжая поглощать завтрак, он дочитал статью. Недавно он вернулся из австралийской командировки – как раз, чтобы отпраздновать в конце мая свое тридцатитрехлетие; затем в Лондон пришло лето, и Дж., шеф Блейда, сухопарый пожилой джентльмен, даровал ему недельный отпуск. И сейчас, в уютном коттедже близ Дорсета, Блейда с нетерпением поджидала Зоэ Коривалл, красавица с большими темными глазами, с которой он рано или поздно был намерен обвенчаться. После завтрака, покончив с разными мелкими делами, разведчик собирался укатить на побережье, чтобы провести несколько дней с прелестной Зоэ.

На мгновение образ девушки, ее белое манящее тело, раскинувшееся на постели в полумраке спальни, заслонили газету перед его глазами. Блейд, однако, решительно прогнал это видение и прочитал, что к девятистам горам ученые надеются установить непосредственный контакт между человеческим мозгом и компьютером.

Прямой контакт с вычислительной машиной! Это звучало впечатляюще! Однако у Блейда, питавшего смутное недоверие к компьютерам, возникли кое-какие вопросы. Каким образом это будет сделано? Человека встроит в машину, или машину – в человека?

Некоторое время он размышлял над этим вопросом, потом задумчиво покачал головой. В девятистом году ему стукнет пятьдесят пять; вряд ли тело столь пожилого человека подойдет для экспериментов по компьютеризации. Нет, дорога в киборги для него решительно заказана!

Он снова усмехнулся, и тут зазвонил телефон. Блейд, зажав в кулаке вилку, с подозрением уставился на аппарат, нарушивший покой этого тихого летнего утра. Он не ждал ничего хорошего, ибо трезвонил не обычный телефон цвета слоновой кости, а красный,

который обеспечивал прямую связь с кабинетом Дж. в штаб-квартире отдела МИ6. Звонок предвещал работу, что сейчас казалось Блейду крайне несвоевременным. Он проглотил кусок ветчины, чертыхнулся и решил не отвечать. Какого дьявола! Дж. обещал ему отпуск, и эта поездка в Австралию стоила того! Потом – Зоэ... Зоэ ждала его в домике на побережье и если он не явится к вечеру, его акции упадут сразу на десять пунктов.

Он снял трубку. Этим всегда кончалось дело; долг есть долг, и говорить тут было не о чем.

– Слушаю, – произнес он.

Конечно, то был Дж.! И голос его казался настолько медоточивым, будто слова без всякой задержки обтекали старую прокуренную трубку, которую он не выпускал изо рта.

– Доброе утро, мой мальчик. Превосходная погода, не так ли? Или ты еще не выглядывал на улицу? Ну, неважно. Пожалуй, тебе стоит включить шифратор.

Начало не обрадовало Блейда. Когда шеф обращался к нему на «ты», это сулило массу неприятностей. Он нажал кнопку на корпусе телефонного аппарата и буркнул:

– Готово, сэр.

– Я помню, – продолжал журчать голос Дж., – что обещал тебе небольшой отдых на недельку-другую. Полагаю, тебе будет приятно узнать, что я не нарушу своего слова.

Пропал отпуск, понял Блейд и с ненавистью покосился на телефон. Вслух же он произнес:

– Конечно, сэр. Я просто счастлив. Я не испытывал ни малейших сомнений, что вы сдержите обещание. Так же, как в прошлом году. И в позапрошлом тоже.

– Что подделаешь, мой мальчик... обстоятельства бывают сильнее нас. Но теперь речь идет о сущей ерунде. Это не задержит тебя надолго.

Блейд нахмурился, испепеляя телефон взглядом

– Да, сэр?

– Одно небольшое дело, – сказал Дж., – совсем небольшое. Ничего общего с твоей обычной работой, но, похоже, для него годишься только ты. Я сам абсолютно не в курсе. Все это крайне секретно и срочно, но думаю, что дело не отнимет у тебя много времени скажем, самое большее несколько часов. Если ты заедешь ко мне, Ричард, я расскажу кое-что еще, но не слишком много, как уже предупредил. Итак можем ли мы с тобой повидаться?

Ричард Блейд проработал с Дж. долгие годы и научился понимать его приказы с полуслова. Приказ есть приказ, в какой бы тактичной форме его не преподнесли.

Он сказал, что подъедет через час.

Штаб-квартира спецотдела МИ6, одного из самых важных подразделений британской секретной службы, располагалась в мрачноватом сооружении типичного для Сити викторианского стиля, неподалеку от Треднидл-Стрит – там, где Барт Лэйн пересекала Лоутбери. На сверкающей бронзовой табличке у дверей значилось, что здесь находится правление Восточно-индийской компании по переработке копры. Такое предприятие действительно существовало, но в одном из офисов в глубине лабиринта темных коридоров сидел Дж. – шеф отдела МИ6 и, по совместительству, исполнительный директор вышеназванной почтенной фирмы. Словно двуликий Янус, он одной рукой выжимал кокосовое масло, а другой все соки из своих сотрудников. Правда, и то, и другое он делал с обходительностью и тактом настоящего английского джентльмена.

Шеф встретил Блейда на пороге скудно обставленной темной берлоги, служившей ему кабинетом. На голове у него уже красовался котелок, а сложенный зонтик и легкий плащ, переброшенный через руку, намекали, что он готов тронуться в путь. Дж. кивнул «своему дорогому мальчику» и отечески улыбнулся, сверкнув искусственными зубами.

– Пошли, Ричард, машина уже ждет. Нам предстоит прокатиться в Тауэр

Устроившись на мягком сиденье, шеф окинул Блейда довольным взглядом собственника и потянул из кармана трубку.

– Превосходно выглядишь, мой мальчик. Это хорошо. Просто отлично! Насколько я понял, для этого эксперимента требуется самый шустрый кролик из всех, что резвятся в

лугах старой доброй Англии... самый достойный в физическом и умственном отношении экземпляр. Ты можешь гордиться! Наверняка, они перерыли тысячи личных дел, пытаюсь найти лучшего – и выбрали тебя! Поздравляю, Ричард!

Пока шеф золотил пилюлю, Блейд раздумывал над этим таинственным «они» Кто именно? Кадровая служба? Центральное управление? Как любой из полевых агентов с особым статусом, он не испытывал восторга, когда высокое начальство слишком часто заглядывало в папку с его кодовым номером на обложке. Однако предстоящее ему дело вроде бы не походило на обычную работу. Чего же, черт побери, от него хотят?

Он осторожно спросил:

– Научный эксперимент, сэр?

Дж. раскуривал трубку. Между двумя затяжками он сказал:

– Да, что-то в этом роде. Сегодня утром мне звонили от лорда Лейтона с просьбой откомандировать тебя на некоторое время в их ведомство. Видишь ли, они... – Дж. замолчал и снова занялся трубкой.

– Они? – Блейд приподнял бровь.

– Яйцеголовые, конечно, – пожал плечами его шеф. – И Лейтон среди них – самый главный умник еще с довоенных времен. Ну, думаю, тебе это известно.

Разведчик кивнул головой. Теперь ему стало ясно, о ком идет речь. Лейтон получил титул еще в конце тридцатых годов, за создание первого британского радиолокатора и с тех пор являлся главой строго засекреченного научного подразделения, которое финансировалось из спецфонда самого премьерминистра. Лет семь назад, когда Блейда, тогда еще – молодого капитана, командировали в Штаты, на базу ВВС в Лейк Плэсиде, где находилось крупнейшее в мире собрание уфологических артефактов, Лейтон должен был ехать вместе с ним. Однако в шестьдесят первом году их знакомство не состоялось; лорд Лейтон считал себя слишком важной птицей, чтобы по первому свистку из-за океана расправить крылышки. Даже если речь шла о такой животрепещущей проблеме, как изучение НЛО.

Закончив с воспоминаниями, Блейд прислушался к тому, что продолжал бубнить Дж.

– Один Бог знает, Ричард, что они затеяли на этот раз, но, понимаешь ли, я не мог им отказать. Ведь содействие оборонным научным исследованиям – одна из наших главных задач. Когда надо, эти яйцеголовые заставляют всех плясать под свою дудку...

Блейд невозмутимо посмотрел на своего шефа.

– Конечно, сэр.

Дж. кивнул.

– Да, из отказа ничего хорошего не вышло бы, мой дорогой. Тип, который связался со мной, довольно прозрачно намекнул, что сам премьер-министр заинтересован в работах Лейтона. Понимаешь, какова ситуация? Так что будь пай-мальчиком и выполняй все, о чем тебя попросят. Меня заверили, что это не займет много времени.

Подобно большинству урожденных нью-йоркцев, никогда не посещавших Эмпайр Стейт Билдинг, Блейд, проживший в Лондоне немало лет, никогда не был в Тауэре. Но сейчас он попал не в тот величественный замок, который демонстрируют туристам. Полицейский в ладно пригнанной форме, встретивший, посетителей, торопливо повел их вокруг огромного здания – туда, где когда-то находились старые ворота, ведущие к реке. Здесь он передал гостей с рук на руки двум коренастым крепышам в штатском, которые проводили Блейда и Дж. к лифту через лабиринт темных подвалов и мрачных коридоров.

Один из крепышей надавил кнопку вызова; раздался гул моторов и поскрипывание поднимающейся кабины. Агент виновато посмотрел на Дж.

– Прошу прощения, сэр... Ваш человек поедет вниз один.

– Конечно, конечно, – прощаясь, Дж. протянул руку. – На некоторое время мы расстанемся, Ричард. Позвони мне, когда освободишься, и дай знать, что все в порядке... если, конечно, тебе будет позволено говорить об этом. Признаюсь, меня мучает любопытство.

Лифт прибыл, и Блейд шагнул в тесную кабину, на стенках которой не было видно никаких кнопок управления. Металлическая дверь плавно закрылась, и лифт двинулся вниз настолько быстро, что он почувствовал тошноту.

Кабина падала долго – так долго, словно собиралась доставить своего пленника прямо в преисподнюю, на сковородку в кухне самого сатаны. Блейд думал о том, сколько же времени пришлось пробивать эту тайную шахту под зданием Тауэра и во что она обошлась налогоплательщикам. Куда его отправили? Это тоже был интересный вопрос. Возможно, лорд Лейтон сидит в атомном убежище? Система секретности и охрана были здесь, несомненно, на высоте.

Кабина остановилась, и желудок Блейда вернулся на место. Дверь скользнула в сторону и он шагнул в ярко освещенную небольшую камеру. Помещение было почти пустым; только у прохода напротив торчали два правых морских пехотинца в полной выкладке и с автоматами в руках. Рядом с ними стоял маленький человечек, сухощавый, морщинистый и какой-то скрюченный; Блейд не сразу понял, что у него горб. Однако он узнал его! То был сам лорд Лейтон – по выражению Дж., «самый главный умник» в Англии.

Блейд не сомневался, что эта характеристика соответствует действительности, хотя начиная с тридцатых годов все работы ученого лорда окутывала глубокая тайна. Фотографии его никогда не попадались в прессе, и лишь в том самом шестьдесят первом году, когда намечалась совместная поездка в Штаты, Блейд видел снимок его светлости. И тогда, и сейчас он выглядел стариком.

Лейтон пригладил седые волосы и, прихрамывая, шагнул к разведчику. Полиомиелит, догадался Блейд; этого человека навсегда изуродовала перенесенная в детстве болезнь. Однако, хотя движения Лейтона выглядели резкими и угловатыми, недуг не лишил их живости.

Старик протянул ему руку, похожую на клешню краба.

– Ричард Блейд?

Разведчик молча кивнул и осторожно пожал маленькую сухую ладонь.

– Спасибо, что вы согласились помочь нам. Надеюсь, мы не слишком нарушили ваши планы?

Блейд ответил, что нет. Совсем нет, сэр. Он просто счастлив оказать помощь в... эээ... в том деле, для которого потребовались его услуги.

Лейтон окинул его с ног до головы оценивающим взглядом – почти так же, как это сделал в машине Дж. – и тепло улыбнулся. Довольно кивнув головой, он сказал:

– Может быть, предстоящая работа покажется вам несколько обременительной и необычной, мистер Блейд, но лишь вы сами повинны в нашем выборе. – Старик снова кивнул и жестом пригласил разведчика пройти в коридор мимо поста охраны. – Мы заложили в компьютер все данные о подходящих людях и в течение месяца искали лучшего в физическом и умственном отношении кандидата. И каждый раз машина выдавала ваше имя... – Лейтон отворил массивную дверь. – Кстати, как вы относитесь к компьютерам?

Сложный вопрос, особенно если учесть, что они переступили порог помещения, где раздавались гул, щелканье и жужжание доброй дюжины вычислительных машин. Придерживая Блейда за рукав, старик вел его через лабиринт серых шкафов, подмигивающих разноцветными огоньками. Поразмыслив, разведчик осторожно заметил, что вычислительная техника далека от рода его деятельности и каких-либо сильных эмоций у него не вызывает.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Лейтон; похоже, он не особенно прислушивался к словам гостя. – Главное, чтобы вы не испытывали тайного страха перед компьютерами или неприязни к ним. Они, знаете ли, могут чувствовать такие вещи, и временами это делает их довольно капризными. Ага! Вот мы и пришли, мистер Блейд. Пройдите сюда и разденьтесь, – он распахнул дверь в небольшую, похожую на больничный бокс, комнату. – Снимайте все. Там, на вешалке, вы найдете полотенце – вместо набедренной повязки. Набросьте его и возвращайтесь сюда, в зал. Полагаю, время для вас так же дорого, как для

меня.

Разведчик, сообразивший, что сейчас не стоит задавать лишних вопросов, молча кивнул и вошел в маленькую раздевалку. На крючке, вбитом в стену, висело что-то вроде узкого полотенца. Блейд разделся и обернул его вокруг бедер. Затем он шагнул обратно в зал с компьютерами, гудевшими словно рой механических пчел. Лорд Лейтон стоял перед одной из машин, вглядываясь в мигающие на контрольной панели огоньки; на спине его светлости, вздувая белый халат, топорщился горб. Губы его шевелились, и Блейд понял, он что-то бормочет себе под нос. Не выжил бы старик из ума, невольно мелькнула у него мысль.

Но когда Лейтон обернулся к обнаженному Блейду, глаза его сверкнули остро и холодно. Он кивнул разведчику и, бросив одобрительный взгляд на его мощный мускулистый торс, произнес:

– Превосходно. Просто великолепно! Если ваша голова в таком же отличном состоянии, как все остальное, то мы сделали верный выбор. Но так и должно быть; машины никогда не лгут, чего – увы! – нельзя сказать о большинстве представителей рода человеческого.

Он взял Блейда под руку и подтолкнул к другой двери; она вела в помещение, целиком занятое одним огромным компьютером. Все те же серые металлические шкафы тянулись рядами от стены до стены; с потолка свисали силовые кабели и жгуты разноцветных проводов, исчезающих в патрубках на крышах блоков; гудели вентиляторы; магнитные барабаны под прозрачными кожухами казались застывшими в своем стремительном вращении.

Блейд двинулся вслед за стариком по узкому проходу между шкафами – туда, где, по-видимому, находилась центральная часть этого электронного монстра. Перед длинным, чуть изогнутым пультом на пластиковой изолирующей подставке возвышалась стеклянная кабина чуть побольше телефонной будки; внутри находилось кресло, над которым нависал конический колпак. Блейд с большим подозрением уставился на эту конструкцию, уже не сомневаясь, для кого предназначен сей механизм, столь напоминавший электрический стул.

Заметив выражение его лица, лорд Лейтон хихикнул:

– Не беспокойтесь, Блейд, эта штука не имеет никакого отношения к предмету, о котором вы подумали. Так уж получилось, что тот самый... эээ... агрегат оказался весьма функциональным и подходящим для наших целей – с точки зрения формы, конечно. – Он потер сухие ладони и с плотоядным выражением на лице заявил: – Теперь давайте вас слегка умастим... Иногда подопытные получают небольшие ожоги – ничего серьезного, уверяю вас, но ощущения довольно болезненные. Вот эта мазь предохраняет кожу.

Старик достал из стенного шкафа небольшую банку и начал деловито покрывать обнаженную плоть Блейда темным пахучим веществом. Он смазал разведчику виски, несколько точек на спине, груди и у основания шеи, а также большие пальцы на ногах.

– Годится, – сказал наконец Лейтон, возвращая банку на место. – Теперь, мой дорогой мистер Блейд, прошу сюда, – он указал на стеклянную кабинку. – И посидите спокойно, пока я закрепляю электроды.

Блейд молча подчинился. Внутри кабины оказалось множество тонких проводов, свисавших с колпака; каждый оканчивался блестящим круглым электродом, размером и формой напоминающим шиллинг.

Лейтон начал приклеивать электроды на кожу разведчика липкой лентой. Работал он быстро и сноровисто. Когда старик принялся за виски, Блейд решил, что пора выяснить кое-какие вопросы. Он откашлялся и сказал:

– Прежде, чем мы продолжим, сэр, я хотел бы знать, что вы собираетесь делать. Как-никак, вы используете мое тело, которое мне вряд ли удастся заменить в случае неприятностей.

Ученый закрепил последний диск и отступил назад, довольно озирая результаты своего труда. Потом, похлопав Блейда по плечу, он произнес:

– Несомненно, мистер Блейд, несомненно. Прошу простить меня. Я так погружен в

свою работу, что совсем забыл о приличных манерах. Вы имеете полное право знать, чем мы намерены сейчас заниматься. Заметьте, я сказал – намерены, а не попытаемся, так как совершенно уверен, что на этот раз все получится как надо. Да, уверен полностью! Мы достигли успехов в опытах с обезьянами и даже проводили кое-какие эксперименты с людьми... но в последнем случае нам пришлось иметь дело с далеко не первоклассным материалом. Я убежден, что как раз в этом заключалось основное препятствие... Вот почему нам пришлось искать человека, чьи физические и умственные показатели отвечали бы самым высоким требованиям... Чрезвычайно высоким требованиям, должен заметить.

Блейд уже не пытался скрыть раздражения; эта говорильня ему надоела.

– Я не ученый, сэр, – произнес он с довольно кислым видом, – и не совсем понимаю ваши объяснения. Вы могли бы выражаться яснее? У меня нет возражений, чтобы вы использовали меня в качестве подопытного кролика, но, черт побери, я желаю знать, на что иду! – и Блейд сделал движение, словно пытаясь встать из кресла – что оказалось бы на самом деле непростой задачей, ибо тело его, обклеенное электродами, окружал ворох разноцветных проводов.

– Мой дорогой мистер Блейд! – Лейтон мягко подтолкнул его обратно. – Простите меня... Сейчас я все объясню... да, все! Но вы не должны волноваться, умоляю вас; это может погубить эксперимент. Несмотря ни на что, разум ваш должен быть спокойным и готовым к контакту.

Блейд подавил усмешку, довольный своей маленькой победой. Его светлость, с тревогой уставившись на разведчика, нервно приплясывал перед кабиной, стараясь не задеть проводов.

– Ну? – жестко спросил Блейд.

– Я все объясню, – Лейтон воздел руки к потолку. – Только, пожалуйста, сядьте... и слушайте внимательно.

Он обвел рукой пространство, заполненное серыми шкафами; металлическая плоть огромного компьютера нависала над ним подобно молчаливому разумному чудищу, вперившему сотню глазогоньков в спину своему создателю.

– Это лучший компьютер в мире, мистер Блейд, и на его создание ушла почти вся моя жизнь. Последний год я занимался его программированием, и сейчас он загружен огромным количеством информации, настолько специализированной и сложной, что вам, не имеющему профессиональной подготовки в данной сфере, не стоит требовать от меня подробностей. Эта машина, мистер Блейд, способна решать такие проблемы, которые недоступны даже моему пониманию! Но для успешной работы ей нужно кое-что еще, кроме печатных схем и электроэнергии... точнее, кое-кто.

Теперь Блейд начал понимать. Словно век назад он читал эту проклятую заметку в «Тайме»... и там говорилось... да, там говорилось о возможности прямого взаимодействия между компьютером и человеческим разумом!

Он высказал свою догадку вслух. Лейтон как будто не удивился; скорее он выглядел довольным. Потирая сухие ладони, старик кивнул головой:

– Великолепно, мистер Блейд! Дело обстоит именно так! Я вижу, вы интересуетесь прессой... Боюсь только, что дата в той статье не совсем верна. Я назвал журналисту девяностые годы как самый ранний срок решения подобной задачи. Это чистая дезинформация, мой дорогой, но, уверен, вы меня поймете. В области машинного интеллекта работают и другие специалисты; чем больше они нас недооценивают, тем лучше.

Блейд отлично понял сказанное. Собственная его деятельность как раз и заключалась в контроле за подобными вещами.

– Значит, если эксперимент окажется успешным, – сказал он, – я получу без всякого труда великое множество познаний? Я не должен буду ничего изучать; вся эта новая информация просто окажется у меня в голове?

– Совершенно верно, – в маленьких глазках старика сверкнуло торжество. – Она перетечет в мозг без всяких усилий с вашей стороны – с помощью вот этого устройства

связи, которое я называю коммуникатором, – он указал на конический колпак. – Вы разом усвоите все то, что мне и сотням моих коллег приходилось накапливать по крохам десятки лет; эти знания компьютер вложит в ваше сознание за несколько минут. Правда, машина – всего лишь машина, и она сможет передать вам только то, что хранится в ее блоках памяти. Но, тем не менее, мистер Блейд, это означает, что вы мгновенно станете гением! Только представьте это! – его светлость снова воздел руки к потолку и вдруг деловым тоном закончил: – А сейчас, с вашего позволения, приступим.

Блейда, однако, вовсе не соблазняла перспектива грядущей гениальности. Если информация хлынет в его мозг слишком бурным потоком, не вытеснит ли она воспоминаний о бедняжке Зоэ? И о дюжине-другой весьма приятных девушек? Это было бы трагедией, которую статус гения вряд ли искупил.

– Простите, сэр, – он снова приподнялся в кресле, – но я же перестану быть самим собой! Этот гений окажется совсем другим человеком... и я вообще не испытываю тяги ни к точным наукам, ни к наукам вообще. Я вполне доволен своей жизнью.

Лорд Лейтон поднял руку.

– Подумайте, мистер Блейд. Ведь вы, насколько мне известно, кончали Оксфорд... вы представляете, о чем идет речь. Подумайте же как следует и взвесьте все обстоятельства, прежде чем сказать нет. Подумайте о своей стране и о том бедственном положении, в котором она оказалась в нашу эпоху... – тон его светлости стал патетическим. – Да, я – гений, мистер Блейд, но один я способен сделать немного. Если эксперимент удастся, мы сможем производить гениев дюжинами, сотнями, тысячами – и тогда Англия снова обретет достойное место под солнцем! Без армий и флотов, без промышленных предприятий и банков – только за счет знания! Мы станем первыми, мы превратимся в ведущую силу технического прогресса! – внезапно голос его упал почти до трагического шепота: – Ну, можете ли вы теперь отказаться, мистер Блейд? Спросите себя – можете ли?

Блейд понял, что ему дурят голову, но выбора, похоже, не оставалось. Кивнув головой, он сглотнул сухой ком в горле и опять уселся в проклятое кресло. Лейтон торопливо протянул руку к большому рычагу, торчавшему из панели управления и надавил его. Раздался низкий гудящий звук; затем кожу Блейда начали покалывать слабые электрические разряды.

Теперь он не сумел бы пошевелить и мизинцем; мышцы не слушались приказов разума, тело не повиновалось ему. Боли не было, но какая-то невидимая сила удерживала его в кресле – словно гигантская невидимая ладонь, обладавшая, тем не менее, несокрушимой твердостью и мощью.

Блейд сидел, прикованный к креслу незримыми цепями электромагнитного поля. Затем перед его глазами все начало расплываться, голова стала распухать, как воздушный шар, наполняемый газом. Скрюченная фигурка Лейтона превратилась в цветной огненный волчок, потом в вихрь вращающегося тумана, который поплыл прочь, все дальше и дальше, пока не исчез во тьме. Стеклокаменные стены кабины вдруг потекли как вода и обрушились на Блейда, но он не ощутил на груди и плечах освежающей влаги. Провода, словно крошечные змейки, вцепились в его плоть блестящими челюстями, но укусы их не вызывали страдания.

В ушах его раздался грохот урагана; теперь он был совершенно свободен и, покинув кресло, летел вверх, вращаясь и паря в абсолютной пустоте. Он стал духом без тела! Он продолжал существование в каком-то нематериальном мире, где ощущал себя одновременно огромным, как планета, и крошечным, словно муравей.

Снова взвыл ураган – ярость, сотканная из света и тьмы. Блейд мчался с невообразимой скоростью, погружаясь в грандиозное облачное месиво. Ударил молния. Еще. Ближе! Блейд познал холод и страх; крик разорвал его горло, когда молния сверкнула опять, совсем рядом.

Сверкающий электрический разряд, словно клинок из голубоватой стали, вонзился в него, рассекая череп. Мозг Блейда взорвался и истек болью; она казалась жуткой, непереносимой. Подобной боли он никогда не испытывал прежде; сейчас все страдания людские от сотворения мира терзали его несчастную плоть.

Затем боль исчезла. Блейд, словно увядший лист, погружался в бездну, в небытие, в вечную ночь...

Глава 2

Ричард Блейд всплывал из странного сумеречного мира вверх, к свету и теплу, к блаженству ощущения собственного тела. Он подымался из мрачной бездны, скользил бесконечно медленно, плавно, затрачивая века и тысячелетия на каждый дюйм пути. Вспыхивали и умирали звезды, рождались галактики. Вселенная пульсировала в необозримом и непредставимом пространстве, черном, бездонном... Наконец, тьма отступила, рассеченная надвое лучом света; Блейд пришел в себя. Несколько мгновений он не открывал глаз, сохраняя полную неподвижность и впитывая мириады ощущений, обрушившихся на его мозг и тело.

Он лежал в густой траве. Вокруг слышался птичий щебет и жужжание насекомых. Вдалеке лаяли собаки. Где-то поблизости журчал, переливался хрустальным звоном ручеек. Под плотно сомкнутыми веками плыли яркие радужные круги – он чувствовал, что пылающая орифламма клонившегося к закату солнца нависла над ним. Вдруг тень накрыла его; почти бессознательно он ощутил рядом нечто живое, движущееся...

В лицо ему плеснули холодной водой. Обожженный этим ледяным душем, он сел с приглушенным проклятием.

– Ну, – произнесла стоявшая над ним девушка, – так-то лучше. Я была уверена, что ты жив. А теперь ты должен помочь мне. И немедленно! Я, принцесса Талин, приказываю!

Протерев кулаками мокрые глаза, Блейд молча уставился на нее. С присущим ему самообладанием – черта, не раз спасавшая его жизнь, – он принял немедленно и без вопросов реальность происходящего. Он ни на миг не усомнился в своем разуме; то, что случилось, не было ни сном, ни видением больного рассудка. Скорее всего, с экспериментом лорда Лейтона что-то вышло не так. Ну, что ж... С этим он разберется позже.

– Поторопись, – нетерпеливо сказала девушка; в ее голосе послышались властные нотки. – И перестань пялиться на меня, как вол или тупой серв. Они уже близко! Если нас найдут, мы погибнем. Я заставлю их прикончить нас. Прикончить обоих! Я не желаю снова оказаться пленницей этой ведьмы, королевы Беаты. Нет, лучше смерть!

Блейд поднялся, в первый раз обратив внимание на то, что он совершенно обнажен; повязка на бедрах исчезла. Взгляд девушки скользнул по его мускулистому телу, и она одобрительно кивнула. Затем, пожав плечами, протянула ему короткий меч с окровавленным острием.

– Вот, возьми. Мне пришлось заколоть стражника, чтобы выбраться из замка. Я впервые убила человека, и мне это не понравилось. Но ты выглядишь как воин и сможешь лучше использовать оружие. Не медли... Они идут быстро и скоро будут здесь.

Эта девица, Талин, сказала правду. Помахивая тяжелым клинком, разведчик прислушался к лаю собак и крикам людей, что доносились со стороны заходящего солнца, уже наполовину скрывшегося за зелеными холмами. Блейд с девушкой стояли на небольшой поляне; в густой траве петлял ручеек, вокруг возвышался темный лес. Среди черных дубовых и тисовых стволов тут и там светлели березы; краснокорые сосны тянули к небесам изумрудно-зеленые кроны.

Блейду случалось бывать и дичью и охотником; он обладал изрядным опытом в такого рода делах. Голоса раздавались в четверти мили от них, и ему стало ясно, что они еще имеют в запасе немного времени. Он посмотрел на девушку, которую, казалось, совершенно не смущала его нагота, и спросил:

– Значит, ты принцесса Талин?

В ее зрачках мелькали мягкие коричневые отблески. Блейд подумал, что в другой ситуации они были бы похожи на кроткие и прекрасные глаза лани, но сейчас взгляд ее сверкал гневом. Выставив вперед маленький круглый подбородок и надменно подняв вверх

прямой изящный носик, она сказала:

– Ты что, сомневаешься в этом?

Не отдавая отчета в своих действиях, Блейд склонил голову и поднял в салюте меч.

– Нет, не сомневаюсь. Просто не понимаю... Видишь ли, принцесса, я чужестранец. Девушка изучала его сузившимися глазами.

– Да, я верю... верю твоим словам... никогда не видела таких мужчин в Альбе... – она величественно подняла руку. – Но все равно ты должен подчиняться мне – ведь я, принцесса Талин, дочь короля Вота Северного, сильнейшего среди альбийских владык! И я нахожусь в большой опасности! Если ты поможешь мне, я позабочусь, чтобы тебя вознаградили. Мой отец заплатит много скилов серебра, если получит обратно свою единственную дочь. А теперь прекрати меня рассматривать и делай что-нибудь! – она нетерпеливо топнула ногой.

Девушка была высокой и прекрасно сложенной. Волна каштановых волос, связанных золотой ленточкой, спадала до самой ее талии, платье из темного полотна, украшенного полудрагоценными камнями, облегал юное тело, почти не скрывая маленькие твердые груди. Осиную талию стягивал пояс из бронзовых пластин, с которого на цепочке свисал рог; очевидно, в нем эта юная красавица и принесла воду, пробудившую Блейда. Платье было коротким и оставляло открытыми круглые колени с ямочками. Ее маленькие ноги были обуты в мягкие кожаные сандалии; отходившие от них тонкие ремешки крест-накрест обвивали стройные икры.

Блейд снова отсалютовал клинком и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Готов служить тебе, принцесса Талин. Но чего же ты от меня хочешь? Сейчас нет никакой опасности, – он прислушался. – Твои недруги еще в десяти минутах хода от нас.

Девушка подбоченилась и бросила на Блейда раздраженный взгляд, скользящий по высокой фигуре разведчика. Узкие бедра, тонкая талия, мощная грудь и широкие плечи, массивная колонна шеи... да, перед ней стоял воин, готовый к бою. Глаза Талин смягчились, и она вымолвила:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. – Теперь она разглядывала его лицо. – Что ж, в одном я уверена – ты не раб! Ты – благородный человек, нобиль из какой-то далекой страны. Как твое имя?

– Блейд, Ричард Блейд, ваше высочество. И я действительно прибыл из очень далекой страны.

– Ричард Блейд? – она произнесла его имя еще раз, нараспев: – Рич-ярд Блейд... – На лице девушки мелькнуло удивление. – Странное имя, клянусь Фриггой! Моему языку трудно выговорить такие звуки... но об этом позже. Сейчас ты должен сопровождать меня в Сарум Вил, город короля Ликанто, моего кузена. Его домен где-то здесь, поблизости; Ликанто защитит нас и даст приют на ночь.

Блейд улыбнулся.

– Где-то поблизости? Но ты не знаешь точно?

Она нахмурила брови:

– Я... Ну, точно не знаю... но уверена, что мы сможем найти его. Тут должна быть тропинка, которая приведет нас...

– Если мы сможем ее разыскать, – усмехнулся Блейд. – Похоже, принцесса, ты заблудилась. Точнее, мы оба заблудились.

Девушка не успела ответить. Между темными стволами деревьев мелькнул стремительный силуэт; мгновение – и из леса выскочил огромный пес. Очевидно, этот зверь намного опередил стаю. Глаза его горели красным огнем, шерсть стояла дыбом, с длинной морды капала слюна. Собака-убийца, тренированная для охоты на людей, Блейд понял это сразу.

Он шагнул вперед, заслонив девушку. Резким движением сорвав рог с ее пояса, разведчик рывкнул:

– Стой сзади и не двигайся!

Пес – Блейду он показался помесью овчарки с мастифом – прыгнул на него с

расстояния десяти футов; в сумерках зловеще сверкнули длинные клыки. Блейд слегка присел, напрягая ноги, и отвел назад меч; рог он сжимал в левой руке.

Зверь, который на близком расстоянии казался размером с крупного пони, столкнулся с человеком, щелкнув зубами у самого его горла. Блейд, откинувшись назад, вогнал рог в алую пасть и с силой повернул его. Затем единым движением, стремительным и плавным, он отдернул окровавленную руку, шагнул вперед и мощным ударом снизу вверх вогнал клинок в брюхо животного. Он почувствовал, как лезвие вошло в тело, и рукоять меча уперлась в ребра. С жутким воем пес рухнул на бок, содрогаясь в предсмертных конвульсиях. Разведчик покончил с ним быстрым ударом в горло.

Он воткнул клинок в мягкую землю, чтобы очистить от крови, и повернулся к девушке.

Она наблюдала за стремительной схваткой широко раскрытыми глазами, прижав ладошку к губам, словно пытаясь сдержать крик; страх и облегчение смешались на ее лице.

Потом она сказала:

– Какой великолепный пес! Жаль, что пришлось убить его.

Блейд поднял руку, призывая к молчанию. С закатом наступила темнота, словно небо вдруг задернули плотной шторой. Голоса людей и вой собак приближались. В лесном мраке мелькнула красная точка факела, затем еще одна, и еще. Словно предвещающие опасность маяки, огни предупреждали о сжимавшемся вокруг них полумесяце погони. Близко, уже слишком близко! Они не могли бежать на запад, а концы растянутой полукругом цепи загонщиков отрезали север и юг. Только путь на восток оставался еще свободным – туда, журча и булькая, бежал ручей.

Блейд сжал руку девушки в своей большой ладони.

– Идем, принцесса. Нам нужно немного пробежаться...

Они шагнули в ручей. Вода была ледяной; дно неглубокого потока покрывали камни и галька, кое-где над поверхностью выдавались массивные валуны, вокруг которых кипела и пенилась вода. Идти оказалось нелегко; упавшие в ручей ветки и целые стволы мешали быстрому движению. Становилось все холоднее, над водой повис сырой белесый туман.

Блейд, совершенно обнаженный, начал мерзнуть. Хотя обычно он не обращал внимания на такие мелкие неудобства, его уже знобило от холода.

Девушка, очевидно, чувствовала то же самое; ее пальцы, утонувшие в большой ладони разведчика, казались ледяными. Беглецы двигались в стремительном темпе, и она вскоре стала задыхаться. Несколько раз она едва не упала, всей тяжестью повисая на руке Блейда. Наконец, споткнувшись о невидимую в темноте корягу, она рухнула на грудь спутника и несколько секунд оставалась неподвижной. Тяжелое дыхание Талин обжигало его шею, он чувствовал ее тело под тонким платьем – гибкое, доверчиво прижавшееся к нему в поисках тепла. От нее исходил странный аромат, отличавшийся от запаха молодой женской плоти; он показался Блейду смутно знакомым. Спустя мгновение он вспомнил. Шипр! Картины знойной, опаленной солнцем страны мелькнули в памяти. Египет, Александрия! Так пахло от гомосексуалиста, из которого он выжал тогда коекакую информацию... Его убили недели через две... Как же звали этого типа?

Блейд не мог вспомнить. Смутные расплывчатые образы промелькнули перед глазами, ускользая во тьму забвения. Он содрогнулся; несмотря на холод, лоб его покрыла испарина. Сосредоточившись, он пытался вызвать из глубины сознания знакомые образы и имена. Лорд... лорд Лейтон! Вспомнил! А его шеф? Его начальник? Кажется, Дж... Дж! Да, именно так – Блейд мог поклясться в этом! Лондон? Отдел МИ6? Несомненно, это он еще помнил... Но тут голову его словно заволочло туманом, и он почувствовал, как мгла забвения сгущается, превращая воспоминания в зыбкие и нереальные фантомы. Теперь он ни в чем не испытывал уверенности.

Внезапно он понял. Память о прошлой жизни уходила, медленно, но неумолимо, она покидала его сознание.

Талин вскрикнула. Блейд, забыв о ней, так стиснул руки, что едва не сломал ей ребра. Он отпустил девушку и медленно произнес:

– Прости меня, принцесса. Я задумался и на мгновение забыл, где нахожусь. Я не хотел причинить тебе боль.

Она не отодвинулась, хотя в голосе прозвучало негодование:

– Ты дикарь, Ричард Блейд, просто здоровенный дикарь! Ты можешь сломать человека как соломинку – На этот раз Талин правильно произнесла его имя.

На востоке, над темным морем древесных крон, возникло слабое свечение восходящей луны. Блейд посмотрел назад, прослеживая мучительный путь, который они прошли. Туман поднялся выше, его призрачные ленты, извиваясь, медленно плыли меж стволов, похожие на холодное дыхание лесных троллей. Теперь он не слышал ни голосов, ни лая собак. Похоже, им удалось оторваться – или преследователи прекратили погоню.

Блейд повел девушку в чащу леса, где они вскоре обнаружили заросшую травой яму. Тут было если не теплее, то хотя бы суше, чем на берегу ручья. Они улеглись на землю, и Талин снова очутилась в его объятиях.

Однако раньше она предупредила.

– Я замерзла, Блейд, всего лишь замерзла. И мне нужно только тепло твоего тела. Ты понял?

– Разумеется, – мрачно ответил разведчик, понимая, что девушка не может увидеть его усмешку. – На что еще я могу пригодиться вашему высочеству? В конце концов, ты – принцесса, а я – только бедный чужестранец, не имеющий даже одежды, чтобы прикрыть тело. Не беспокойся, принцесса. Я знаю свое место и буду вести себя соответственно.

Тем не менее, дьявол соблазна будоражил его кровь. Девушка промокла до нитки, соски ее маленьких грудей напряглись от холода. Сзади груди, едва прикрытые низким корсажем платья, жгли огнем обнаженную кожу Блейда. И, с уверенностью опытного мужчины, он чувствовал несмотря на ее слова и возможное сопротивление, в конце концов она с радостью примет его любовь. Если он так решит.

Но Блейд не собирался торопить события. Со временем произойдет все, что назначено судьбой, если им суждено стать любовниками, этого не избежать. Сейчас перед ними стояли более неотложные проблемы: они заблудились, они страдали от холода и, кроме того, его желудок давно требовал пищи. Наверно, девушка тоже была голодна.

Некоторое время они молчали. Талин лежала, прижавшись к Блейду и дрожа, словно промокший щенок, тонкая прядь ее волос щекотала ему переносицу. Затем она отодвинулась и приподняла голову, пытаясь рассмотреть в темноте его лицо. В голосе ее прозвучали резкие нотки.

– Мне кажется, что ты смеешься надо мной, Блейд. Но я действительно принцесса, и мне не понравился тон, которым ты осмелился говорить со мной!

– Еще раз прошу извинить меня, принцесса. Я ничего не могу поделать со своим голосом. Я всегда так говорю.

– Если ты опять насмехаешься, Блейд, то когда мы придем в Сарум Вил, я прикажу, чтобы тебя выпороли на конюшне! Клянусь матерью Фриггой!

В бледном свете восходящей луны зубы Блейда сверкнули в волчьей усмешке. Он приподнял вверх клинок.

– Думаю, что ничего не выйдет, ваше высочество. Пока я вооружен и могу сражаться, плоть не коснется моей спины. Скорее я сожгу конюшню – вместе с твоими слугами... – Потом голос его смягчился, и он примирительно сказал: – Но я полагаю, нет никакой причины пороть меня. Я вовсе не насмехаюсь над тобой. Я полон почтения, маленькая принцесса.

Талин рассматривала его с некоторой опаской. Наконец она решила, что этот чужестранец заслуживает большего доверия и уважения. Улыбнувшись, девушка шепнула:

– Хорошо, Блейд. Мы снова друзья. Ты можешь обнять меня... – она придвинулась к нему – Ну же! Я замерзаю!

Но прежде, чем они в поисках тепла опять прижались друг к другу, из чащи до них донеслись звуки отдаленного пения. Талин посмотрела на Блейда и сделала странный жест

правой рукой над своей грудью.

– Фригга, спаси и защити нас! Это друсы! Этой ночью они собрались здесь, в лесу, на священной поляне! Теперь я знаю, Блейд, куда мы попали. Идем скорее. Мы обогнем поляну и окажемся на дороге и Сарум Вил.

Она коснулась ладонью его плеча. Блейд, по-прежнему недвижимый, пристально всматривался в лесную чащу, пытаясь определить место сближения. На конец он различил красные отблески костра, который заслоняли стволы и ветви деревьев, таившихся в темноте подобно колоннам гигантского храма.

Внезапно он ощутил странную тревогу и возбуждение. Он не смог бы объяснить, почему в душе его зашевелилась атавистическая тяга к пылающему огню, вокруг которого в мерном хороводе двигаются возносящие песнопения жрецы... Он знал только, что должен увидеть это.

Но когда он высказал свое желание Талин, девушка в ужасе отшатнулась и уставилась на него, как на безумца.

– Нет... нет, Блейд! Нельзя подсматривать за друсами! Да еще во время их тайных обрядов! Они убьют нас, если увидят... принесут в жертву богу деревьев. Именно этим они сейчас и занимаются – готовят жертвоприношение. Если нас поймут, то сначала отрубят ноги и руки, потом – голову, выпотрошат и поджарят на медленном огне! А затем они нас съедят! Нет, Блейд! Мы должны обойти поляну подальше и очень осторожно, потому что они всегда выставляют часовых.

Блейд невозмутимо взглянул на девушку. Несомненно, она верила в то, что говорила, и ужас ее был искренним. Луна уже поднялась высоко, и в ее бледном, призрачном свете он увидел, как страх исказил милое личико Талин.

Однако любопытство его только возросло. Он обнял девушку, прижав к груди, и погладил по волосам. Он чувствовал, как дрожат ее руки, и знал, что не только холод был тому причиной.

– Ты видела своими глазами все, о чем говоришь? – мягко спросил он. Относительно часовых девушка, несомненно, сказала правду, но остальное... Он сильно сомневался, что друсы питаются человечины. – Ты видела, как друсы убивают людей? Как едят их?

Заматав головой, Талин пробормотала, уткнувшись лицом ему в шею.

– Нет, не видела. Я не сошла с ума и не хочу умирать. Но мне рассказывали... эти истории знает каждый в Альбе... и они правдивы... Друсы очень сильны... они сами по себе... и у них свои законы. Все знают это, Блейд. Ты, чужак, которому простительно невежество... теперь должен узнать и понять... – она отодвинулась от разведчика и посмотрела ему в лицо: – Да, понять, если только ты не глупец, стремящийся к мучительной смерти. Но до сих пор я не считала тебя ни глупцом, ни безумцем.

– Я в своем уме, – успокоил ее Блейд, – и желаю умереть не больше, чем любой другой человек. Однако мне хочется увидеть этих друсов собственными глазами. И я их увижу. Сейчас. Немедленно!

Ему пришло в голову, что друсы, если они так могущественны, могут оказаться потенциальными врагами. А до сих пор он оставался в добром здравии лишь потому, что неизменно придерживался принципа: «Познай врага своего». Неизвестно, сколько еще продлится его пребывание в этой стране, которую Талин называет Альбой. И неясно, как долго сохранятся его воспоминания о прошлой жизни, его опыт, позволяющий рассчитывать на некоторое преимущество. Нужно подготовиться к неведомому будущему и, насколько возможно, усилить свои позиции. А информация – всегда сила; это он знал хорошо.

Поэтому, когда разведчик заговорил вновь, тон его был твердым.

– Я хочу разобраться с этими друсами, принцесса Талин. Опасность невелика, в лесу я как дома. Но ты можешь не идти со мной. Останься здесь, если хочешь. Я за тобой вернусь.

Девушка покорно вздохнула, хотя Блейд ожидал от нее новой вспышки гнева.

– Все-таки ты глупец. Тебе же никогда не найти меня снова! Нет... я пойду с тобой. Раз тебе хочется стать глупцом, то я, наверно, тоже должна поглупеть. Только вспомни мои

слова, когда они соберутся отрезать тебе голову.

Блейд усмехнулся и легонько похлопал ее пониже спины. Однако ее высочество была так встревожена, что не обратила внимания на этот фривольный жест.

– Иди за мной, – сказал Блейд, – и ничего не бойся. Постарайся не наступать на сухие ветки. Ставь ноги точно в мои следы... – он потянул девушка за руку. – Это не займет много времени. Я только взгляну на друсов, и ничего больше. А потом мы найдем эту дорогу и отправимся в деревушку твоего кузена... – Они выбрались из ямы и зашагали по лесу. Блейд поскреб живот. – Зря я не прихватил с собой того мертвого пса... – пробормотал он. – Сейчас я мог бы съесть его вместе с шерстью...

Талин всхлипнула.

– Это нас съедят, Блейд. Вот увидишь.

Всю свою жизнь Блейд охотился сначала на животных, потом на людей. И сейчас он легко и бесшумно ступал по заросшей мхом земле, отмечая, что лес вовсе не так густ и непроходим, как казалось с берега ручья. Луна давала достаточно света. Они огибали огромные деревья, обвитые лианами, старательно избегая мест, заваленных сушняком. Мох под ногами и опавшие листья заглушали шаги, ветви и свисавшие сверху стебли ползучих растений били их по лицу, словно чудовищные лапы, мокрые и холодные.

Вскоре Блейд обнаружил, что лес, выглядевший издалека непроходимой чащобой, в действительности состоял из дубовых и тисовых рощиц, разделенных полянками. С искусством опытного следопыта он пробирался по этому лабиринту, время от времени останавливаясь, чтобы испуганная и мрачная Талин могла его догнать. Она старалась идти точно по его следам, но это не всегда ей удавалось. Ветви и колючий кустарник цепляли девушку за платье, и раздраженному Блейду несколько раз приходилось возвращаться и освобождать ее. Вскоре нежное бедро Талин украсила длинная царапина. Блейд оторвал клочок ткани от ее подола и, вытирая кровь, почувствовал, как она дрожит. Его обнаженная бронзовая кожа также была исцарапана – особенно лодыжки и предплечья.

На секунду они замерли под кустом. Теперь пение слышалось уже совсем близко – монотонная заунывная литания, не слишком мелодичная, но отдававшая какой-то мрачной и злой силой. Сквозь мерные хлопки ладоней Блейд начал различать отдельные голоса. Костер – должно быть, огромный – сверкал за черными стволами дубов и манил к себе, словно зловещий маяк.

Разведчика остановил окрик, прозвучавший тихо и без всякой интонации. Голос, сухой и бесцветный, казался более ужасным, чем рев и вопли разъяренного великана.

– Кто здесь? Кто посмел осквернить священный обряд и вторгнуться в рощу нашего божества? Отвечайте!

Аскетический бесполой голос доносился из-за дерева. Талин, всхлипнув от ужаса, вцепилась в Блейда. Он оттолкнул ее, шепнув: «Стой тут!» – и, крадучись, шагнул в сторону, огибая древесный ствол и держа клинок наготове.

Голос, по-прежнему сухой и спокойный, произнес опять.

– Стой! Не приближайся ко мне! И знай – тот, кто откажется подчиниться друсам, будет проклят на вечные времена. Он познает ужас бесконечной тьмы и навеки лишится покоя. Стой! Я приказываю!

Несмотря на эти угрозы, Блейд устремился вперед; проклятий он не боялся. Внезапно из-за огромного ствола появилась фигура в белом, преграждая путь разведчику. Теперь страж почти визжал и в голосе его слышалась паника:

– Сейчас ты умрешь! Ты, глупец, не внявший слову мудрости! Умрешь! Умрешь!

Белая накидка всколыхнулась, и в лунном свете блеснуло лезвие золоченого кинжала, затем сильный и точно нацеленный удар обрушился на Блейда. Из-под капюшона сверкали фанатичные глаза, зубы хищно ощерились.

– Умри, глупец! Умри... умри... умри!

Слова звучали в такт пению на большой поляне.

Блейд парировал удар и резким движением послал свой клинок вперед – прямо в горло

друса. Кровь, казавшаяся черной в лесном полумраке, брызнула из перерезанной артерии, заливая белый балахон. Друс упал на колени, с безмерным удивлением созерцая свои окровавленные ладони, он пытался что-то сказать, слова булькали в его горле, из раны били струйки крови и текла багровая пена. Опасаясь, что страж попытается закричать, Блейд снова занес меч. Короткий, сильный удар, нацеленный ниже уха, почти обезглавил друса. Он рухнул в лужу собственной крови, мертвые глаза бессмысленно уставились в бледное ночное небо.

Блейд нагнулся и откинул капюшон, взгляду его предстал обритый череп, кое-где поросший седой щетиной.

Старик, решил он. Что ж, прискорбно, но, с другой стороны этот фанатик не шутил – золоченый кинжал все еще валялся у ног мертвеца. Теперь Блейд заметил, что только рукоять оружия была покрыта золотом, тогда как лезвие его казалось бронзовым.

Старик? Что-то необычное в застывшем лице заставило его помедлить. Он наклонился и распахнул балахон с малиновым кругом над сердцем, внутри залитого кровью круга можно было различить эмблему, вышитую золотыми нитями – контуры дуба с пышной кроной.

Край балахона выскользнул из пальцев Блейда, когда он увидел высохшие сморщенные груди. Старуха!

За его спиной Талин прошептала:

– Фригга, защити нас! Ты прикончил ее... Мы оба теперь прокляты навек... Нас убьют и съедят!

Горло Блейда перехватило. Убить женщину... пусть даже такую отвратительную старуху, которая пыталась заколоть его... нет, это было совсем не в его правилах! Однако он не позволил голосу дрогнуть и резко произнес:

– Не говори чепухи! Ничего с тобой не случится. Мне не очень приятно, что так случилось, но сделанного не воротишь. Почему же ты не предупредила меня, что среди друсов есть женщины? Я был бы осторожнее.

Он коснулся темной щетины на своем подбородке и, посмотрев на труп, задумчиво покачал головой.

– Но вряд ли это что-нибудь изменило, маленькая принцесса. Она ведь пыталась убить меня! Что тут можно сделать? Не сопротивляться и получить такое вот украшение между ребер? – он ногой откинул в сторону кинжал.

Отвернувшись от мертвого тела и не глядя на Блейда, Талин подняла, оружие и вытерла его пучком травы.

– Теперь мне нужно что-нибудь острое. Когда нас схватят, я сумею покончить с собой раньше, чем начнутся пытки.

Она потянула его за руку.

– Идем, Блейд. Если мы будем осторожны и проворны, то, может быть, нам удастся спастись. Поторопись! Тут наверняка есть и другие стражи.

Блейд стряхнул ее руку. Задумавшись, стиснув челюсти и прищулив глаза, он мрачно смотрел на труп. Наконец разведчик повернул голову к костру и поляне, с которой доносилось заунывное пение.

– Я зашел слишком далеко, принцесса, и не стану отступать. Я хочу посмотреть на друсов и их тайные обряды. Ты не ответила на мой вопрос: среди них много женщин?

– Все, – спокойно и тихо промолвила Талин, – все друсы – женщины. Я не говорила об этом, потому что не считала важным. – Она покачала головой. – Ты не просто странник из дальних краев, Блейд, ты и сам странный. Мне не могло прийти в голову, что ты захочешь выслеживать друсов. Во всей Альбе не найдется человека, который способен на такое... но я все время забываю, что ты не из Альбы.

Блейд игнорировал ее замечание.

– Так ты говоришь, что все друсы – женщины? Среди них совсем нет мужчин? Что-то вроде ордена монашек?

Тогда все не так страшно, подумал он. С добрым мечом в руках он может справиться с

целой толпой этаких старых бестий, обряженных в белые рясы и распевающих жуткие гимны. Однако. Блейд взглянул на кинжал за поясом Талин. Уж очень ловко эта карга владела оружием...

Немного успокоившись, девушка прошептала:

Если ты хочешь знать про друзей, Блейд, я расскажу тебе все, что мне известно... все слухи и страшные истории... только пойдем скорее отсюда. Сделай это ради меня – ведь ты сам уже никогда не будешь в безопасности... ты убил друга... Они не простят... они станут искать, расспрашивать, колдовать... Теперь ты можешь довериться только мне.

Талин не пыталась скрыть угрозу в голосе. Вдруг она жестко усмехнулась.

– Я говорила, что велю выпороть тебя, но не принимай это всерьез. Зачем? Твоя жизнь отныне в моей власти... в полной власти, Блейд! Одно мое слово – и ты мертв.

Блейд отвернулся от нее. Он вытер меч о траву, потом коснулся пальцем лезвия и только тогда пристально посмотрел на Талин. Глаза девушки сверкнули, она надменно подняла подбородок.

– Не пытайся испугать меня, Блейд! Я уже хорошо тебя знаю... Ты не тронешь женщину!

Разведчик насмешливо фыркнул.

– Да, ты права, маленькая принцесса, я не прикоснусь к тебе. Только ты забыла кое-что... похоже, ты и сама замешана в этом деле, не так ли? Может, это ты зарезала старуху? И мысль шпионить за друзьями тоже принадлежит тебе? Знаешь, когда надо, я могу лгать очень убедительно.

Талин задыхнулась от такого вероломства; лицо ее стало обиженным, как у ребенка, и можно было заметить, что она еще очень молода. Пробормотав что-то непонятное, девушка в очередной раз осенила грудь ритуальным знаком. Наконец, Блейд разобрал ее шепот:

– Фригга сладчайшая, сохрани и спаси меня от друзей... и от этого человека тоже... Я уже начинаю жалеть, что мы встретились, – сказала она погромче.

Пожалуй, Блейд тоже разделял это мнение. И, все же, он нуждался в Талин, сильно нуждался – как в проводнике и как в источнике сведений об Альбе. Дьявол побери лорда Лейтона и этот проклятый компьютер, зашвырнувший его Бог знает куда! Но он – здесь, и деваться ему некуда. Что касается Талин, то разведчик уже вполне разобрался, что представляет собой маленькая принцесса. Красивая, соблазнительная, но абсолютно ненадежная женщина – капризный ребенок, прелестная дикарка из страны варваров, для которой закон – только ее собственные желания. До сих пор Блейд не потворствовал ее капризам и смело держался с ней. И он понимал, что должен хорошенько приглядывать за этой юной красавицей; ее поступки были непредсказуемы.

Обдумав все это, Блейд нахмурился с показной суровостью и отрывисто произнес:

– Я хочу взглянуть на друзей. Иди со мной или оставайся тут; мне все равно.

Он осторожно двинулся к красному огню костра, не оглядываясь назад. Вскоре Блейд услышал, как принцесса споткнулась о корень и что-то пробормотала, упомянув Фриггу, но сейчас слова ее больше походили на проклятие, чем на молитву. Когда он приник к земле в густых зарослях, откуда был ясно виден костер и танцующие вокруг него фигуры в белом, девушка оказалась рядом с ним.

Она приблизила губы к его уху – Блейд снова ощутил аромат духов – и прошептала:

– Видишь ту, что стоит в стороне от танцующих и опирается на золотой меч?

Блейд кивнул. Вокруг огромного костра в медленном хороводе двигалось с полсотни фигур в глухих рясах; лица их, полускрытые капюшонами, были неразличимы в лесном сумраке. Они мерно хлопали в ладоши и пели, выписывая сложные па своего танца. Женщина, о которой говорила Талин, казалась тонкой и стройной, как березка; на голову ее тоже был надвинут капюшон, пальцы сжимали рукоять большого золоченого меча.

Снова раздался шепот Талин:

– Это Нубис, верховная жрица. Мой кузен Ликанто боится ее до смерти! И я – тоже... Тебе стоит ее опасаться, Блейд... месть друзей ужасна! – она судорожно вздохнула. – Теперь

взгляни – вон там под деревом, в темноте – видишь? Скажи, разве я лгала?

Напрягая зрение, он попытался различить что-нибудь в полумраке – и то, что он увидел, ему не понравилось. На опушке, меж выступающих корней огромного дуба лежала девушка – связанная, с кляпом во рту. Блейд видел, как сверкнули белки ее глаз, когда она повернула голову к опоясывающему костер хороводу танцующих. Лицо ее искажал ужас – беспредельный ужас, какой разведчику редко доводилось видеть раньше.

Эту девушку нельзя было назвать красавицей. Тело ее, полное, рыхлое и неуклюжее, с большими обвисшими грудями и толстыми ногами, принадлежало простолюдинке. Но Блейд почувствовал укол жалости, заметив, как она закатывает глаза от страха и бьется, пытаясь ослабить путы. Жалость не часто гостила в его душе, и сейчас она, вероятно, была неуместной. Тем более, что он все еще не верил до конца в дикие рассказы Талин.

Внезапно пение оборвалось. Танцоры смешались в беспорядке, но через мгновение он заметил, что каждый из них занимается своим делом, четко определенным и, по-видимому, привычным. Блейд присмотрелся – и если раньше он дрожал от знобкого ночного холода, то теперь крупные капли пота выступили у него на лбу.

Друсы работали быстро и слажено. С двух сторон костра в землю были вбиты рогатки; затем на них лег длинный, заостренный на конце, бронзовый вертел. В больших мешках принесли уголь и высыпали его в костер. Затем, при помощи металлических прутьев, разбили прогоревшие поленья, перемешали их с углем и разровняли. На месте костра образовался плоский, пылающий жаром круг.

Талин опять зашептала в ухо Блейда:

– Смотри! Вон там! Большой дубовый пенёк! Я слышала о нем. Друсы зовут его Королевским Дубом.

Верховная жрица, выставив перед собой меч, направилась к огромному обрубку. Поверхность пня, диаметром около восьми футов, покрывал тонкий каменный круг, испещренный темными пятнами.

Четверо друсов подхватили девушку и потащили к жертвеннику. Блейд видел, как она напряглась в безмолвном, заглушенном кляпом крике. Он с силой стиснул рукоять меча, потек по его вискам и заливал глаза. Напасть? Невозможно! Это было бы безумием... однако, если учесть внезапность... Может, стоит попытаться?

Пальцы Талин впились в его предплечье.

– Нет, Блейд, нет! Даже не думай об этом! Не воображай, что легко справиться с ними! Они – чудовища, они бьются не хуже воинов-мужчин. Даже если ты освободишь девушку, и нам повезет... если мы сумеем скрыться... они нас не оставят в покое! Они придут к Ликанто и потребуют наши головы... Наши тела, Блейд! И Ликанто выдаст нас. Он их боится! Или выгонит тебя и меня из Сарум Вила, и мы окажемся опять в лесу, без пищи, без укрытия и защиты! Послушайся меня, Блейд, прошу тебя! – она всхлипнула.

Могучие мышцы Блейда расслабились. Одно мгновение он находился на грани срыва, был готов рискнуть жизнью, но Талин права. Если он хочет выжить на Альбе, ему нужно подавить гнев и отвращение, справиться с этими тисками, что сдавили его грудь и не дают дышать... Ричард Блейд был тверд, как скала, но говорят, что даже камни могут источать слезы.

Он смотрел – только смотрел, с трудом сдерживая тошноту, подступавшую к горлу.

Все необходимое для церемонии было, очевидно, заготовлено раньше, и теперь события разворачивались с калейдоскопической быстротой. Связанную девушку грубо швырнули на каменный жертвенник. Она корчилась и отчаянно извивалась, соскальзывая к краю в бессмысленной надежде избежать гибели. Друсы, плотно обступившие пенёк, отталкивали ее к центру.

Они снова начали петь тихо, почти шепотом. Их песня несла смерть. Взявшись за руки, женщины в белых балахонах начали кружиться вокруг пня.

– О, мать Фригга, – едва слышно произнесла Талин, – мне кажется, я узнаю эту девушку! Это одна из служанок Ликанто... не только служанка, если верить слухам...

Фригга, защити меня!.. Здесь кроется больше, чем я понимаю...

На мгновение круг друзей разомкнулся, и верховная жрица шагнула вперед. Она медленно приближалась к жертвеннику величественная, молчаливая, страшная. Тяжелый меч, отливавший золотом, она несла легко, как игрушку.

Жрица оперлась ладонью о шершавый камень. Одно грациозное, легкое движение и она уже наверху. Внезапно ее капюшон откинулся на спину, открывая лицо, и у Блейда перехватило дыхание. Рядом раздался сдавленный вскрик Талин.

– Клянусь святыми грудями Фригги, – прошептала девушка, – я не знаю ее! Это не Нубис!

Верховная жрица не стала поправлять капюшон. Откинув назад голову, она подняла золотой меч обеими руками, направив его острием вверх. Губы ее шевелились, и Блейд уловил несколько слов, она просила благословения у могучего дуба, повелителя деревьев, и у черного купола неба.

Блейду казалось, что золотой меч вонзился в его сердце. Он никогда не встречал такую женщину! Отброшенный с лица капюшон был подобен стенам рухнувшей темницы, из которой явилась миру совершенная красота, и он догадывался, что белый бесформенный балахон скрывает не менее изумительное тело. Волосы жрицы серебряным облаком обрамляли нежный овал лица с гладкой кожей цвета слоновой кости. Чувственный рот с полными, словно нарисованными кистью, губами, прекрасной формы нос, глаза – широко расставленные, слегка сузившиеся, устремленные на извивающуюся у ее ног жертву.

Талин права, мелькнуло в голове у Блейда, он глупец. Он полагал, что женщина – тем более, такая красавица! – не может стать хладнокровной убийцей. Глупец, в самом деле! Ведь он не вчера появился на свет и еще сохранил кое-какие воспоминания о своем прежнем мире... Определенно, в Альбе ничего не изменилось в лучшую сторону по сравнению с земным средневековьем... Скорее, наоборот.

И все-таки он не мог поверить – пока не увидел собственными глазами.

Верховная жрица занесла меч над скорчившейся девушкой, сжимая обеими руками золотую рукоять и направляя вниз широкое лезвие. Она улыбнулась. Наступила полная тишина, которую нарушал только сдавленный хрип обезумевшей жертвы. Жрица улыбнулась опять, ее зубы сверкнули, словно чешуйки перламутра меж кроваво-красных губ. Пот жег глаза Блейда.

Она с силой опустила меч, вонзив его в грудь девушки. Блейд не мог поверить, что ее гибкое стройное тело обладает подобной мощью. Лезвие прошло сквозь плоть, проткнуло сердце жертвы и глухо звякнуло о каменный круг, покрывавший поверхность пня. Нагая девушка корчилась и билась в смертельной агонии, кровь залила ее тяжелые груди, струйками стекая на камень. Наконец, конвульсии прекратились и тело жертвы замерло.

Некоторое время верховная жрица стояла над трупом с опущенной головой, широко расставив ноги и опираясь на крестовину меча, сейчас она выглядела вялой и опустошенной. Внезапно тело ее дрогнуло, и на мгновение разведчику почудилось, что она сейчас упадет. Однако жрица выпрямилась и подняла голову. Ее пристальный взгляд скользнул по молчаливому кругу друзей и упал на густые заросли, в которых скрывались Блейд и Талин. В слабых отблесках пламени, плясавшего над догорающим костром, он не мог различить ни выражения, ни цвета глаз женщины. Неужели она догадывалась, знала о присутствии чужих? Нет, это невозможно! Но Блейд чувствовал, как взгляд жрицы словно впился в него: волна холодной дрожи прошла вдоль позвоночника, но он не опустил глаз.

Внезапно наваждение кончилось, жрица надвинула на голову капюшон и прыгнула на землю. Молча повернувшись спиной к толпе друзей, она направилась к противоположному краю прогаины и исчезла в тени деревьев.

Остальное походило на разделку туши в мясной лавке, и Блейд ощутил, как к горлу вновь подступает тошнота. Приподнявшись над его плечом, Талин с иронией прошептала:

– Ты думал, что я – лгунья? Или доверчивая дурочка, которая наслушалась от взрослых страшных историй и повторяет их? Ну, ты и теперь не веришь, что друзья едят человеческую

плоть? – она подтолкнула Блейда локтем. – Видишь, как они потрошат эту бедную служанку, словно цыпленка?

Друсы склонились над телом, набивая его какими-то листьями. Блейд почувствовал, что с него, пожалуй, хватит. Он видел достаточно, даже слишком много. Стоит ли смотреть как труп насадят на вертел и повесят над углями? Нужно уходить!

Талин дернула его за руку

– Во имя Фригги, Блейд, пойдем отсюда! Нам везет, но это не продлится вечно! Каким-то чудом нас еще не заметили, и если мы быстро...

Слова ее были прерваны пронзительным криком. Затем раздался еще один вопль и у костра началось столпотворение.

На поляне возникла фигура в белом балахоне, державшая на руках тело старухи, убитой Блейдом. Женщина громко стонала, невнятные слова молитвы срывались с ее губ, ряса была испачкана кровью. Остальные друсы, крича и причитая, столпились вокруг нее. Блейд пытался что-нибудь разглядеть под деревьями на дальнем краю прогалины – там, где скрылась во мраке верховная жрица. Но ее нигде не было, очевидно, выполнив свою часть ритуала, она покинула собрание. Наверно, с холодной злобой подумал Блейд, ей не нравится вкус человеческого мяса.

Рядом, в отчаянии распластавшись на земле, рыдала Талин, внося свою лепту в хор стонов, воплей и причитаний, повисших над поляной.

– Фригга, спаси нас! Они нашли ее тело! Теперь мы будем прокляты навек, даже если нас не убьют! Я говорила тебе, Блейд, я предупреждала, я...

Блейд закрыл ей рот широкой ладонью.

– Замолчи! Ни звука, пока я не разрешу говорить! Ползи назад, медленно и очень осторожно; пожалуй, нам пора удирать... Но тихо, маленькая принцесса, очень тихо...

Глава 3

Восход луны – такой же серебристой и бледной, как на Земле – помог Талин найти дорогу. Тропинка была узкой, усеянной камнями и мелкой галькой, которая немилосердно впивалась в босые ноги Блейда. Девушка, обутая в кожаные сандалии, легко и быстро шагала впереди. Тропа шла ниже уровня земли на добрых пять дюймов; очевидно, по ней ходили не одно столетие.

По пути девушка выложила все, что знала о друсах. Пережитый ужас развязал ей язык, и она говорила без умолку. Блейда, хотя он и являлся по натуре убежденным скептиком, увиденная сцена потрясла настолько, что он стал внимательно прислушиваться к рассказам своей маленькой принцессы. Он впитывал новые сведения и почти механически запоминал их. Позднее, когда будет время, он отделит правду от вымысла. Однако кое-что разведчик уже понял. Орден друсов нельзя просто игнорировать, он – неотъемлемая и важная часть этого мира. Друсы творили зло, и они же творили добро. По словам Талин, все тайные искусства Альбы, медицина и образование, ремесла и научные знания, а главное – магия, – все это было сосредоточено в их руках. И горе тому, кто попытался бы покуситься на их права и власть!

Блейд узнал, что принцесса возвращалась домой после четырехлетнего обучения в монастыре друсов, что стоял на берегу Пролива. Люди королевы Беаты перебили эскорт и схватили девушку несколько дней назад. Беата приходилась сестрой Воту Северному, что не мешало им ненавидеть друг друга с присущей феодальным властителям свирепостью.

– Беата собиралась держать меня в своем замке, – рассказывала Талин, – пока не получит большой выкуп от отца вместе со множеством разных уступок и привилегий. Отец очень любит меня, я его единственная дочь, и этой мерзавке Беате удалось бы добиться своего. Но у меня хватило ума и терпения дожидаться подходящего случая. Я притворилась очень робкой и напуганной, Блейд, а затем стала плакать и говорить Беате, что заключение убивает меня. Я попросила, чтобы мне разрешили погулять в лесу, я умоляла ее об этом на

коленях и, клянусь Фриггой, она дорого заплатит за мое унижение! Я говорила, что умру без солнца и воздуха – а какая ей выгода от мертвой принцессы? И я сумела ее обмануть! Разве не хитро, а, Блейд?

– Превосходная операция, – мрачно заметил разведчик – Значит, ты выждала подходящий момент, схватила меч и прикончила парня, который стерег тебя? Да, все сделано очень ловко и только одна маленькая деталь меня смущает.

Тропинка стала шире, камни почти исчезли и идти стало легче. Девушка шагала теперь рядом с Блейдом, повернув голову, она посмотрела на него.

– Что же тебе не понятно, Блейд?

Сохраняя бесстрастное выражение лица, разведчик заявил:

– Я признаю, что ты совершила смелый поступок, убить воина – немалый подвиг для молодой девушки вроде тебя. Но как ты оказалась наедине с ним? Неужели тебя стерег только один человек? Из того, что ты рассказала мне про Беату, ясно, что глупой ее не назовешь. Вероятно, там были другие стражи... Как же ты от них избавилась?

Блейд заметил, как помрачнело лицо Талин, и отвел глаза в сторону. Хитрости этой юной девушки были настолько прозрачны, что он едва сдержал улыбку. Но последние часы они хорошо ладили между собой, и он не хотел донимать ее насмешками.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Блейд, – хмуро произнесла Талин. – Нехороших вопросов! Какое тебе дело, как я...

– Никакого, – поспешно прервал он, – совсем никакого, принцесса. Забудь об этом.

С минуту или больше они в молчании мерили шагами пыльную дорогу. Наконец Талин тяжело вздохнула и сказала:

– Ты прав, Блейд. Наверно, в своей стране ты слынешь большим мудрецом. – Она снова вздохнула. – Да, там было много стражей, но я выбрала одного, который показался мне слабее остальных... и заморочила ему голову, кое-что пообещав. Негодяй имел приятную внешность и знал об этом, так что он поверил, когда я сказала, что... что хочу его. Но я поклялась, что не дам прикоснуться к себе, если кто-нибудь будет рядом... и он устроил так, что мы оказались одни. Мне пришлось вытерпеть его объятия, чтобы добраться до меча; а потом я прикончила его и убежала. И наткнулась на тебя – ты спал у ручья, совсем голый... такой же, как сейчас.

Она снова нахмурилась, капризно сжав губы. Скользнув взглядом блестящих карих глаз по обнаженному телу разведчика, она заявила:

– Вот что я скажу тебе, Блейд. Твой вид начинает меня раздражать! Ты такой огромный... Слишком много в тебе всего...

Взгляд Талин опять скользнул по телу мужчины, задержавшись пониже пояса. Она скорчила гримаску и отвернулась с притворным негодованием.

– Прикройся чем-нибудь, Блейд. Я приказываю! Меня тошнит от твоего вида!

С насмешливой улыбкой Блейд отсалютовал мечом.

– С радостью, принцесса. Но где я возьму одежду? Или ты прямо сейчас, не сходя с места, готова сшить мне штаны?

Однако спустя минуту эта проблема разрешилась сама собой – способом, который они не могли предвидеть. Дорога повернула, и путники оказались в открытом поле, огороженном грубым невысоким барьером из битого камня. Поле было обработано и, по-видимому, охранялось, так как прямо на них уставился человек с угрожающе поднятым мечом.

Блейд прыгнул вперед, загораживая девушку, выставив вперед свой клинок, он крикнул:

– Отойди назад!

Талин рассмеялась. Приглядевшись, разведчик от всей души присоединился к ней, согнувшись пополам от хохота. Так нелепо обмануться!

Однако это огородное пугало вполне походило на человека. Если наткнуться на него неожиданно, да еще после приключений в ночном лесу, то и деревянный меч можно было принять за настоящий.

Талин смеялась, не в силах остановиться, показывая руками то на Блейда, то на жалкое сооружение из палок, соломы и старой ветхой одежды.

– Ты... ты... – повторяла она между приступами хохота, – пытался защитить меня от этого...

Не обращая на нее внимания, Блейд перепрыгнул через каменную изгородь и стянул с пугала дырявые штаны из холстины. Они были узковаты для его мощных мускулистых бедер, но в остальном вполне подошли. Блейд вернулся к Талин, размышляя о том глубоком удовлетворении, которое испытывает мужчина, раздобывший пару штанов. Пусть даже совсем драных...

К этому времени небо на востоке уже посветлело. Девушка успокоилась, вид спутника больше не смущал ее. Они продолжили путь, и Блейд, довольный неожиданным подарком судьбы, не смущался тем, что выглядит шутком; к Талин же вернулось хорошее настроение, и она болтала как сорока. Блейд в основном помалкивал и изучал окрестности. Они миновали поле, пересекли полосу леса и прошли обширную пустошь, за которой возделанные участки земли перемежались с заболоченными низинами. Вскоре наступивший рассвет явил взору разведчика ряд крытых соломой хижин на сваях, стоявших поодаль от дороги. Над отверстиями в крышах вился дымок, доносивший запахи пищи, на которые пустой желудок Блейда ответил жалобным урчаньем. Силуэты коров и лошадей, пасущихся около домов, казались эфемерными на фоне жемчужно-розового рассветного небосвода. К забору подбежала коза, недобро уставилась на путников желтыми глазами и насмешливо заблеяла.

После священной поляны друсов Блейду казалось, что он никогда не сможет поднести ко рту кусок мяса. Сейчас, однако, пустой желудок требовал пищи, и он был готов съесть что угодно. Он попытался намекнуть об этом Талин, на мгновение прервав ее болтовню, но принцесса велела ему потерпеть. Город Сарум Вил и кузен Ликанто были уже близко, а там их хорошо накормят.

Девушка замолчала, о чем-то размышляя. Во время этой паузы разведчик ощутил, что воздух становится солоноватым, очевидно, они приближались к побережью. Талин обернулась к нему:

– Блейд!

– Да, моя принцесса!

– Мне кажется, нам лучше помалкивать о том, что мы видели этой ночью... – она задумчиво нахмурилась. – Альбийцы – подозрительный народ, а мне еще предстоит как-то объяснить твоё появление. Я думаю, ни слова о друзьях не должно слететь с наших губ. Хочешь, мы дадим друг другу клятву хранить молчание!

Это предложение показалось Блейду вполне разумным, однако он хотел получить ответ на вопрос, который весьма интересовал его. Не глядя на Талин, он спросил:

– Ты знала девушку, которую убили ночью?

Немного помолчав, Талин неуверенно произнесла:

– Я этого не утверждала... принцесса не опускается до знакомства с прислугой. Но я узнала ее, она была служанкой в доме Ликанто, моего кузена. Ну, и что из этого?

Блейд осторожно, с профессиональной настойчивостью продолжал расспросы:

– Ты начала говорить о каких-то слухах и обстоятельствах, не совсем тебе понятных. Что ты имела в виду? Я должен знать. Тебе больше не грозит опасность, а мое будущее совсем неясно. В какой мере это может меня коснуться? И как попала в руки друсов бедная служанка?

Не глядя на Талин, он услышал, как девушка судорожно вздохнула.

– Да, я все больше убеждаюсь, что ты был мудрецом в своей далекой стране... Твой ум острее меча – ты видишь самую суть! Ты прав. Есть еще одна причина, по которой мы не должны рассказывать о том, что узнали этой ночью.

– Я польщен, – сказал Блейд, – но немного сбит с толку. Скажи мне прямо – какую именно суть мне удалось узреть?

– Должно быть, в этом замешана Альвис, супруга Ликанто, – ответила принцесса. – Она

очень умна, но бессердечна, и я не люблю ее, хотя нельзя сказать, что Альвис – плохая жена и мать... Мой же кузен Ликанто – глупец, как большинство мужчин! Он похож на петуха, который считает всех кур своей собственностью! – девушка помолчала. – Ходили слухи, что Ликанто иногда спал с этой служанкой – и, наверное, они истинны. Иначе зачем же Альвис отдала ее ярусам? Тут все ясно. Другое дело – как поступит Ликанто, когда об этом узнает! Мой кузен хороший воин, храбрый, но глупый. Он старается ладить со всеми и не любит неприятностей особенно с Альвис. Но если он узнает, что его наложницу убили и съели друсы, да еще с согласия королевы, одна Фригга ведает, что произойдет. Друзов Ликанто не тронет, он боится их чар... но ярость его ужасна и кто знает, на кого она обрушится. Может быть, на тебя или на меня.

Блейд холодно взглянул на девушку.

– Очевидно, на меня – ведь ты его родственница и вряд ли он посмеет причинить тебе вред. А я – нищий чужак...

Талин кивнула, и на мгновение он почувствовал в ее голосе нотку скрытого торжества.

– Да. Я рада, что ты наконец то это понял. Блейд! Альбы – жестокий народ. Но если мы станем держать рты закрытыми, и Ликанто будет в хорошем настроении, я попробую договориться с ним. Я попрошу у него вооруженный эскорт и потребую, чтобы ты сопровождал меня на север к отцу. Я обязана тебе спасением от людей Беаты, и мой отец, король Вот, сумеет отблагодарить тебя. Ты должен это понимать, Блейд

– Я понимаю, – коротко ответил разведчик.

– И кроме того, я не хочу расставаться с тобой, Блейд, – девушка улыбнулась. – Ты такой странный... и немного пугаешь меня, но я чувствую к тебе интерес. Мне кажется, что Фригга недаром свела нас... Кто знает, что сулит нам будущее? Любовь? Или смерть? Кто знает?

Фригга, как объяснила Талин, была богиней женщин в Альбе, в стране Вота и во всех других землях, о которых слышала девушка. Относительно прочих богов она не вдавалась в подробности, добавив с негодованием, что друсы не признают Фриггу, запрещают ей поклоняться и даже упоминать ее имя. Впрочем, и знать, и простой народ не обращали внимания на этот запрет, продолжая почитать древнее божество.

Богом мужчин является Тунор, которого друсы тоже решительно не одобряли. Блейд запомнил это имя, так как мужская половина населения упоминала Тунора не реже, чем женская – Фриггу. В Альбе ему нужно быть похожим на альбийцев, напомнил он себе. Конечно, при этом не следует выходить за пределы разумного. Он слишком хорошо знал свои слабости – горячий нрав, упрямство и неистребимое любопытство, способное привести его на виселицу.

Путники двигались вверх по отлогому склону, одолев его, они очутились на вершине длинной скалистой гряды. Под ними до самого моря, спокойная гладь которого отражала первые лучи солнца, тянулась заболоченная низина, еще полускрытая клубящимся туманом. Город – скопище грязно серых хижин, среди которых тут и там возвышались бревенчатые дома, – стоял на самом морском берегу, в наиболее удобном для обороны месте. Блейд отметил, что запутанная сеть тропинок, тянувшихся через болота к Сарум Вилу, размечена шестами с привязанными сверху тряпками.

– Что-то случилось, – вдруг произнесла Талин, нахмурившись, она показала вниз, на город. – Слишком много суеты для такого раннего утра! Мой кузен ленив и обычно спит до тех пор, пока Альвис его не растолкает. Смотри, Блейд! Вооруженные люди! И много!

Разведчик тщательно изучал небольшой городок и окружающую его местность. Обитель славного короля Ликанто защищал прямоугольник земляных валов, увенчанных частоколом из заостренных бревен, перед валами тянулся ров – глубокая канава футов двадцать шириной. По углам прямоугольника торчали высокие башни, нависавшие прямо над стенами, а не выдвинутые вперед в виде бастионов; Блейд решил, что эта хитрость оборонного искусства еще не известна альбам. Он мог видеть только одни ворота в стене, обращенной к ним, они были распахнуты и поток вооруженных людей вливался в город.

Отряды двигались со стороны болота, испещренного лабиринтом тропинок. Доспехи воинов блестели на солнце; Блейд различал детали их вооружения – мечи, копья, щиты и круглые металлические шлемы. Некоторые сидели на лошадях, окруженной свитой, но большинство шло пешком, группами или поодиночке.

С вершины гряды путники видели внутреннюю часть города, от самых стен до центральной площади, на которой царил взволнованный суета. Вооруженные люди толпились вокруг костров, занятые едой и питьем. Сквозь толпу проносились боевые колесницы, иногда сбивая с ног какого-нибудь воина, тогда раздавался взрыв проклятий, доносившихся до Блейда и Талин. Разведчик усмехнулся, дисциплина явно не относилась к числу достоинств альбийских бойцов.

Неожиданно Талин вытянула руку:

– Смотри! Там! Вон мой кузен Ликанто – чуть правее большого костра в центре площади! Ты видишь? Он пьет из рога. Пожалуй, его не назовешь довольным! – Она коротко рассмеялась – Эти воины уничтожают его припасы, а Ликанто такой же скряга, как и распутник. Вероятно, что-то случилось – раз он созвал своих вассалов. Можешь поверить, без нужды Ликанто не подаст нищему сухую корку!

Внезапно Блейд услышал лязг оружия на дороге позади них, он быстро обернулся, вытаскивая меч. Наблюдая за Сарум Видом, они не заметили приближавшихся сзади воинов.

Талин схватила Блейда за руку и заставила опустить клинок.

– Нам не грозит опасность, Блейд! Это Кунобар Серый, капитан Ликанто, со своими людьми. Я знаю его, хотя сомневаюсь, вспомнит ли он меня. Прошло столько лет, когда мы встречались в последний раз взгляд ее стал задумчивым. – Отойди назад, Блейд, и стой спокойно. Я справлюсь сама.

Человек, которого девушка назвала Кунобаром Серым, возглавлял отряд из восьми воинов. При виде Талин и Блейда они остановились и начали совещаться. Наконец, вперед вышел капитан. Это был высокий тощий мужчина, и Блейд понял, что он не так стар, как выглядит: пепельно-серые с проседью волосы и большая борода добавляли ему лет. На шпиле, венчавшем его бронзовый шлем, была закреплена фигурка летящего коршуна, и такая же эмблема украшала его тяжелый щит. Он обнажил меч, но, подойдя ближе, опустил клинок. Походка его была уверенной, лицо – гордым, но без следов высокомерия и чванства. Не обращая внимания на разведчика, Кунобар опустился на одно колено перед принцессой, воткнул меч в землю и снял шлем. Его голос оказался глубоким и сочным, вибрирующим, словно струна арфы. Глаза над густой серой бородой, удивительного красновато-коричневого цвета, мельком скользнули по фигуре Блейда, не упустив однако, ничего.

– Как много лет прошло, моя принцесса! Слишком много. Я помнил, что ты прекрасна, но память предала меня. До этой минуты я не мог представить, что в мире существует подобная красота.

Казалось, Талин польщена. Она с триумфом посмотрела на Блейда, который стоял, опустив глаза вниз и украдкой наблюдая за Кунобаром.

– Я вижу, мой старый друг Кунобар не изменился. Даже когда я была ребенком, ты так расхваливал мою красоту, что вскружил мне голову и совершенно избаловал – за что я поплатилась, когда приехала домой, к отцу, – она притворно нахмурилась. – Но поднимись, Кунобар, и скажи что происходит в Сарум Виле. Почему собралось столько воинов?

Капитан встал и спрятал меч в ножны. Он по-прежнему не глядел на Блейда. Его люди держались позади, тихо переговариваясь друг с другом. Тем не менее, оружие они держали наготове.

– Геторикс опять пересек Пролив, – произнес Кунобар. – Он наступает. Уже сожжено и разграблено с полдюжины деревень, все люди перебиты. Прошлой ночью сигнальные маяки передали, что он близко, и король Ликанто велел всем владетелям вести воинов в Сарум Вил. Что же делать? Если мы не остановим Геторикса, половина Альбы будет лежать в развалинах.

Он бросил взгляд на город, переполненный солдатами, на костры, пылавшие на главной площади, и покачал головой:

Не знаю, как ты оказалась здесь, принцесса не знаю и не спрашиваю. Это не мое дело. Но я и мои люди проголодались, и если мы хотим что-то получить на завтрак, нам лучше поторопиться. Иначе эта стая волков не оставит ни косточки от припасов короля.

Они рассмеялись, и Талин сказала:

– Ты прав. Но я хорошо знаю своего кузена – он побережет кое-что для себя. Мы заставим его поделиться, Кунобар.

Казалось, только сейчас старый воин заметил Блейда. Он ничего не сказал, но окинул его суровым взглядом, а затем вопросительно посмотрел на Талин. Девушка улыбнулась и небрежно махнула рукой в сторону спутника.

– С ним все в порядке, Кунобар, ручаюсь тебе. Это мой человек; он свободный и имеет право носить оружие, но не принадлежит к благородному сословию. Верный слуга, и я хотела бы иметь возможность отблагодарить его.

Капитан, вероятно, решил, что теперь его достоинство не пострадает, если он обратит внимание на Блейда, и осмотрел его с головы до пят.

– Рассказывают, что у Геторикса есть любимый трюк посылать вперед опытных шпионов. Они странствуют под видом свободных людей, или рабов, или даже воинов, собирают слухи и вынюхивают все наши слабости. А потом докладывают Краснобородому...

Солдаты Кунобара приумолкли. Они уставились на Блейда; один потянул из ножен меч, другие опустили копья.

Блейд повернулся к ним спиной и начал что-то насвистывать, демонстрируя полное презрение. Только смелость могла его спасти, в схватке ему не устоять против целого отряда опытных бойцов.

В голосе Талин появилась резкая нотка:

– Я же сказала, что ручаюсь за него, Кунобар! Этого недостаточно?

– Более чем достаточно, принцесса, – в обычное время, – ответил капитан с поклоном, словно извинялся за свое упрямство. – Но ты молодая девушка, госпожа моя, и можешь даже не подозревать о том, что приходит в голову старому вояке вроде меня. Шпионы Геторикса очень хитры. И если этот парень – воин, как ты утверждаешь, то где его оружие? Где шлем, кожаные доспехи, щит и копье? На нем ничего нет – кроме меча и пары штанов, которые, наверно, он содрал с огородного пугала.

Блейд едва не подавился смехом и благословил небеса, что стоит отвернувшись; Кунобар мог истолковать неверно его слишком веселое настроение.

Талин, закашлявшись, тоже постаралась скрыть улыбку. Затем, самым холодным и надменным тоном, какой Блейду доводилось от нее слышать, она заявила:

– Мне это не нравится, Кунобар. Прекрати! Его зовут Блейд и он – мой человек. Повторяю еще раз – я ручаюсь за него! А теперь проводи нас в город, мой старый друг, и не заставляй меня сердиться. Я все объясню – но только королю Ликанто, моему кузену.

Блейд повернулся и увидел, как Кунобар кивнул и зашагал вниз, к равнине, бросив через плечо:

– Прости принцесса. Незнакомцы всегда вызывают подозрения в Альбе... особенно сейчас.

Блейд и девушка отошли в сторону, пропуская солдат. Кунобар, сохраняя достоинство, больше не обращал на них внимания, но его люди, проходя мимо, тщательно всматривались в лицо Блейда. Последний из них, коренастый громила без шлема, подмигнул разведчику. Блейд подмигнул в ответ и улыбнулся.

Они пристроились сзади к воинам и двинулись по дороге, ведущей к воротам Сарум Вила. По пути Блейд сказал:

– Ты поступила благородно, объявив меня свободным человеком. Очень предусмотрительно. Пока я остаюсь твоим слугой, я могу надеяться на достойное

обращение.

Девушка рассмеялась:

– Неужели? Я сделала все, что могла. Сейчас нет времени объясняться с ними. Ликанто я расскажу правду, – ее усмешка стала холодной, – по крайней мере, думаю, что расскажу.

Блейд снова напомнил себе, что маленькая принцесса всего лишь полуженщина-полуребенок, капризная и, следовательно, потенциально опасная. Однако, нравилось это ему или нет, от нее сейчас зависело многое. Слишком многое. Возможно, даже его жизнь.

Блейд сменил тему, спросив:

– Кто такой Геторикс?

Девушка нахмурилась, лицо ее стало серьезным.

– Дьявол! Морской разбойник. Некоторые зовут его Краснобородым. Каждые несколько лет он пересекает Пролив между Альбой и северными берегами Скайра, а потом грабит наши земли; он не знает жалости. Его люди – негодяи, убийцы и насильники, а он – самый большой мерзавец из всех. Говорят, что его породили демоны; они даровали ему гигантский рост, силу и неуязвимость в сражениях.

Блейд слушал с непроницаемым лицом. Она снова плела сказки, порожденные буйной фантазией этого примитивного средневекового мира. Но даже с поправкой на это Геторикс выглядел достойным противником. Конечно, в словах маленькой принцессы много выдумок... но Блейд не мог забыть того, что видел на поляне друсов. Однако эта фантастическая мощь и неуязвимость в бою... Он пожал плечами. Сейчас он находился не в Лондоне, а в Альбе, в другом непонятном измерении пространства и времени. Здесь ему придется на ощупь искать верные пути и не стоит относиться с сомнением или снисходительным презрением к чему-либо услышанному.

Принцесса еще больше помрачнела.

– Не думаю, что Ликанто сумеет справиться с Геториксом. Конечно, он достаточно храбр, но слишком глуп. И у него мало людей... не то, что у моего отца... Все же он обязан попытаться – это его долг. Каждый король обязан защищать свою часть побережья, и поэтому, если Геторикс нанесет удар здесь, Ликанто будет с ним сражаться.

– В Альбе, наверно, есть и другие короли, – сказал Блейд, – другие принцы и вожди. Почему бы им не объединиться и не дать отпор этому Геториксу? Они могут собрать большое войско и атаковать его сразу с нескольких сторон. Наверно, они не все так глупы, как Ликанто?

Ответ ее оказался разумнее, чем Блейд мог предположить. Снова он напомнил себе, что не стоит недооценивать эту девушку.

– Конечно, не каждый из владетелей глуп, – согласилась она, – но все они завистливы и жадны, все ненавидят друг друга. Людям из соседнего королевства, расположенного всего в нескольких килсах, никто не доверяет. Беата – чтоб она сгнила в своем замке! – имеет много вооруженных людей и много богатств, но она не придет на помощь Ликанто. Как и мой собственный отец. В такой ситуации он беспокоится только о своих владениях.

Блейд задумчиво произнес:

– Однако такое предложение можно обсудить. Кто знает? Стоит попытаться...

Девушка сверкнула на него глазами и раздраженно заметила:

– Так кто же внесет его? Во всяком случае, не я; женщин не допускают на военные советы. Ты сам, Блейд, предложишь это? Сегодня я уже достаточно посмеялась, когда ты пытался защитить меня от пугала. Кажется, ты еще не все понял до конца. Ты под подозрением... и наверняка лишишься жизни, как только станет известно, что ты убил жрицу друсов. Понятно ли тебе то, что сказал Кунобар Серый? Они прикончат тебя в мгновение ока – просто потому, что ты – чужак. Твоя жизнь зависит от меня, Блейд, и только от меня, не забывай об этом! Я постараюсь сделать все, что смогу, но ты должен вести себя тихо, как мышь в поле, над которым парит коршун. Когда мы придем в город, нас, конечно, разделят, потому что полуголого бродягу вроде тебя не допустят в королевское жилище. Я

позабочусь, чтобы тебя накормили и выдали одежду и оружие, подобающее свободному человеку. Но, ради матери Фригги, держи себя в руках и молчи! Если ты затеешь драку, я не смогу выручить тебя.

Подобные перспективы не вызвали у Блейда энтузиазма. Тон девушки ему тоже не понравился, однако он мягко заметил:

– Ты говорила, принцесса, что я был мудрецом в своей стране. И в этом есть доля правды – большая, чем ты можешь догадываться. Все зависит от того, что в Альбе считают мудростью...

Талин резко остановилась и, уперев руки в бедра, бросила на разведчика испепеляющий взгляд.

– Ты говоришь словно лунатик, Блейд! Мудрец – это колдун! Что же еще? Мудрец знает магию, заклинания и может читать мысли людей. Его нельзя убить – только с помощью другого колдуна, чья магия сильнее. Если ты действительно колдун, Блейд, то самое время признаться в этом и тогда дело примет другой оборот. Я скажу моему кузену, и он с радостью примет тебя. Ты станешь его придворным колдуном и поможешь победить Геторикса. А потом мы будем жить долго и счастливо, как в тех историях, которые скальды рассказывают людям у вечерних костров на деревенских площадях. Ну, Блейд? Так ты – колдун?

Глаза ее светились насмешкой пополам с сомнением. Разведчик вздохнул и взял себя в руки; сейчас было не время ссориться.

– Выслушай меня, – спокойно сказал он, – выслушай внимательно, принцесса Талии. В моей далекой стране меня вряд ли сочли бы мудрецом... но в Альбе я вполне могу занять эту почетную должность. Я знаю много хитростей, которые можно применить на войне – и тогда твоему кузену удастся победить морского разбойника. Клянусь тебе в этом! Но я должен обратить на себя внимание Ликанто, должен говорить с ним, как равный с равным. Я готов подождать в помещении для слуг, пока мне не дадут одежду и пищу. Но прошу тебя – уговори Ликанто встретиться со мной! Или, если нельзя потолковать с ним один на один, пусть разрешит мне выступить на военном совете.

Талин отступила назад, прижав ладошку ко рту. Они шли медленно и уже здорово отстали от Кунобара и его людей. Вокруг тропы начали попадаться воинские палатки из кожи или полотна; они стояли здесь и там с обеих сторон дороги, где почва была не слишком болотистой. На небольших кострах варился обед, а рядом слонялись солдаты. Блейд заметил, что немногие были заняты приготовлением пищи или своим оружием, в основном, это дикое воинство болтало, смеялось и хвастало собственными подвигами. К одному из шатров выстроилась небольшая очередь; доносившиеся изнутри взвизги и смех женщин смешивались с тяжелым дыханием мужчин и звоном монет.

Талин, совершенно безразличная к этим неприглядным сценам, уставилась на Блейда так, словно в первый раз разглядела его по-настоящему.

– Ты потерял разум, Блейд! Ты сумасшедший! Захотел выступить на военном совете! Ты! Неотесанный чужак в штанах, содранных с пугала! Порази меня Фригга на месте, если ты действительно можешь на это надеяться!

Блейд чувствовал, что теряет терпение; принцесса начинала действовать ему на нервы. Все же он постарался сдержать резкие слова; он был сильным и неглупым человеком, умел обуздывать свой нрав и хорошо понимал, что хитрость иногда способна взять верх там, где грубый напор и сила потерпят неудачу.

– Тем не менее, ты можешь сделать так, чтобы меня выслушали на совете, принцесса.

Карие блестящие глаза Талин расширились.

– Могу? Каким же образом?

– Через Альвис, жену Ликанто. Ты говорила, что он пляшет под ее дудку. Потолкуй с ней, расскажи, что я мудрец из далекой страны, и попроси шепнуть нужное слово королю Ликанто. Вот и все... довольно просто, как видишь.

Розовые губы девушки скривились в явном отвращении.

– Альвис? Я ее терпеть не могу! И не стану просить у нее никаких милостей!

Блейд продемонстрировал свою самую неотразимую улыбку, которую Дж. частенько сравнивал со взрывом бомбы в курятнике.

– Сделай это для меня, Талин! Кто спас тебя от собаки и людей Беаты? Кто в лесу обогрел и утешил тебя, усталую и замерзшую? Неужели твоя память так коротка?

Он понимал, что может переиграть; конечно, принцесса была еще ребенком, но это дитя отличалось редкой сообразительностью. Впрочем, он не видел другого выхода и решил рискнуть.

Девушка недовольно надула губки, с сомнением разглядывая источник всех перечисленных подвигов и благодеяний. Наконец она важно кивнула, все еще сохраняя мрачное выражение на лице:

– Хорошо, Блейд... я сделаю все, что смогу. Но пора идти! Кунобар ждет нас у ворот и, если меня не обманывает память, рядом с ним – старший из военачальников Ликанто. О тебе уже судачат, Блейд! Поспешим. И напоминаю тебе снова: не выказывай свой нрав!

Глава 4

Весь этот день Ричарду Блейду пришлось провести под замком. Его сунули в крохотную хижину с земляным полом и закопченными стенами: круглая дыра в соломенной крыше являлась единственным источником свежего воздуха. Меч у него отобрали и у двери поставили часового – бойкого проходимца с редкими кустиками волос на черепе, заячьей губой и чудовищным косоглазием. Он явно побаивался Блейда, но особой враждебности не проявлял. Звали его Сильво. Он был рабом, но теперь стал свободным человеком и воином. Блейду он понравился.

Так как в хижине наблюдались полное отсутствие мебели, разведчик расположился прямо на голом полу. Он чесался; тело его покрывала корка грязи, черная щетина быстро превращалась в бороду, и тщетные мечты о ванне с горячей водой терзали сердце. Хижина кишела вшами, и борьба с ними была единственным развлечением Блейда весь долгий день.

Когда в дыре, прорезанной в кровле, показались первые звезды, его раздражение дошло до предела. Неужели Талин забыла о нем или ничем не может помочь? Он просидел взаперти весь день, тогда как в городе нарастали шум и смятение. Блейд ничего не видел, но мог слышать и делать выводы из услышанного. Вероятно, король Ликанто не собирался выступать сегодня. Топот и лязг оружия доказывал, что в город прибывало все больше и больше солдат. Где-то за стеной носились колесницы, сбивая людей. Повсюду шли обильные возлияния, сопровождавшие игру в кости; доносились хвастливые возгласы и пьяный смех, ругательства и визг лагерных проституток. Блейд, закипая от злости, подумал, что войска Ликанто – не дисциплинированная армия, а разнузданная толпа. Если этот Геторик твердо держит своих людей в руках, ему не составит труда разгромить подобный сброд.

Внезапно разведчик усмехнулся, сообразив, что ведет себя так, словно ответственность за неминуемое поражение падет на него. Он покачал головой, стараясь справиться с раздражением. В конце концов, какое ему дело до этой варварской орды!

Утром, когда люди Кунобара бесцеремонно втолкнули его в хижину, он почти приветствовал свое заключение. Ему нужно было отдохнуть и подумать без помех. Он чувствовал, что память о прошлой жизни слабеет – хотя при некотором усилии ему удалось вспомнить кое-что важное. Сейчас, располагая временем, Блейд попытался разобраться в том, что же с ним случилось. Непростая задача! Он понимал, что может легко ошибиться в оценке ситуации.

Он не был ученым, хотя в свое время получил в Оксфорде бакалаврскую степень в области металлургии; он являлся человеком действия, обладавшим здравым смыслом и практическим опытом. И поэтому он попытался рассмотреть факты в их простейшей взаимосвязи.

Случилось что-то непредвиденное. Произошла грубая ошибка – по вине компьютера

или самого лорда Лейтона. В результате в мозгу подопытного свершились некие непредусмотренные изменения. Эта мысль была не слишком приятной, но он предпочитал смотреть правде в лицо.

Врачи используют электрошок для лечения; в его случае достигнут обратный эффект. Конечно, проклятый компьютер не превратил его в безумца в обычном смысле слова, но, возможно, изменил всю молекулярную структуру мозга.

Познания Блейда в данной области были невелики. Как любой образованный человек, он слышал о нейронах, протеинах и нуклеиновой кислоте, но их роль в процессе мышления являлась для него такой же загадкой, как тайна рождения галактик. И все-таки он справедливо полагал, что, по сути дела, специалисты знают немногим больше его. Человеческий мозг – гигантский и малоисследованный континент, на котором можно обнаружить много белых пятен.

Он пришел к выводу, что компьютер каким-то образом изменил его нервную систему – так, что он получил способность воспринимать другой мир. Очевидно, реальность, в которой он оказался, лежала в каком-то ином измерении, недоступном восприятию обычного человека.

Обнаружив в волосах крупную вошь, он раздавил ее, испытывая чувство двойного удовлетворения. Картина получалась весьма убедительной. Он не знал, воздействовал ли эксперимент на время или на пространство; впрочем, он сомневался, что такое воздействие имело место. Перенос в другое измерение! Вот где ответ! И пока эта гипотеза вполне его устраивала.

В некотором отношении Блейд мог считать, что ему повезло. Шок не затронул глубинных частей разума, ведавших животными инстинктами и рефлексам, унаследованными от далеких предков. В обычной ситуации основная нагрузка падала на верхнюю кору мозговых полушарий, которая хранила его личный опыт и знания, накопленные за все время жизни – то, что делало его цивилизованным человеком. Но здесь могли спасти только молниеносные рефлекс, звериная хитрость и инстинктивное предчувствие опасности.

Шок оставил без изменений и его личность, с усмешкой констатировал разведчик. Он все еще оставался прежним Ричардом Блейдом, упрямым и задирой, чьи внезапные приступы гнева столь же быстро сменялись сожалением о проявленной горячности. Тем же непоседливым Блейдом, мужчиной с немалым сексуальным аппетитом, верным другом и опасным врагом. Человеком с могучим телом и неукротимым духом, равно способным к любви и жестокости, к проявлению жалости и безудержным наслаждениям.

Отбив очередную атаку насекомых, Блейд был готов опять погрузиться в размышления, когда дверь открылась и вошел Сильво. На сгибе его правой руки покачивался деревянный поднос с мясом и краюхой черного хлеба; там же находился большой рог с пенистым светлым пивом.

Сильво знал свое дело. В другой его руке было зажато короткое копье с острым лезвием, которым он ткнул в угол хижины.

– Туда, господин мой, на прежнее место. Я не хочу, чтобы ты ко мне приближался. Клянусь Тунором, такими ручищами, как у тебя, можно задушить быка.

Блейд подчинился, улыбнувшись своему стражу. Хотя Сильво и был приставлен присматривать за ним, мошенник не выходил за рамки осторожной и почтительной вежливости.

Скрестив на груди сильные руки, он спросил охранника:

– Сколько еще я должен сидеть в этом хлеву?

Сильво поставил поднос посередине хижины и благоразумно отступил к дверям. Казалось, страж не прочь поболтать – возможно, он даже улыбнулся Блейду в ответ. Глядя на физиономию этого пария, нельзя было ничего утверждать наверняка. Голова неправильной формы – очевидно, акушерка не слишком церемонилась, вытаскивая его из материнской утробы, – вкупе с косоглазием и раздвоенной губой придавали Сильво такое

выражение, что дети, пожалуй, заходились от страха, когда он шествовал мимо.

Блейд, изнывающий от скуки и раздражения, оторвал крепкими зубами кусок мяса и, запив его добрым глотком из рога, ткнул костью в сторону охранника.

– Знаешь ли, друг мой, редко мне доводилось встречать такую исключительно нерасполагающую физиономию.

Лицо Сильво сморщилось, словно он хлебнул уксуса. Его глазки, насколько мог рассмотреть Блейд, были маленькими, черными и блестящими.

– Сердечно благодарю, господин. Не часто бедный Сильво встречает такое доброе обращение... чаще мне достаются пинки да тумачи. Благодарю тебя... хотя и не понимаю вполне смысл твоих высоких речей.

Блейд подавил смех, снова вцепившись зубами в баранью ногу. Совесть его, однако, была неспокойна – бедный парень не виноват, что судьба наградила его такой внешностью.

Он прожевал мясо и сказал:

– Но ты не ответил на мой вопрос. Сколько мне еще сидеть здесь?

Сильво энергично почесался. Он был одет в просторную холщовую рубаху, спадающую до середины бедер поверх вместительных штанов, подвязанных ниже колен обрывками веревки. Ноги были босыми и грязными. Такой тип совершенно не подходит для солдатского ремесла, отметил разведчик. Однако маленькие блестящие глазки охранника постоянно буравили его, а копьё всегда было под рукой.

Сильво раздавил вошь под мышкой и, довольно кивнув, произнес:

– Что до этого, господин мой, то я не могу дать ответ, не солгав. Хотя я, без сомнения ублюдок и сукин сын, и один Тунор знает, сколько грехов на моей совести, я не лжец. И я – не король Ликанто, а только он может ответить на твой вопрос, – Сильво поскреб грязную шею. – Успокойся, господин. Здесь не так уж плохо. И подумай обо мне, о бедном Сильво! Ведь я страдаю куда больше тебя!

Блейд снова скрыл усмешку.

– Ты страдаешь, мошенник? Почему же?

Сильво вытянул одну руку и негодующе пожал плечами – однако другая рука продолжала сжимать направленное на Блейда копьё.

– Меня не сменили вовремя, вот почему. Про меня забыли! Как обычно... У костров пиво течет рекой и полно женщин, а я должен торчать тут и сторожить тебя. Как же мне не страдать?

Блейд согласился, что у Сильво были определенные причины для недовольства, и тут же предложил выход:

– Ты слишком добросовестно выполняешь свои обязанности, друг мой. Я один, в городе полно войск – как же я могу убежать? Куда я могу пойти? Так что если ты ненадолго отлучишься, получишь свою порцию пива и уделишь внимание женщинам, то ничего страшного не произойдет. Никто об этом не узнает, а я буду тихо сидеть здесь.

Нескладное тело Сильво затряслось; с его изуродованных губ сорвались хриплые звуки, в которых Блейд с трудом распознал смех.

– Конечно, господин! Конечно, ты будешь здесь... и я вместе с тобою. Голова у меня немного подкачала, согласен; но я не хочу, чтобы ее отрубили и насадили на кол.

Блейд не надеялся, что его предложение будет принято; страж, несмотря на свою уродливую внешность, не производил впечатление простака. Поэтому, подобрав куском хлеба остатки мяса с подноса, он решил сменить тему разговора.

– Что слышно о Геториксе? Об этом пирате, которого называют Краснобородым? Я думал, король Ликанто уже сегодня выступил против него.

Сильво неопределенно хмыкнул:

– Все так думали... по крайней мере, люди в городе и окрестные крестьяне. Но солдаты подходят медленно, а те, кто явился, заняты больше пивом, игрой в кости и скачками на колесницах, чем подготовкой к сражению. Вместо того, чтобы точить мечи, таскаются к бабам... Капитаны и благородные владельцы ссорятся друг с другом... каждый хочет стать

самым большим начальником. Король и его жена, госпожа Альвис, тоже поцапались – она швырнула ему в голову пивную кружку на глазах у всех... В общем, город похож на курятник, куда забралась лиса. Но, может быть, все еще кончится хорошо. Говорят, что Краснобородый собирается высадиться в Пэкви – это на юге, в дне ходьбы отсюда – и тогда мы успеем вовремя встретить его.

Сильво широко зевнул, показав ряд почерневших зубов.

– Я надеюсь, господин, что так и будет. Стеречь достойного человека, у которого нечего взять, даже ни одного скилла... – он с отвращением окинул взглядом убогую хижину, заключив: – Никакого удовольствия и никакой выгоды!

При упоминании об Альвис Блейд насторожился. Он все еще не терял надежды, что план его сработает. Если Сильво знает, что творится в доме короля, может быть, мошенник что-то слышал и про Талин? Имеет смысл поболтать еще немного и извлечь из косоглазого стража максимум сведений.

Он покачал головой и с деланным сожалением произнес:

– Значит, король и королева ссорятся на людях? Это плохо, Сильво, очень плохо. О чем же они спорят?

Охранник покосился на него левым глазом и хихикнул.

– Я мог бы сказать, что это – не твое дело, господин, но Сильво не таков... совсем не таков. Тем более, что причина и так всем известна. Последнее время он топтал служаночку по имени Гвинет... все об этом знали, кроме королевы. А недавно узнала и она; тут девица и пропала. Король расстроен и наливается до ушей пивом – в трезвом виде он пикнуть не смеет против Альвис. Он говорит, что королева расправилась с девчонкой или что-то подстроила; вряд ли Альвис станет пачкать собственные руки убийством служанки.

Вспомнив ночь на поляне друзов, Блейд на мгновение потерял контроль над собой. И тут же убедился в уме и наблюдательности Сильво.

– У тебя странный вид, господин... Может, ты что-то знаешь об этом деле?

– Об этом деле? Откуда? – спросил Блейд, придав лицу самое невинное выражение. – Я впервые здесь и не имею друзей в Сарум Виле... кроме принцессы Талин, которой оказал небольшую услугу. Но, похоже она забыла про меня.

При упоминании Талин безобразная физиономия Сильво просветлела.

– Да, вот это женщина! – мечтательно протянул он. – Без сомнения, еще девственница, как дочери всех высокородных, но – женщина, настоящая женщина! Парень, который первым раскусит этот орешек, будет настоящим счастливчиком!

Блейд нахмурился, притворяясь рассерженным.

– Уж не ты ли востришь для этого зуб, приятель?

Сильво рассмеялся.

– Да, господин, может быть! Кто знает? А что, тебе она тоже по душе? Не стоит стараться! Кто ты такой? Нищий чужак в рваных штанах! Наверно, ты – высокого рождения и можешь задушить меня как цыпленка, но я тебя не боюсь. Сейчас я тут хозяин, а ты – пленник. Разве не так?

Блейд усмехнувшись подтвердил, что Сильво, конечно, прав. Но про себя он решил, что при первом же удобном случае научит мошенника хорошим манерам.

– Так что там с принцессой Талин? Ты видел ее? – скрывая нетерпение, спросил он.

– Только когда вы с ней вошли в город. С тех пор она находится в большом королевском доме, – отвечал достойный страж, шаря у себя под мышкой в поисках очередной вши. – Сдается мне, ты сильно интересуешься принцессой, господин, – он покачал головой, едва не стряхнув шлем. – Нет! Это невозможно! Принцесса – благородной крови, а ты...

В дверь едва слышно постучали. Сильво, сидевший на корточках, вскочил; копье оставалось бдительно нацеленным на пленника.

– Ага, вот и моя смена! В конце концов, я получу свое пиво и доберусь до женщин, клянусь Тунором!

– Тогда прекрати болтовню и открой дверь, – сухо приказал Блейд.

Он поднял голову, всматриваясь в дыру в крыше. Звезды исчезли, и над отверстием висели клочья белесоватого тумана.

Сильво шептался с кем-то у двери, нахмурившись и скосив глаза. Значит, это не смена караула. Разведчик услышал тихий женский голос, шелест платья и с облегчением вздохнул. Значит, она о нем все-таки не забыла!

Сильво высунул руку за приоткрытую створку, сгреб что-то, снова затворил дверь и повернулся к Блейду.

– Клянусь печенью Тунора, – произнес косоглазый страж, – дело с тобой пахнет чем-то таинственным! – Он подбросил в воздух тяжелый кружок, поймал его и прикусил зубами. – А мне достался целый манкус! Чистая бронза! Мне, Сильво, который в жизни видел только дюжину железных скиллов сразу! Манкус! С тремя манкусами я мог бы купить ферму и скот. Подумать только, целый манкус!

На этот раз Блейд не смог сдержать нетерпения:

– Это была принцесса Талин? Она велела тебе что-то передать?

Сильво снова куснул монету и сунул ее в кошелек на поясе. Потом он покосился левым глазом на Блейда.

– Ошибаешься, господин, очень ошибаешься... – глаза стража совсем съехались к переносице. – Опасное дело, да... но я решил рискнуть ради манкуса... Клянусь Тунором, это опасно для нас обоих! Поэтому слушай внимательно, господин, и обещай, что никому не скажешь ни слова...

Блейд окончательно потерял терпение и взревел, словно раненый бык:

– Прекрати болтовню косоглазый урод, и говори ясно! Кто был здесь? Принцесса Талин? И что значит эта чушь про опасность?

Сильво прищурился и погладил несколько чахлах кустиков растительности на своем подбородке.

– Это королева Альвис, господин. Она хочет говорить с тобой. Она ждет за дверью, пока я не получу от тебя обещания молчать. Я должен его иметь. Да, только так. Я не глупец; когда сталкиваются два больших камня, достается зерну, попавшему между ними.

– Оставь свои дурацкие поговорки! – снова рявкнул Блейд. – Королева принесла мне сообщения от Талин, и ты вступишь ее немедленно!

Но Сильво трудно было сдвинуть с места; лицо его опять исказили муки тяжких раздумий.

– Не так быстро, господин. Я должен позаботиться о своей голове... кто же еще это сделает? Ты – чужой здесь, а я коечто слышал... Разные истории об Альвис, которых ты не знаешь. За дверью – ночь, а она приходит сюда без стражи, одна... и хочет купить мое молчание. Такие ночи часто рожают темные дела... И, все же целый манкус!

Блейд обуздал гнев, однако, пожав плечами, он напустил на себя равнодушный вид.

– Как хочешь, приятель, как хочешь. Ты прав – голова-то твоя. Но я даю слово не болтать... А ты вспомни, – добавил он с издевкой, – что тебе придется вернуть деньги, если ты ее не вступишь.

Повернувшись к Сильво спиной, разведчик спокойно скрестил руки и уставился сквозь отверстие в крыше на клубящийся туман. Вскоре он услышал бормотание своего стража:

– Вернуть деньги? Нет, клянусь волосами Тунора! – Потом после паузы раздалось: – Так ты обещаешь, господин?

– Да!

Сильво снова забормотал:

– Тогда я впущу ее... на половину срока, за который опустеют водяные часы... не больше. И не пытайся убежать! Я буду за дверью, с копьём и кинжалом наготове. Высунешь нос – убью тебя а потом что-нибудь навру, мне не впервой... Ты готов поклясться сердцем Тунора?

Блейд повернулся к нему и поднял правую руку.

– Я клянусь сердцем Тунора и всеми его кишками! А теперь открой дверь ипусти госпожу. И сторожи повнимательнее. Я не хочу, чтобы нам мешали.

– С этим я совершенно согласен, – сказал Сильво, открыл дверь и выскользнул наружу.

Сквозняк отклонил пламя светильника, подвешенного к потолочной балке за железное кольцо. Это варварское устройство наполняло хижину слабым красноватым светом и ужасным запахом прогорклого рыбьего жира.

Сама Альвис, супруга короля Ликанто! Блейд не знал, что подумать, но надеялся на лучшее. Наверно, Талин поговорила с королевой и добилась успеха – иначе зачем же Альвис приходить сюда! Но почему она не взяла с собой Талин?

Дверь приоткрылась и Блейд уловил запах духов Все тот же шипр! Значит, Талин! Но нет, эта женщина ниже принцессы слишком миниатюрная, в ней не больше пяти футов...

Ее фигуру скрывал просторный плащ, украшенный мехом горноста или выдры – Блейд не мог рассмотреть лучше в тусклом пламени коптящего светильника. Отливавшие бронзой волосы были уложены в высокую прическу и заколоты длинной булавкой. Виски охватывала золотая диадема – разъяренный дракон, распростерший крылья, прикрепленная к диадеме вуаль падала на лицо.

Женщина заговорила первой.

– Ты – Ричард Блейд? Тот, который пришел сюда с принцессой Талин?

Имя Талин она произнесла чуть помедлив, с нескрываемой неприязнью.

Блейд поклонился.

– Да, госпожа, это я, – он замолчал, предоставив ей вести разговор.

Его взгляд не мог проникнуть сквозь плотную вуаль, но он чувствовал, что женщина изучает его, словно раба или быка, выставленного на продажу. Очевидно, она могла хорошо разглядеть его сквозь полупрозрачную ткань и не пыталась скрыть цель этого унижительного осмотра. Снова Блейд уловил тяжелый сладкий аромат шипра. Духи, которые могли позволить себе только высокорожденные! Позже он узнал, что простому народу запрещалось использовать их под страхом смерти.

Голос женщины был сильным, уверенным и по тембру близким к мужскому, хотя в нем проскальзывали пронзительные нотки. Она подняла белую руку, сверкнувшую кольцами, и показала в сторону мерцающего светильника.

– Встань там. Я буду лучше тебя видеть.

Тон ее не понравился пленнику, но он выполнил приказ. У него появилось предчувствие, что вид ее лица тоже не доставил бы ему удовольствия.

Снова продолжительный осмотр. Блейд, украдкой, столь же внимательно изучал ее. Хотя Альвис казалась невысокой, она, по-видимому, обладала великолепной фигурой. Ему почудилось, что дыхание ее стало частым и глубоким, полные груди под тканью плаща при вздохе вырисовывались более рельефно.

– Талин сказала правду, – наконец произнесла женщина. – Какое великолепное животное! Воистину, настоящий мужчина! Но имеешь ли ты вдобавок голову на плечах? Способен ли ты думать и рассчитывать, Блейд? Или ты только еще один постельный герой?

Разведчик нахмурился, сдержав гнев. Эта сучка их крохотного варварского королевства, утонувшего в болотной грязи, кажется считает его идиотом! Он снова поклонился – едва кивнул головой и стараясь не выглядеть подобострастным.

– Говорят, что я одарен кое-каким умом, госпожа, – произнес он и, пристально посмотрев на нее, добавил. – Что касается постели, то не хочешь ли ты бросить мне вызов?

Маленькая ножка, обутая в сандалию из светлой кожи, начала раздраженно постукивать по полу. Однако Блейду показалось, что по лицу ее, скрытому вуалью, скользнула улыбка.

– Да, Талин была права – ты нахальный дикарь!

Ну, что ж... Сними эту рвань, Блейд!

Немногие люди способны сохранять самообладание в любой ситуации. Блейд принадлежал к их числу, но даже он на мгновение заколебался. Но только на мгновение,

затем он развязал поддерживающую штаны веревку и спустил их. Он молился про себя, надеясь, что не выкажет признаков инстинктивной реакции на близость и запах женского тела и не доставит Альвис еще более любопытного зрелища. Положение его было унижительным, он подумал, что в этой стране человек может выжить только довольно гнусными способами.

Женщина подошла ближе. Украшенная кольцами рука выскользнула из-под плаща, и Блейду показалось, что она сейчас коснется его тела. Однако Альвис ограничилась осмотром, описав около него полный круг. Дыхание женщины, без сомнения, стало учащенным, и Блейд начал догадываться о ее секрете. Нимфомания в Альбе ничем не отличалась от нимфомании на Земле.

Женщина слегка провела тонкими пальцами по пояснице Блейда и отступила на шаг. Он вздрогнул в тщетной попытке обуздать инстинкт. Альвис опустила глаза вниз и хрипловато рассмеялась.

– Бык, настоящий бык! Прикройся, Блейд, – Альвис снова рассмеялась и кивнула: – Отложить удовольствие – значит, продлить его, не так ли?

Она стояла неподвижно, наблюдая, как Блейд натягивает штаны и завязывает веревку. Плащ плотно облегал ее тело, дыхание постепенно успокаивалось.

– Талин говорит, что ты колдун, Блейд? Это правда?

Блейд склонил голову. Он понял уже, что странный визит преследует какую-то цель. В убогой хижине повис запах интриги – такой же отчетливый, как вонь горящего в светильнике жира. Он поднял взгляд и медленно сказал.

– Это правда, госпожа. Тебе требуется помощь колдуна? – в голосе его прозвучал сарказм.

Казалось, она не возражала против такого тона. Ее рука снова дрогнула, сверкнув белой бабочкой в тусклом свете.

– Да, Блейд, мне нужен колдун. Но он должен быть и мудрецом, и воином. Ты умеешь сражаться – во всяком случае, так говорила Талин, на этот раз она упомянула имя принцессы с нескрываемой злобой.

– Я убивал врагов – всех, кто становился на моем пути, – произнес Блейд и это было правдой. Не имело смысла объяснять, что он имел дело с более изощренными способами уничтожения, в другой жизни и в другом измерении, иначе Альвис решит, что он явный безумец. А смерть всегда смерть, как бы ее ни называли, какими бы способами не уничтожали людей. Боль и кровь, холод и пустота... Конечный результат один и тот же.

С минуту в хижине царило молчание. Светильник чадил и ронял оранжевые искры, сырой туман, заползая сквозь дыру в крыше, призрачными пластами витал под потолком. Откуда-то из города донеслись взрывы хохота и резкий лязг мечей. Женщина наблюдала за Блейдом сквозь вуаль.

Наконец она заговорила:

– Здесь никто не слышит нас, Блейд. В случае чего, поверят мне, а не тебе – ну, а я позабочусь, чтобы с тебя содрали кожу живьем, медленно, полоска за полоской... Сейчас я скажу искренне, не играя словами... скажу правду и не буду использовать язык друзей, в котором каждое слово имеет много значений... а иногда ни одного. Ты слушаешь меня, Блейд – слушаешь очень внимательно и все забудешь. Мне не нужны твои советы, мне нужно дело. Ты понял?

Он кивнул. Да, эта ночь воистину была ночью тайн и загадок!

Женщина шагнула ближе и сладкий возбуждающий аромат шипра окутал его.

– У меня мало времени, Блейд, поэтому я буду говорить кратко, но ты должен постараться все понять. Давно, когда я была еще юной девушкой, друзья предсказали, что мне суждено править Альбой. Не одним маленьким королевством, а всей Альбой, понимаешь? – она возбужденно вздохнула. – Старая жрица – она давно уже умерла – говорила, что я стану женой короля. Так и случилось. Но в предсказании шла речь о большем: однажды появится незнакомец из дальних стран и, с его помощью я приду к власти

над Альбой. Жрица не описала мне внешность этого странника, но заметила, что он окажется великим воином... и будет пробуждать страсть в сердцах благородных женщин.

Блейд слушал внимательно. Конечно, это предсказание было обманом, друсы явно не упускали возможности польстить сильным мира сего... И все же, в результате он встретил здесь, в этой убогой хижине, Альвис, королеву Сарум Вила.

Женщина словно почувствовала его недоверие, и из-под вуали долетел тихий смешок.

– Да, я тоже сомневалась. Друсы – большие лгуны и умеют обращаться со словами, как кузнец с раскаленным железом. Но я ничего не забыла... И вот... вот появился ты, Блейд. Кто может отрицать это?

Разведчик молча кивнул головой. Действительно, кто мог бы отрицать очевидный факт? Да, он здесь – благодаря ошибке, которая допущена то ли лордом Лейтоном, то ли его проклятым компьютером.

– Ты можешь не беспокоиться насчет Талин, которая, похоже, слишком печется о тебе, – в голосе королевы опять проскользнули злобные нотки. – Хотя мы ненавидим друг друга, она сразу же явилась ко мне и начала морочить голову странными просьбами. Она хотела, чтобы я добилась у короля разрешения для тебя присутствовать на военном совете. Она была нахальной и настойчивой, как лагерная девка. Я выслушала ее и многое узнала о тебе. Это правда, Блейд, что ты спал голым в лесу, когда она на тебя наткнулась?

– Правда. Меня перенесли сюда с помощью магии из далекой страны... но из-за небольшой ошибки я остался без одежды.

Блейд внимательно посмотрел на королеву, пытаясь угадать, что выражает скрытое вуалью лицо женщины.

– Что ж, возможно, – холодно заметила она. Я не верю в подобные истории, но не в том дело. Талин выболтала все, что было ей известно, и я поняла, что пришло мое время. Наверное, старая жрица не лгала и не пыталась обманом добиться для себя каких-то выгод. Одним словом, я приготовила некое зелье и дала его Талин вместе с едой. Сейчас она спит.

– Ты пыталась отравить ее? – нахмурился Блейд.

Белая рука сверкнула кольцами в отрицательном жесте.

– Нет, нет! Я не причинила ей вреда. Она просто спит... спит в полной безопасности под крышей королевского дома. Я не настолько глупа, чтобы убить ее и вызвать гнев Вота Северного. К тому же, она кузина Ликанто. Он глупец, развратник и пьяница, но если его родственнице будет нанесено оскорбление... Нет, нет, я не играю с огнем! Я поступлю хитрее – пошлю Талин обратно к отцу под надежной охраной и сообщу, что спасла ее от злодейки Беаты.

– Но что сделал я, – проворчал Блейд.

Белая вуаль качнулась, когда она кивнула головой.

– Да, это сделал ты, но благодарность Вота заслужу я. – Она опять шагнула к Блейду, и белые руки затрепетали около его обнаженной груди. – Пустое, Блейд! Главное – убрать Талин с нашего пути – и без лишних сложностей. Забудь о ней. Я устроила так, что этой ночью тебя допустят на военный совет.

Разведчик спокойно смотрел на нее, не выражая ни удивления, ни благодарности. Наконец он произнес:

– Почему ты поступила так, госпожа? У меня были свои причины просить помощи Талин в этом деле. Но какова твоя цель? Почему ты хочешь, чтобы я присутствовал на совете?

– По ряду причин, – перечисляя, она загибала пальцы. – Ты должен увидеть Ликанто его воинов и, главное – его капитанов. Тебе придется иметь с ними дело, когда Ликанто умрет.

Губы Блейда искривились в жесткой усмешке.

– Вот как? У короля пошатнулось здоровье?

Впервые женщина проявила нетерпение.

– Талин говорила, что некоторые вещи плохо доходят до тебя... хотя в других

отношениях тебя нельзя назвать глупым. Неужели ты не понимаешь? Как ты думаешь, зачем я пришла сюда – тайно, словно вор темной ночью? Какой же ты мудрец, если не видишь, что я замыслила?

– Ты права, госпожа, – жестко сказал Блейд – Плохим бы я был мудрецом, если б не понял твоих слов. Хочешь, чтобы я убил Ликанто?

– Или сделал так, чтобы его убили, – продолжила она, безразлично пожав плечами. – Мне все равно. Не знаю, как колдуны устраивают подобные вещи... но лучше, если тебя никто не заподозрит.

– И тебя тоже, госпожа? – насмешливо ухмыльнулся Блейд.

– Разумеется, – ответила женщина, с отвращением скользнув взглядом по закопченному потолку убогой хижины. – Скоро мы расстанемся, и когда я покину этот свинарник, то забуду обо всем, что говорилось здесь. Я займусь делами по хозяйству и буду ждать известий. Например, о том, что Ликанто умер. Как ты сделаешь это, меня не касается. Может быть, тебя постигнет неудача, и ты сам погибнешь. Что ж, тогда я буду знать, что ты не очень искусный колдун. И значит, ты совсем не тот чужестранец, о котором говорила старая жрица друсов. Я сделала все, что могла – добила, чтобы тебя выслушали на совете военачальников. Учти, это опасно, очень опасно – они захотят проверить тебя. Ликанто глуп, но этого не скажешь о большинстве его капитанов, – она замолчала на мгновение. – Но если ты добьешься успеха, Блейд, если ты победишь, награда не оставит тебя равнодушным.

– И эта награда?..

– Будет достаточно щедрой. Достаточно весомой для человека, который не имеет ничего, но может выиграть все. Достаточно приятной для нищего, которого может безнаказанно прикончить любой пьяный солдат... – она сделала паузу. – Ты будешь править вместе со мной, Блейд, если докажешь, что так же силен и отважен в постели, как в бою. И доказательство зависит только от тебя. Видишь, я не лгу и не даю пустых обещаний! В них нет необходимости.

Блейд кивнул. Что ж, в данном случае трудно надеяться на большее. Он должен делать вид, что играет на ее стороне – минута за минутой, час за часом, – но в то же время вести собственную партию. Ему придется пройти по узкой тропе над гибельной пропастью, но другого выхода, похоже, нет.

Он шагнул к женщине. Они стояли теперь очень близко друг к другу и запах ее обволакивал Блейда, мучительно дразнящий аромат кружил голову. Он сумел укротить желание, которое вызвала у него Талин – там, в лесу. Но Альвис... Миниатюрная женщина, скрытая вуалью окруженная аурой тайны... пестующая смертельный замысел... Страсть охватила его – холодная, безрассудная. Она хочет использовать его как оружие... Что ж... Тогда и он использует ее для удовлетворения своих желаний... Немедленно. Здесь. Сейчас!

Он протянул руку к вуали:

– Я хотел бы взглянуть на твое лицо, госпожа.

Блейд привык, что в делах такого рода ему сопутствует успех. Однако он не был удивлен, когда она отступила назад, гибким движением уклонившись от его протянутой руки. Ее ладони поднялись к вуали, колыхавшейся на золотом обруче диадемы, и насмешливый голос на мгновение остановил разведчика.

– Ты уверен, Блейд? Уверен, что хочешь увидеть мое лицо? Предупреждаю тебя – подумай...

Желание кипело в крови Блейда. Он уже не мог думать ни о чем – только о ней, о ее теле, которым жаждал обладать – яростно, страстно! Он шагнул к женщине, и она опять, дразня, ускользнула от него.

Она смеялась, она хохотала:

– Я красива только наполовину, Блейд! Попробуй отгадай эту загадку! Ну, скажи еще раз, что хочешь увидеть мое лицо... я открою его и ты сразу остынешь...

Но в этот момент Блейду было безразлично, что таилось за тонкой тканью; с губ его срывались слова, подобные хриплому рычанию зверя... Сейчас он не был пришельцем из

иного измерения, случайно попавшим в Альбу; нет, он сам стал альбийцем, нетерпеливым и жестоким, как хищный зверь!

Блейд прыгнул вперед, к женщине.

– Я увижу! – прорычал он. – Клянусь Тунором, я увижу! И я возьму тебя! Здесь. Сейчас Немедленно!

Альвис остановила его, уперевшись ладонью в могучую грудь; ее пальцы сжались, захватив редкие завитки черных волос, терзая кожу.

– Смотри, Блейд, – сказала она, сбрасывая вуаль.

Разведчик не сумел сдержать изумленного восклицания. Отшатнувшись назад, он уставился на женщину, и череда картин, отвратительных, мерзких, пронеслась в его памяти. Он многое видел, но подобный ужас – никогда.

Альвис, чудовищный Янус, женщина с двумя лицами, насмешливо смотрела на него. Левая половина ее лица, с нежной кожей и мелкими приятными чертами казалась творением великого скульптора. Точеный нос с горбинкой, подбородок – твердый и округлый одновременно; сверкающий голубой глаз под светлой пушистой бровью... глаз, который впился в лицо стоявшего перед ней мужчины.

– Ну, Блейд, ты остыл? Что скажешь теперь? – с издевкой спросила она, поворачивая голову.

Справа лица не было. Вместо кожи бугрилась сырая красная плоть, иссеченная паутиной шрамов, которые тянулись от подбородка до виска. Из этого ужасного месива пучился глаз – мертвый, белесый, полускрытый изуродованным веком.

Блейд глубоко вздохнул. Возбуждение еще не покинуло его могучее тело, но она оказалась права. Что-то надломилось в нем, страсть угасла. Он вздрогнул, инстинктивно поняв, что встал на грань жизни и смерти. Одно неверное слово... жест отвращения... и она погубит его, не взирая на крах собственных планов.

Альвис снова повернула голову; теперь он видел только ту часть ее лица, которая сохранила человеческий облик. Она была красива, и Блейд ощутил сожаление. А так как жалость – верное средство к изгнанию любви, то страсть его окончательно остыла и плоть успокоилась.

Женщина подняла руку, коснувшись ладонью той, невидимой Блейду половины лица.

– Подарок от короля, моего супруга. Это случилось давно... в детстве во время игры. Я была принцессой, которую взяли в плен морские разбойники... как водится, принцессе грозили пытками и требовали выкупа. Потом что-то отвлекло детей, и мы остались один на один с Ликанто. Он был зол на меня – днем раньше мы поссорились, и я плюнула ему в лицо. Было холодно и рядом пылал костер... Он взял головешку и... Словом, ты видишь, как он отомстил мне... Ему тогда стукнуло восемь лет, мне шесть.

Теперь Блейд понял, почему ненависть бродила в ней, словно яд в чаше с вином. Понял, какую злобу Альвис должна питать к Талин – юной, прекрасной... Пыл его угас, притворство было бы неуместным; жалость или отвращение означали верную смерть. Он балансировал на лезвии ножа.

Холодным ровным голосом Блейд сказал:

– Действительно, красота твоя наполовину уничтожена. Но тебе повезло – ведь осталась еще половина. А многие ли женщины могут похвастать тем, что обладают хотя бы частицей красоты?

– Слишком многие, – мрачно ответила она – И это не доставляет мне удовольствия.

Блейд знал, что она говорила о Талин, и понял, что юной принцессе не суждено отправиться к отцу. Альвис солгала, она не отпустит Талин невредимой, она найдет способ ее уничтожить.

Женщина повернулась к Блейду изуродованным лицом. Бельмо, жуткое, белесое мерцало в полумраке; светильник едва тлел, испуская дым и смрадный запах. Ее голос стал приторно ласковым, мурлыкающим, словно у паука, заманивающего в свои сети глупую мошку:

– Ты все еще хочешь меня, Блейд? Хочешь? Предупреждаю... говори только правду...

Он спокойно встретил ее взгляд и ответил без колебаний:

– Я – мужчина, госпожа. И я хочу тебя.

– Значит, ты выполнишь мой приказ? Ты найдешь способ убить Ликанто – так, чтобы нас никто не заподозрил?

– Да. – Блейд мог бы счесть свой ответ ложью, но кто знает? Весьма вероятно, что ему придется сделать то, чего она хочет.

– Тогда взгляни на другую часть своей награды!

Она резко распахнула плащ. Обнаженное тело сверкнуло под ним – и, в отличие от лица королевы, она не имела изъянов. Точеное, пропорциональное, с нежной кожей, характерной для блондинок, округлое и соблазнительное. – Альвис, привстала на носки; ее твердые заостренные груди с алыми сосками дрогнули, талия была столь тонка, что, казалось Блейд мог охватить ее ладонями. Он шагнул вперед, пытаясь обнять королеву; он снова был полон желания – но она ускользнула, словно привидение.

Блейд не стал преследовать женщину; он стоял неподвижно, раздраженный, злой на себя и на Альвис, но по-прежнему жаждущий ее ласк. Королева, широко раздвинув ноги, запрокинула голову и повернула к Блейду левую половину лица. Грудь ее были окрашены голубым – Блейд уже заметил раньше, что многие воины-альбийцы раскрашивают лицо и тело; по-видимому, этот обычай распространялся и на замужних женщин. Альвис погладила грудь, коснулась сосков пальцами, ее голубой глаз прищурился, внимательно наблюдая за Блейдом. Присмотревшись, он заметил голубые рунические знаки, вытатуированные в нескольких местах на ее теле.

Губы женщины шевельнулись, и до него донесся шепот:

– Ну, Блейд, желаешь ли ты меня сейчас?

Блейд, отданный во власть животных инстинктов, прохрипел:

– Да, госпожа я желаю тебя... здесь, сейчас...

Она рассмеялась и закуталась в плащ.

– Это хорошо! Возжелай меня достаточно сильно, Блейд, и сделай то, что я велела. Тогда ты получишь меня. Не сомневайся – это достойная награда.

Она стремительно выскользнула за дверь, а Блейд, полный неудовлетворенной страсти, остался стоять в хижине, уставившись в ночной мрак, словно надеялся различить там соблазнительные очертания ее тела. К суровой реальности его вернул Сильво. Как всегда, он вошел осторожно, с копьем, направленным на Блейда; похотливая усмешка блуждала на его лице

– У тебя высокие друзья, господин! Да, так, клянусь Тунором! Тебя хотят видеть в большом королевском доме. Говорят, ты будешь сидеть на военном совете, но я в это не верю. Скорее, они просто хотят поразвлечься – прежде, чем повесить тебя или содрать живьем кожу.

Страж, возбужденный новостями, на мгновение потерял бдительность: конец копья опустился, и Блейд ринулся вперед с быстротой атакующего удава. Прежде, чем Сильво успел вдохнуть, он скрутил его двойным нельсоном, прижав уродливую физиономию охранника к груди. Сильво застонал и выронил копье. Рука его метнулась к поясу в поисках кинжала, но Блейд резко ударил по запястью, едва не сломав ему кисть.

– Ну, мошенник, – мягко произнес он, кто теперь хозяин в этой хижине?

– Ты, господин! Ты – хозяин! – прошептал полузадушенный Сильво, в то же время пытаясь лягнуть своего мучителя.

Блейд, расставив пошире ноги, легко, словно ребенка, приподнял своего стража и развернул его, зажав левой рукой тощую шею. Сильво захрипел, его лицо посинело, язык вывалился наружу. Блейд сжал кулак.

– Я научу тебя хорошим манерам, мой друг. Сейчас ты получишь небольшой урок и, надеюсь, усвоишь на будущее, как следует говорить с достойными уважения людьми.

Он нанес удар – не слишком сильный, так как не хотел ни убивать, ни калечить Сильво,

однако таким ударом можно было свалить с ног лошадь. Косоглазый страж покати́лся по полу, зрачки его остекленели. Блейд ткнул его ногой в ребра и усмехнулся:

– Вставай, приятель! Проводи меня к дому Ликанто.

Глава 5

С самого начала дела пошли неважно.

Правда, Блейда допустили на совет, но при условии полного молчания под страхом немедленной смерти, таким образом, он был лишен своего единственного оружия. Его толкнули в грубое бочкообразное кресло, поставленное так, чтобы свет пылающих факелов падал прямо ему в лицо, и велели сидеть тихо. Блейд не пытался протестовать, понимая, что сила не на его стороне. Сейчас он мог только наблюдать, анализировать и ждать подходящего случая.

Комната, в которой собрался совет, была довольно большой, с земляным полом, посыпанным песком, и стенами, затянутыми кожей. Ее освещало множество факелов и светильников, которые были заправлены вонючим рыбьим жиром. Огонь, словно огромный рыжий кот, дремал в большом камине, перед которым лежало несколько псов – могучих зверей той же породы, что и собака, заколотая Блейдом в лесу.

Вокруг длинного стола на деревянных скамьях сидели десять мужчин, все – незнакомые Блейду, кроме Кунобара Серого. Впрочем, капитан не обращал на него никакого внимания. В противоположном углу, иногда покашливая от дыма, располагалась старая жрица друсов в белой накидке с капюшоном. По-видимому, она вела протокол совещания, выполняя роль секретаря. Ее старые руки с выступающими венами проворно летали над белым прямоугольником разглаженной березовой коры. Она пользовалась кисточкой, обмакивая ее в горшок с краской, наблюдая за резкими угловатыми движениями пальцев старухи, Блейд понял, что в Альбе принято руническое письмо.

Ликанто, повелитель Сарум Вила и муж Альвис, сидел во главе стола с Кунобаром по правую руку и плотным лысым воином по левую. Игнорируя присутствие Блейда, капитаны обсуждали его, словно он являлся каким-то странным животным, не вызывающим впрочем, серьезного интереса.

– Говорит, что он мудрец? А я скажу, что он больше похож на колдуна или оборотня. Или на шпиона Краснобородого. А потому достоин участи шпиона, и мы поступим разумно, содрав с него кожу живьем.

Произнесший этот приговор, крепкий мужчина по левую руку от Ликанто, потер лысый череп изуродованной шрамами ладонью. На Блейда он не смотрел.

– И все же, – заметил Кунобар, госпожа Талин хорошо отзывалась о нем. Она считает его мудрецом и клянется, что он спас ее от людей Беаты... и от разъяренной собаки.

– Тогда в чем дело? – спросил седоватый воин, сидевший за столом напротив короля – Зачем столько разговоров о вещах, которые можно выяснить так просто? Подвергнем его испытанию и узнаем правду.

Понимая, что окончательное решение зависит от королевского каприза, Блейд внимательно изучал Ликанто. Внешность короля, однако, не внушала ему доверия. Перед ним сидел долговязый мужчина лет сорока со свисающими светлыми усами и крохотным, словно стесанным топором, подбородком. Его мутноватые голубые глаза, посаженные слишком близко друг к другу, сейчас сверкали, воспламененные изрядным количеством пива. На конце длинного и тонкого носа время от времени повисала капля, которую Ликанто смахивал рукой. На Блейда он обращал не больше внимания, чем его благородные военачальники.

Только кресло короля имело спинку и подлокотники, грубо вырезанные в форме изогнувшихся драконов, и только на его голове сверкал металлический шлем с выгравированной по ободу короной. Ликанто, вялый и мрачный, развалился на сиденье, постоянно прикладываясь к большому рогу. Пальцы его, плоские и довольно чистые,

барабанили по столу. Казалось, мысли владыки Сарум Вила блуждают где-то далеко – может быть, в некой туманной мгле, где госпожа Альвис плела сеть хитрых интриг.

Внезапно король заговорил. Голос его, высокий и пронзительный, временами напоминал визг раздраженной женщины.

– Это дело сложнее, чем видят твои глаза, Барто, – обратился он к седоватому капитану – Если бы не принцесса Талин, все действительно было бы просто. Мы подвергли бы его испытанию или отдали друзьям. Но Талин поручилась за него и...

Лысый разразился насмешливым хохотом, прервав короля.

– Девчонка! Просто девчонка, Ликанто, хоть она и приходится тебе кузиной! Что она понимает? Девушку может обмануть любой бродяга со смазливой рожей. А этому парню я готов отдать должное... он знает, как себя вести. Без сомнения, большой мастер по женской части! Он умеет обращаться с бабами и использовать их к своей выгоде! Говорю тебе, убей его и дело с концом!

Ликанто приподнялся в кресле, сверкнув на лысого налившимися кровью глазами.

– Я не позволю прерывать меня, Хорса! Ты, похоже, забыл, кто здесь король?

Блейд зачарованно наблюдал за перепалкой, не забывая однако, что предметом спора является его голова. Он заметил, как по лицу Хорсы скользнула тень злобного презрения. Да, здесь даже не пахло уважением к короне!

– Повторяю, не все так просто в этом деле, продолжал Ликанто. – Не забудьте, госпожа Талин не только моя кузина, она – дочь Вота Северного, воителя великого и славного. Хотя он теперь уже немолод, лучше его не раздражать. – Король сделал паузу, с кривой усмешкой оглядев своих капитанов. Его толстые губы были влажными от пива. – Если никто из вас не способен дать мне разумного совета, я отдам пленника друзьям. Они узнают правду.

– Тунор поberi этих друзей! – проревел Хорса и стукнул огромным кулаком по столу. – И Вота вместе с ними! Я не боюсь ни его, ни этих ведьм! Зачем рисковать из-за пустых слов девчонки, Ликанто? Убей бродягу! Пусть он не подослан Краснобородым, и пусть он на самом деле маг – что ж, мы ошибемся, но потеря невелика. Если же я прав, то мы избавимся от шпиона. Думаю, надо послать его голову Краснобородому, и пусть наши люди понаблюдают, что тот скажет или сделает. Тогда мы узнаем правду.

Блейд поморщился. Такая система правосудия ему не очень нравилась.

С лавки поднялся Кунобар. Он вытянул руку, указывая на Блейда, и все сидевшие за столом повернули головы к чужаку, словно впервые заметив его присутствие.

– Я тоже сначала принял его за шпиона, – произнес Кунобар, не опуская руки. – Я первым увидел его, раньше любого из вас. И я сказал госпоже Талин, что он может оказаться шпионом. Она отрицала это. И если б ее допустили сюда, она повторила бы свои слова...

– Не сомневаюсь, – проворчал Хорса Говорю вам, он околдовал ее! Кто знает, может быть, он вложил ложь в ее уста?

– Может быть, – невозмутимо продолжал Кунобар. – Но нельзя спросить ее об этом. По закону госпожа Талин не имеет права присутствовать на совете мужей... к тому же, я слышал, она заболела и сейчас спит.

– Тоже непонятное дело, – пробормотал Хорса, бросив злобный взгляд на короля. – Девушка прекрасно выглядела, когда пришла в Сарум Вил... а часом позже – она уже больна и в обмороке. Как объяснить это Воту, Ликанто? Он спросит, не сомневайся!

Король побледнел, затем лицо его налилось кровью, но он сдержав гнев. Схватив рог с пивом, Ликанто жадно приник к нему. С дальнего конца стола послышался недовольный гул, и Блейд немного приободрился. Не все было гладко в Альбе, и в разногласиях между сильными мира сего крылась счастливая возможность для пришельца. Он должен ухватиться за свой шанс, когда настанет подходящий момент.

Кунобар примирительно взмахнул рукой. Его голос, спокойный, рассудительный, вновь наполнил комнату совета. Блейд слушал с нарастающим удивлением. Почему Кунобар защищает его? Что снискало ему благоволение этого осторожного, сдержанного и подозрительного человека? Пока на это был только один ответ – Талин.

– Если мы начнем пререкаться друг с другом, то потеряем время, – говорил меж тем Кунобар. – Надо решать скорее, потому что вода в часах капает быстро, и Краснобородый уже в пути. Пора выступать ему навстречу, а мы мешкаем из-за какого-то чужестранца. Решим его участь по древнему закону – испытанием в поединке! Что могут возразить против этого король Вот и его дочь? Разве сам Вот не говорил всегда, что ни одного человека нельзя поставить выше закона? И разве мы поступим не по закону?

Кунобар Серый замолчал и окинул взглядом сидевших за столом. Король внимательно слушав и кивал с одобрением. Хорса уставился в пол, сохраняя на широком лице бесстрастное выражение. Остальные капитаны перешептывались и негромко переговаривались друг с другом.

Кунобар посмотрел прямо на Блейда. Взгляд его был многозначительным, разведчик мог поклясться в этом, но что он хотел сказать, о чем предупредить?

– Вы знаете наш закон, продолжал Кунобар. – Испытуемый имеет право выбрать воина, с которым будет сражаться. – Глаза капитана остановились на лице Блейда, затем он перевел взгляд на лысого Хорсу и едва заметно кивнул. – Дадим этому человеку право доказать свою невиновность. Пусть он выберет воина, с которым будет биться до смерти! Пусть те, кто согласен решить так, поднимут кулаки!

Восемь сжатых кулаков взметнулись вверх. Ликанто, видимо, не должен был участвовать в этом голосовании. Хорса нахмурился, потом тряхнул головой и с неохотой поднял свой кулак.

– Раз все сошлись на этом, значит, должен согласиться и я. Но кое-что мне тут не нравится. Что мы знаем про чужестранца? Он может быть сервом или сбежавшим рабом – кем угодно, хотя я по-прежнему думаю, что он – человек Краснобородого. Итак, возможно, благородному воину придется скрестить оружие с низкорощенным.

Кунобар засмеялся и показал пальцем на Блейда.

– Погляди-ка на него получше, Хорса! Разве у него вид слуги или раба? Я скажу – нет! Разрешим ему говорить и увидим сами. Ведь мы знаем, что утверждают друсы: впечатление о человеке создается по его словам. Если он заговорит как раб, я беру свое предложение назад, и пусть с него сдерут кожу.

Ликанто пристально посмотрел на Блейда и кивнул головой.

– Можешь говорить, чужестранец. Но запомни слова не спасут твою жизнь. Ты должен биться с одним из моих капитанов до смерти. Выбирай.

Блейд встал. Он выпятил грудь и принял важный вид. Кунобар вовремя показал ему, как надо произносить речи. Альбийцы любили войну и уважали красивые слова. Блейд не сомневался, что ложь и бахвальство будут иметь успех, если подать их с уверенным видом и в хитроумной упаковке. Что ж, сейчас он покажет им, как нужно говорить!

Не спеша он подошел к камину и повернулся лицом к столу, высоко подняв голову и скрестив руки на могучей груди, его длинная тень протянулась через всю комнату совета. Жрица в углу достала чистый прямоугольник коры и обмакнула кисть в горшок с краской. На мгновение Блейд уловил блеск умных старческих глаз в глубине капюшона.

Он бросил презрительный взгляд на капитанов и неторопливо произнес:

– Я чужестранец и мало знаком с вашими обычаями. Но я уже достаточно видел и слышал, так что могу сказать: вы – храбрые люди, но я редко встречал подобное собрание глупцов!

Рев и проклятие было ему ответом. Хорса начал приподыматься из-за стола, повторяя: «Ты посмел, бродяга? Ты посмел на совете...» Ликанто молчал, но выглядел озадаченным. Кунобар замахал рукой, пытаясь установить тишину.

– Спокойно, Хорса! Мы разрешили ему говорить – так пусть говорит, что хочет. Он не уйдет от расплаты.

– Это точно, – прорычал Хорса, усаживаясь на место.

Блейд иронически усмехнулся.

– Если бы я оказался на месте этого Геторикса, которого вы зовете Краснобородым, то

ваши головы уже красовались бы на копьях. Вы сидите здесь и болтаете как старухи, а он приближается с каждым часом. Один советует прикончить меня, другой боится разгневать принцессу и ее отца. И вы ничего не делаете! А самый большой глупец здесь – ты, король, – Блейд ткнул пальцем в Ликанто. – Ты властелин, который не пользуется властью! Ты оставляешь безнаказанной дерзость своих вассалов. И не только здесь, в этой комнате, но во всем городе. Я видел, как твои люди пьют, играют в кости и таскаются за шлюхами, вместо того, чтобы точить мечи. В Сарум Виле царит беспорядок, а ты сидишь, уткнув нос в рог с пивом. Твоя армия сборище хвастунов и пьянчуг, и на месте Краснобородого я опасался бы ее не больше, чем толпы женщин. Правда, в отличие от женщин, этот сброд не годится даже для того, чтобы поразвлечь бойцов Геторикса.

Блейд перевел дух и решил, что пора переходить ко второй части речи. Умерив мощь своего голоса, он обратился прямо к королю:

– Ты слышал, что в своей далекой стране я слыл мудрым человеком может быть, даже колдуном. И это верно – если колдовство означает умение использовать свои мозги. Я могу показать вам военные хитрости, о которых Краснобородый никогда не слышал. Я могу обучить вас искусству сражений. Я могу победить этого разбойника – и сделаю это! Но раньше я убью человека, которого выберу для поединка. Говорю тебе, король, что наша схватка – только потеря времени. Но ты хочешь, чтобы я дрался, и я буду драться – с человеком по имени Хорса! И я прошу Кунобара Серого быть моим помощником в поединке.

В комнате воцарилось напряженное молчание; все уставились на Блейда. Он шагнул к Хорсе и плюнул ему под ноги.

– Я сказал, что выбираю тебя! Если только твоя кровь не слишком жидкая, тогда я выберу другого.

Хорса с ревом вскочил и начал молотить по столу огромными кулаками. Его лицо, широкое, грубое, искажилось от ярости.

– Ты! Жалкий шпион! Раб и торговец женщинами! Вшивый сын шлюхи, зачавшей от козла! Ты посмел так говорить со мной? С Хорсой, лучшим бойцом в Альбе?! Порази меня Тунор, если этой ночью я не заставлю тебя сожрать собственную печень!

Блейд холодно улыбнулся. Своей первой цели он уже достиг, спровоцировав безрассудный гнев противника. Но в костер можно было подбросить еще дров.

– Если ты, Хорса сражаешься так же хорошо, как говоришь, то я уже мертвец.

Он рассмеялся и опять плюнул на пол перед Хорсой.

В комнате поднялся гвалт. Молчала только старая жрица, непрерывно работавшая своей кисточкой. Кому предназначались эти записи? Кто будет читать о странных, невероятных событиях, что происходят здесь, сейчас? Даже среди возникшего хаоса Блейд поймал себя на мысли, что он был бы не прочь познакомиться с этими неведомыми читателями.

Тем временем Ликанто попытался навести порядок, замолотив по столу пустым рогом. Капитаны опустили на скамьи – все, кроме Хорсы, который остался стоять, злобно сверкая глазами на Блейда. На губах у альбийца выступила пена, и Блейд понял, что довел его до бешенства берсерка. Да, убить Хорсу будет нелегко.

Королю пришлось почти кричать, чтобы Блейд мог услышать его слова. Ликанто говорил громко и резко, но в тоне его слышалось невольное уважение к чужестранцу.

– Ты сделал свой выбор, и мы согласны с ним. Скоро ты будешь сражаться с Хорсой. Но должен сказать тебе, губы Ликанто скривились в усмешке, – что Хорса не лгал и не хвастал. Он действительно лучший боец в Альбе; он – Хорса Дробитель Черепов, сделавший вдовами больше женщин, чем сам Тунор.

– И утешивший их, – произнес чей-то голос. – Жалко, что после этого чужака не останется вдовы. Бедному Хорсе придется потом идти к лагерным девкам, как обычному простолюдину!

За столом поднялся рев хохота. Добродушные шутки и более едкие остроты

посыпались на Хорсу со всех сторон. Наконец и он угрюмо усмехнулся и сел на свое место.

Ликанто стукнул рогом по столу, требуя тишины. Не обращая больше внимания на Блейда, капитаны приступили к обсуждению предстоящей схватки. Слушая их, разведчик с удивлением понял, что намечается не только поединок, но и нечто вроде празднества. Эти альбийцы были беззаботными людьми, казалось, в мыслях у них только выпивка и развлечения. Повидимому, они считали Блейда уже покойником и, чтобы отметить такое событие, Ликанто велел заготовить побольше мяса и выкатить бочки с пивом.

Наконец наступила относительная тишина. Повернувшись к королю, Хорса небрежно сказал:

– Негодяй вызвал меня – значит, я имею право выбора места. Так, Ликанто?

Король кивнул:

– Мы помним этот обычай, Хорса. Что же ты выбрал?

– Огненное кольцо, – ответил альбиец, прожигая Блейда презрительным взглядом. – Посмотрим, как затанцует этот ублюдок, когда ему припечет пятки!

Поднялся Кунобар Серый. Король кивнул ему, и шум за столом стих. Капитан посмотрел на Блейда и губы его скривились в улыбке, полной злого веселья и удовлетворения человека, который в точности достиг своей цели. Блейд уже не удивлялся его заступничеству, было ясно, что Кунобару нужна смерть Хорсы – или обоих бойцов.

– Чужестранец просил меня, – Кунобар кивнул головой в сторону Блейда, – служить ему помощником в поединке, наблюдаящим, чтобы игра велась честно. Я не могу выполнить его просьбу – и вы понимаете, почему. Я был прав – он, конечно, говорит и держится как воин; хорошо, что ему дали шанс доказать это. Однако нет уверенности, что он высокорожденный человек, а я не могу служить никому другому. По закону он должен иметь помощника. Кто из вас готов оказать ему эту услугу?

Мертвое молчание; никто не глядел на Блейда. Он рассмеялся и шагнул к столу. Его звучный голос наполнил комнату словно удары тяжелого колокола.

– Пусть будет так! Я вижу, вы, благородные люди, слишком горды, чтобы помочь оборванному чужестранцу. Это не делает чести альбийскому гостеприимству, но я не в обиде. С вашего разрешения, я выберу помощника сам. Его имя Сильво. Он стерег меня в той жалкой хижине, где я просидел весь день.

За столом раздался гул голосов. Капитаны переглядывались, недоуменно пожимая плечами.

– Сильво? Кто он такой?

– Как будто я слышал его имя но ничего хорошего оно мне не напоминает.

– Сильво? Я тоже что-то слышал о нем. Он – свободный человек. Серв или раб?

Поднялся один из капитанов, рослый мужчина с рыжеватыми, поредевшими на макушке волосами. Тонкогубый искривленный рот придавал его лицу кислое выражение.

– Он из моих людей, этот Сильво. Сущее наказание – драчун и бахвал, пьяница и бабник. Вдобавок безобразен, как задница Тунора, и тащит все, что плохо лежит. Правда, он достаточно храбр и умеет драться – если б не это, я давным-давно повесил бы его. – Капитан повернулся к Блейду: – Раз ты берешь в помощь такого мошенника, то я не против. Смотри только, чтобы он не украл твою последнюю пару штанов.

Раздался взрыв хохота. Насмешливо усмехнувшись в ответ, Блейд отвесил поклон в сторону королевского кресла. Ликанто подал знак рукой, и солдаты выпроводили разведчика из комнаты совета, доставив обратно в прокопченную ветхую хижину.

Оставшись в одиночестве, Блейд нетерпеливо мерил шагами свое жалкое узилище. Он никого не видел снаружи, но не сомневался, что хижина хорошо охраняется. Наконец в дверях, покачиваясь, появился Сильво. От него пахло пивом, щеки были перемазаны помадой, но маленькие глаза хитро и возбужденно поблескивали.

– Ну, господин! Ты поставил их на уши и о тебе чешут языки по всему Сарум Вилу! Думаю, соберется здоровая толпа – поглазеть на твою смерть. Такое зрелище никто не захочет пропустить!

Блейд холодно посмотрел на него.

– На мою смерть? Ты что, мошенник, стал пророком?

Сильво несколько протрезвев, пригладил волосы на подбородке и бросил оценивающий взгляд на мощный торс Блейда.

– Нет, господин, я не пророк. Надеюсь, ты пустишь кровь Хорсе. Не люблю его. Однажды он высек меня – будто я поклонился недостаточно низко. Меня, свободного человека! А ты мне нравишься. И хотя ты едва не сломал мне ребра, я не сержусь; было за что.

Блейд рассмеялся и хлопнул Сильво по плечу:

– Значит, ты согласен мне помочь?

Сильво опустил на одно колено и торжественно заявил!

– Я буду слушаться тебя, господин! С радостью! Теперь ты мой хозяин. Я всего лишь мужлан, невежда, презренный урод, с которого давно бы содрали кожу, если б не везенье и не милость Тунора – он иногда помогает бродягам. Но в тебе, хозяин, есть что-то такое... такое, что позволяет мне чувствовать себя человеком не хуже других. Я этого не понимаю... Да и не должен понимать, наверное. Просто я стану служить тебе – хотя твой кулак скор на расправу как молния Тунора.

– Хорошо, – сказал Блейд, окидывая Сильво строгим взглядом. – Теперь поднимись с колен, свободный человек, и никогда больше этого не делай. Запомни: когда ты говоришь со мной, не надо ломать спину в поклонах – ты должен стоять прямо и смотреть мне в глаза. Да, я – хозяин, а ты – слуга, но я буду заботиться о тебе так же, как ты обо мне. Учти это. А теперь слушай внимательно. И наберись мужества, чтобы выполнить все, что я потребую.

Он наклонился к уху Сильво и заговорил – тихо, но уверенно и быстро, стараясь, чтобы слуга как следует уяснил каждый пункт плана. Через минуту глаза Сильво остекленели, заячья губа отвисла. Он снял шлем и яростно поскреб макушку грязными ногтями.

– Да-а, хозяин, – протянул он, когда Блейд кончил, – ты похоже, решил погубить нас обоих. Лишимся кожи... или, если повезет, повиснем на суку.

– Думаю, что нет, – спокойно ответил Блейд – Ты забыл – когда я убью Хорсу, то унаследую его положение и привилегии. К тому же, вся эта свора займется едой и питьем, и пить они будут до умопомрачения. Все может получиться легче, чем ты думаешь, Сильво. Только выполни точно то, что я сказал. Повтори-ка, как ты должен действовать?

– Так, как мне не раз хотелось раньше, – усмехнулся косоглазый, да только у меня не хватало храбрости, хозяин. Значит, я влезу в покои королевы Альвис и присмотрю какуюнибудь девицу, с которой можно поиграть. Потом я... нет, это мне совсем не нравится, хозяин!

Блейд нахмурился:

– Ты сделаешь так, как я сказал! Ты притворишься, что насилуешь ее! И действуй попроворней, иначе снова познакомишься с моим кулаком. Ты сделаешь вид, что насилуешь эту служанку – только убедись сначала, что она действительно простая служанка. Порви на ней одежду, напугай ее! Пусть она завопит так, чтобы весь дом сбежался туда! Можешь прикрыть лицо, если хочешь – дело твое.

– Будь уверен, хозяин, я не выставлю свою красоту напоказ! – скосил глаза Сильво. – За изнасилование полагается котел с кипящей водой, а я не баран, мечтающий попасть в суп. Но вдруг что-нибудь пойдет не так? Раз госпожа Альвис напоила зельем твою красотку, она, небось, и запрятала ее как следует? Я смогу пугать служаночку очень недолго – иначе разъяренные бабы разорвут меня в клочки.

– Постараюсь все сделать быстро, – заверил его Блейд – Не думаю, что королева куда-то спрятала Талин... ведь известно, что принцесса больна и находится в покоях Альвис. Я найду ее и встречу с тобой... ну, скажем, прямо на конюшне. Смотри, лошади должны быть готовы!

Рука Сильво поднялась к груди, и он начертил в воздухе знак – как заметил Блейд, такой же, какой делала Талин.

– Тунор, спаси и защити наши задницы! За кражу лошадей отрубает руки и ноги, а то, что осталось, зашивают в кожаный мешок со змеями. Я и так достаточно безобразен, хозяин! Если мы попадемся... Подумать только! Кража лошадей! Еще одно преступление на моей совести!

– Еще одно, мошенник? – усмехнулся Блейд.

– У меня просто такая манера выражаться, хозяин, – ответил слуга, невинно скосив глаза.

Стукнула дверь, и в хижину вошел сержант, которого сопровождали два солдата.

Сержант, с презрением оттолкнув Сильво, обратился к Блейду:

– Огненное кольцо уже пылает, чужестранец. Ты пойдешь с нами в оружейную.

Блейд показал на Сильво:

– Он пойдет тоже. Он служит мне.

– Как хочешь, – пожал плечами сержант. – Но поспеши. Хорса очень нетерпелив.

Следуя за солдатами сквозь сырой туман и ночной мрак, Блейд прошептал на ухо Сильво:

– Этот Хорса... он действительно сильный боец? Каким оружием он сражается?

– Огромным топором, хозяин, огромным бронзовым топором. У него будет и щит, но он всегда атакует и поэтому пользуется им не очень ловко. Но с топором он сущий дьявол! Хорса зовет его Айскалпом – Сокрушителем Черепов. Очень точно... Рукоятка у него длинная и двухстороннее лезвие. Я бы его не поднял... Думаю, что с топором в руках ты с ним не совладаешь, господин.

В своей прежней жизни Ричард Блейд часто имел дело с боевой секирой; изучение холодного оружия и древнее боевое искусство были его хобби. Еще с юности он состоял членом «Медиевистик Клуб» и, в то время, как другие мужчины поддерживали спортивную форму с помощью бокса, тенниса или гандбола, он потратил много часов, упражняясь с копьем и большим двуручным мечом, топором и секирой, боевым луком и арбалетом.

Но он действительно будет полным идиотом, если попытается превзойти Хорсу в искусстве, которому тот посвятил всю жизнь. И поэтому Блейд выбрал в оружейной двуручный меч – почти в рост Сильво, из железа и бронзы, невероятно тяжелый. Блейд, однако, с легкостью сделал им несколько выпадов. Он взял также кожаный панцирь с бронзовыми бляхами и сверкающим нагрудником, который мог предохранить от скользящих ударов.

На улицах вопила и бесновалась толпа, жаждущая его крови. Блейд усмехнулся. Он понимал, что настроение этого сброда может быстро измениться. Стоит ему первому пустить Хорсе кровь, как они запоют иначе. Ведь им нужна только кровь – кровь, пьянящая сильнее пива... а чья она будет – не так важно.

Раздраженный сержант сыпал проклятиями, но Блейд решил заново наточить свой меч. Пусть Хорса ждет... пусть злится и недоумевает. Сейчас любая задержка была ему на пользу. Он не торопясь собственноручно заточил лезвие и, довольный, наконец покинул оружейную.

Похоже, весь Сарум Вил столпился на центральной площади, забитой настолько тесно, что на ней не осталось места для лихих колесничих. Окружив Блейда и Сильво, солдаты пробили дорогу сквозь колыхавшуюся, ревущую и вопящую толпу. Вслед Блейду летели проклятия, оскорбления и редкие подбадривающие крики; какая-то подвыпившая девка пыталась сунуть ему рог с пивом. Блейд молчал; Сильво, тоже осыпaeмый бранью, огрызался, как мог.

Наконец они достигли огненного кольца. Выложенное из пылающих поленьев, политых рыбьим жиром, кольцо сверкало зловещим малиновым светом, выбрасывая высоко вверх языки пламени – словно огромный, широко раскрытый глаз, уставившийся из глубин ада в сырое мглистое небо. Вокруг суетились рабы; они непрерывно бросали в огонь поленья, подливали вонючий жир, и каждый раз ревущее гудящее пламя вздымалось до груди Блейда.

Трои Ликанто был вынесен из дворца, и он сам уже восседал на нем с пивным рогом в руке. Король болтал с капитанами; когда Блейд подошел ближе, достойный монарх и военачальники уставились на него. Позади трона, в тени, Блейд заметил женщину в плаще с низко надвинутым капюшоном. Она стояла неподвижно, словно ночной призрак. Альвис?

Толпа громко взревела. Блейде невольным восхищением кивнул, когда Хорса перепрыгнул через пламя и направился к центру кольца. Причудливые одежды, блеск оружия, гигантский костер – вся сцена поражала варварским колоритом, который он не мог не оценить.

Заметив, что голова противника не покрыта, Хорса скинул шлем; на его лысом черепе заиграли оранжевые блики пламени. Он был в тяжелых башмаках, ремни которых обтягивали до колен обнаженные крепкие ноги; на плечах висел богатый малиновый плащ, застегнутый у горла золотой пряжкой. В левой руке Хорса держал небольшой круглый щит, правой, изуродованной старыми шрамами, потрясал огромным бронзовым топором.

Зловеще улыбнувшись в ответ на крики толпы, альб поднял оружие над головой и взмахнул, со свистом рассекая воздух. Блейд, внимательно следивший за противником, отметил превосходный баланс и длинную рукоять топора, позволяющую нанести удар на большом расстоянии. Оба лезвия, малое и большое, ярко сверкали, наточенные, острые, как бритвы. Разведчик подумал, что придется соблюдать осторожность и бить наверняка. Несколько выпадов, обмен ударами, пара-другая обманных финтов; затем – выбрать время и...

Хорса сбросил плащ и швырнул его через костер. Теперь он был обнажен до пояса – мощный воин с бочкообразной грудью, покрытой густыми темными волосами. Альбиец уступал ростом своему противнику и не обладал такой рельефной мускулатурой, но Блейд не сомневался, что Хорса не менее крепок, чем он сам.

Уперев в землю рукоять, он облокотился на топор и злобно крикнул Блейду:

– Ты сказал, чужак, что у меня кровь жидкая, как вода! А как насчет твоей? Может быть, у тебя появилось какое-то срочное дело в кустах? Или ты должен побеседовать со своим хозяином, Краснобородым? Не выйдет! Мне нужна твоя голова... я отрежу ее и насажу на копьё!

Толпа разразилась хохотом и одобрительным ревом. Блейд не обратил внимания на слова Хорсы; он глядел на короля. Ликанто нетерпеливо взмахнул рукой.

Блейд повернулся к Сильво.

– Ты запомнил, что надо делать? Тут важно точно рассчитать время. Разделавшись с Хорсой, я скажу, что должен поесть и отдохнуть. Они оставят меня одного, Я буду наготове – как только услышу крики, проникну в дом и унесу Талин. Помнишь, что делать дальше?

– Бежать, хозяин! – скорчил гримасу Сильво.

Блейд похлопал его по плечу.

– Правильно. Помоги мне в этом деле, приятель, и ты не пожалеешь.

Слуга печально скосил глаза, выдавив:

– Я уже жалею, хозяин... да слишком поздно. Смотри, Хорса опять оскорбляет тебя!

Блейд перепрыгнул через пламя и двинулся к противнику. Подняв меч, он отдал салют королю, не выпуская, однако, Хорсу из вида. Это оказалось не лишним; внезапно альб с рычанием прыгнул к нему, вздымая топор. Пламя отразилось в бронзовом лезвии, когда оно стремительно обрушилось на голову Блейда.

Сильво, стиснув кулаки и подняв лицо к небу, прошептал:

– Тунор, подари победу моему господину! Обещаю, что не буду красть целый год... Клянусь! Жизнью своей, зачатой в бедственный день, клянусь тебе!

Глава 6

Хорса атаковал стремительно и яростно. Блейд парировал удары и отступал; бронзовый топор выбивал звонкую чечетку на лезвии его меча. Пламя опалило его ноги, и он метнулся

влево, затем – направо, отбив смертельный удар и ухитрившись избежать огня.

Сильво был прав относительно излюбленной тактики Хорсы; тот непрерывно нападал, не обращая внимания на защиту. Раз десять альбиец открывался настолько, что Блейд мог бы достать его – если бы сумел сделать выпад. Но это ему не удавалось. Противник теснил его все ближе к огню, и он едва успевал отбивать удары зловеще мерцающего топора. Раз за разом острое лезвие рассекало воздух в дюйме от виска Блейда; однажды завиток темных волос, срезанный с его головы, закружился над пламенем.

Толпа, почуявшая кровь, завывала словно волчья стая. Разведчик разобрал отдельные выкрики – местные остряки советовали Хорсе, куда нанести удар. Лысый альб злобно оскалился и внезапно рубанул топором вниз, метя противнику в пах. Пожалуй, сейчас его можно было бы достать, но Блейд не решился сделать глубокий выпад и нанес рубящий удар тяжелым мечом. Кончик лезвия коснулся шеи Хорсы, оставив неглубокий разрез, тут же налившийся красным. Тот проворно отскочил назад, бормоча проклятия и поминая Тунора. Затем альбиец ринулся в яростную атаку.

Блейд отступал. Враг по-прежнему теснил его к огню, и он получил уже несколько ожогов – пока несерьезных, но ясно предрекающих, какая судьба ждет его в случае поражения. Он ждал, когда Хорса устанет; невероятно, чтобы человек мог бесноваться так долго с тяжелым топором в руках. Однако альбиец все еще казался полным сил и дьявольской энергии. Он гонял Блейда круг за кругом по пятаку внутри огненного кольца, а тот отбивал удары, ускользал и отступал, напрягая все силы. Каждый резкий взмах Айскалпа заканчивался звенящим ударом, который отдавался в руках Блейда – словно огромный молот грохотал по наковальне. Дважды меч едва не вылетел у него из рук. Стучись такое, ему оставалось бы только выбрать способ смерти – от топора Хорсы, в огне или на копьях солдат, плотной шеренгой выстроившихся за огненным кольцом.

Тянулись долгие минуты. Хорса был неустойчив; только один раз он приостановился и, опершись на топор, вытер рукой вспотевший лоб. При этом он не переставал издеваться над Блейдом:

– Сражайся, мозгляк! Трусливый ублюдок, чья мать питалась ослиным пометом! Подходи ближе и кончим это дело! Признаю, ты проворный малый, но Айскалп еще доберется до твоего черепа! И до промежности – тоже!

Блейд молчал, сберегая дыхание. В этом бою он надеялся не только на свою силу и ловкость; он знал, что должен обмануть противника. Хорса превосходил его опытом в делах такого рода. И огненный круг, заключивший в свои пылающие границы их жизни, совсем не походил на ристалище «Медиевистик Клуб», на котором разыгрывались учебные бои. Там, на Земле, речь шла о спорте и развлечении; здесь же пахло кровью, смертью и потом сцепившихся в поединке хищников. Их силы и умение были равны; значит, в живых останется более хитрый. Это было неизбежно – как и то, что один из них не переступит огненную черту.

Внезапно Блейд прыгнул вперед и, подняв меч обеими руками, нанес мощный и неуклюжий удар, от которого Хорса довольно легко уклонился. Сделав вид, что с трудом сохраняет равновесие, разведчик повернулся лицом к врагу; грудь его тяжело вздымалась, воздух хрипел и клочкотал в горле. Он надеялся, что эти признаки утомления выглядят вполне правдоподобно; он еще не мог покончить с Хорсой и хотел лишь создать видимость того, что начинает выдыхаться. Альб злобно оскалился и, расхохотавшись, снова ринулся в атаку.

Но этот раз он держал свое оружие обеими руками, отбросив щит. Он опять начал теснить Блейда к пламени, широко замахиваясь топором и раз за разом обрушивая на соперника сверкающее лезвие. Со свистом втягивая воздух, он резко ухал при каждом ударе. Пот капал с густых волос на его груди, смешиваясь с кровью из царапины и голубой краской, которой альб перед боем нанес на тело волшебные руны. Он был уверен в своей силе и в том, что через несколько мгновений доберется до шеи противника. Или до его промежности, что казалось еще более интересным.

Блейд пока что отступал, хотя с каждой минутой его уверенность в победе росла: Хорса

наконец-то начал уставать. Он бил тяжелым топором уже полчаса, и разведчик невольно восхищался выносливостью альбийца. Жаль, что придется раскроить ему череп... армия Ликанто и в самом деле лишится лучшего бойца.

Толпа теперь молчала, и только яростные вскрики Хорсы нарушали тишину. Ничто так не поражает простонародье, как падение великого героя; люди Сарум Вила еще не могли поверить в это, но лишь малое время отделяло их от выражения восторгов в честь нового кумира. Сильво, беззвучно шевеля губами, поклялся Тунору воздерживаться от воровства в течение двух лет.

Блейд, несомненно, теперь был в лучшей форме, чем Хорса. Однако руки его ослабли, легкие горели, пот слепил глаза, а спина отчаянно ныла. Он старался сохранить силы и преуспел в этом больше, чем альб, но все же их оставалось очень мало. Он чувствовал, что пора кончать схватку; нужно нанести решающий удар сейчас, немедленно – иначе этого уже не удастся сделать.

В очередной раз широко размахнувшись, Хорса послал сверкающее лезвие сверху вниз, по широкому кругу. Блейд поднырнул под топор и альбиец, не встретив сопротивления, подался вперед, в следующий миг растянувшись на земле. Айскалп выскользнул из его рук словно живой; Блейд прыгнул и придавил ногой рукоять бронзовой секиры. Мгновение Хорса лежал неподвижно, словно не понимая, что произошло; затем он приподнялся на коленях и уставился на Блейда сузившимися глазами, в которых отражалось только безмерное удивление. Альб взглядом измерил дистанцию между жизнью и смертью; от потерянного оружия его отделяло не меньше шести футов. Наблюдая за ним, Блейд понял, что этот человек не знает страха.

Толпа вздохнула разом, будто огромный зверь, жаждущий запаха крови и пьянящего аромата теплых внутренностей. Блейд быстро нагнулся и поднял топор. Он прикинул в руке его тяжесть, ощутил почти живое тепло рукояти и понял, что это оружие ему по душе. Айскалп будто вздрогнул, ощутив прикосновение нового хозяина как норовистый жеребец, готовый покориться могучему всаднику. Их обручение состоялось; но до свадьбы надо было покончить с последним делом.

Хорса уже поднялся, теперь он выжидательно смотрел на Блейда сквозь маску из крови, пота и голубой краски, которая придавала его лицу вид жуткого демона из самого страшного и глубокого круга альбийской преисподней. В глазах его читалась покорность судьбе. Он поднял голову вверх, к мрачному беззвездному небу, и низким хриплым голосом начал гимн смерти – песню, которую поет воин, уходящий к Тунору. Он походил сейчас на быка, который ждет последнего удара в загоне скотобойни.

Блейд, однако, не хотел, чтобы поединок завершился столь прозаическим образом. Конец великой битвы должен произвести на зрителей незабываемое впечатление – и он не упустит случая попасть в легенды этой страны. Великолепным жестом, презрительным и милостивым одновременно, Блейд швырнул оружие к ногам Хорсы и рявкнул:

– Вот твоя игрушка, приятель! Никто не скажет, что я убил безоружного врага! Защищайся, труп!

Слова его вызвали именно ту реакцию, которой он добивался. Хорса, разъяренный и пристыженный, схватил топор и ринулся на Блейда с безумным ревом берсерка. Он призвал на помощь Тунора, и в следующую секунду сверкающая бронза тонко просвистела мимо уха разведчика.

Сейчас, решил Блейд, сжав рукоять тяжелого меча одной рукой, он сделал стремительный выпад. Клинок сверкнул серебристой змеей, отмерив шесть дюймов железа в левое плечо Хорсы. Теперь толпа снова обрела голос; вой и крики, вопли и рев взмыли над огненным кольцом. Хорса тоже зарычал – больше от ярости, чем от боли и возвратным движением топора едва не снес Блейду голову.

Опустив меч, разведчик ринулся к шумно дышавшему альбу и с силой толкнул его в костер. Впервые с начала схватки пламя коснулось тела Хорсы; на лице Блейда, потным, заросшем черной щетиной, проступила злорадная усмешка.

– Думаю, огонь согреет тебя в такую холодную ночь, Хорса, – он вытянул руку к багровому кольцу. – Приготовься! Ты испробуешь его еще не раз.

Он снова сделал выпад. Хорса не успел парировать удар, и конец меча прочертил длинную кровавую полосу по волосатой груди. Альбиец находился в нескольких дюймах от ревающего пламени и теперь вынужден был обороняться. Грудь его вздымалась мучительными рывками, глаза остекленели, но он продолжал бой, пытаясь обойти противника и вырваться на середину круга. Однако сверкающий меч в руках Блейда оставлял ему только одну дорогу – назад, в огонь. Тело Хорсы кровоточило, и в сыром воздухе подымался едкий запах паленых волос и плоти.

Айскалп снова блеснул золотом в языках пламени. Удар Хорсы был слаб, будто топор уже изменил прежнему господину и жаждал руки нового хозяина. Блейд легко отбил его. Затем он на мгновение замер, сжимая обеими руками тяжелый меч, готовый нанести смертельный удар. Он поднял свое оружие, выставив его перед собой словно копье, и прыгнул. Клинок вошел в грудь Хорсы, проткнув его насквозь.

Альб покачнулся и сделал шаг назад, прямо в огонь. Он стоял там неподвижно, словно скованный багровым сиянием, и языки пламени лизали его ноги, обжигали, обугливали плоть. Казалось, Хорса не чувствовал этого; он снова поднял свой топор, пытаясь нанести удар, и затанул песню смерти.

Блейд, от усталости едва стоявший на ногах, приблизился к огню. Возбуждение и ярость битвы медленно покидали его, сменяясь глухим раздражением, которое вызвал этот жестокий мир. Разум и душа разведчика были потрясены мужеством врага – хотя он догадывался, что его породили ненависть и злоба. Он не хотел напрасно мучить Хорсу и попытался нанести укол прямо в сердце.

Он промахнулся. Рубящий удар в основании шеи тоже не достиг цели; лезвие меча отсекло правую руку Хорсы, все еще сжимавшую топор. Альбиец, окутанный пламенем, медленно нагнулся и поднял Айскалп левой рукой; казалось, он не хотел умирать безоружным. Обрубок, уродливым корнем торчавший из правого плеча, фонтанировал кровью. Тело Хорсы, с обгоревшими волосами, начало обугливаться и чернеть; огонь все глубже, все безжалостней вгрызался в его плоть и кости.

С последним криком ярости и вызова альб прорвал завесу пламени и выскочил на площадку. Он протянул руку, словно пытаясь схватить Блейда; он хотел ринуться вместе с врагом в огонь, пожиравший его собственное тело. Блейд, покрытый потом и копотью, пригнулся, выставив вперед меч. Он выиграл этот бой, но испытывал сейчас не торжество, а лишь безмерное и безразличное отвращение. Наткнувшись на лезвие, его противник в последний раз взмахнул своей бронзовой секирой и рухнул на землю.

Возбужденная толпа внезапно застыла, замерла в молчании. Они ждали... и Блейд знал, что должен делать победитель. Сильво рассказывал ему, как следует поступать с трупом поверженного врага.

Но он не мог надругаться над телом храбреца. Он поднял бронзовый топор, взмахнул им и, вдохнув дымный горячий воздух, крикнул:

– Слушайте! Я победил Хорсу в честном бою и теперь беру себе этот топор, Айскалп – Сокрушитель Черепов! И я беру плащ Хорсы! Я буду носить его с гордостью – ведь Хорса был сильным воином и настоящим мужчиной!

Он перепрыгнул через огонь, поднял тяжелый малиновый плащ, набросил на плечи и застегнул золотую пряжку. Затем с гордым видом повернулся к королю и его свите; некоторые теперь улыбались ему, другие смотрели угрюмо. Сам Ликанто задумчиво крутил в руках рог с пивом.

Блейд пересек толпу по проходу, проделанному рабами и добровольными помощниками из публики, приблизился к трону и отсалютовал огромным топором. Минуты сражения истекли, наступило время дипломатических переговоров и хитроумных интриг. С помощью искусной лжи он должен создать нечто эфемерное, но правдоподобное – фасад здания, не имеющего ни фундамента, ни боковых стен. К тому моменту, когда истина

раскроется, он должен быть уже на дороге в королевство Вота – вместе с принцессой Талин, разумеется. А сейчас он последует советам Сильво и постарается получить все, что положено победителю.

– Я убил Хорсу в справедливом и равном бою. Никто не станет оспаривать это?

Ликанто мрачно кивнул и уставился в свой рог с пивом. Люди вокруг него зашевелились, пряча глаза и перешептываясь. Наконец заговорил Кунобар. Взгляд его был твердым, но в тоне ощущалось некое разочарование – так что Блейд вновь засомневался в том, насколько расположен к нему этот человек.

– Ты победил честно, – сказал Кунобар Серый.

Блейд отвесил небрежный поклон королю.

– Тогда по вашему закону я беру все, что было у Хорсы. Его дом, его оружие, его скот, жен и сервов – что бы ни принадлежало ему, теперь принадлежит мне. Согласны?

– Согласны. – На этот раз ответил Ликанто. – Но ты ошибся насчет жен – в Альбе дозволяется иметь только одну жену. А у Хорсы жены не было, так что здесь ты ничего не выиграл, чужак. Но все остальное – твое, как положено по закону... – Король поерзал в кресле. – Однако закон также гласит, что теперь ты – мой вассал, и должен сражаться, когда я прикажу... сражаться за меня и защищать мой дом. И твое благополучие будет зависеть от моих милостей. Ты согласен?

Блейд снова поклонился на этот раз с большим почтением.

– Согласен, мой король. Но я хотел бы поговорить о таких вещах в другое время. Я утомлен, хочу есть и пить. Разреши мне удалиться в мой новый дом и восстановить силы.

Он бросил взгляд в толпу, пытаясь обнаружить Сильво. Если все идет по плану, то слуга должен уже обретаться в конюшне... Похоже, он выполнил приказ и исчез вовремя. Тело Хорсы, словно грудку мусора, взвалили на грубые носилки. Никто, даже рабы-носильщики, не обращали внимания на обугленные искалеченные останки. Хорса умер. Долгой жизни победителю!

Блейд подавил приступ тошноты и отвернулся. Пора забыть о цивилизованном мире, в котором он родился; теперь он в Альбе. Все равно что в Англии времен Вильгельма Завоевателя...

Поклонившись в последний раз, разведчик закинул на плечо тяжелый топор и огляделся.

– Я вижу, что мой слуга-мошенник уже исчез. Не сомневаюсь, что сейчас он служит мне, срезая кошельки у зазевавшихся горожан. Может кто-нибудь проводить меня в мой новый дом?

Люди, окружавшие кресло короля, опять начали перешептываться, но ни один не вышел вперед. Блейд усмехнулся:

– Значит, мне самому нужно искать дорогу? Я могу ошибиться и тогда буду вынужден снова затеять драку. Сейчас мне этого не хотелось бы... я должен поспать.

И снова на помощь пришел Кунобар, вызвав у Блейда новый приступ подозрений. Почему он делает это? Какую цель преследует?

– Я покажу тебе дорогу, – сказал капитан, – и прошу не обижаться, что остальные ведут себя столь невежливо. – Он холодно улыбнулся, окинув взглядом стоявших вокруг людей. – Все они поставили на Хорсу и теперь стали немного беднее. Ступай за мной, Блейд, и я покажу тебе дом, который ты выиграл.

Они протиснулись сквозь толпу. Кунобар шел впереди, щедро раздавая удары ножами меча и отталкивая людей, которые стремились поближе рассмотреть победителя. Чадающие факелы едва разгоняли туманную мглу ночи, и Блейд прикинул, что у него есть еще несколько часов до рассвета.

Кунобар вел его по грязной неширокой улице, заваленной мусором, вонючими отбросами и навозом. Блейд сказал ему в спину:

– Они все поставили против меня? А на кого ставил ты, благородный Кунобар?

Капитан обернулся и выдавил улыбку:

– Я поставил на вас обоих. Не ради денег – из чистого интереса. Я всегда так поступаю. И никогда не проигрываю.

Блейд коротко рассмеялся.

– Мудрое правило! Но тот, кто не рискует, не может и выиграть.

Кунобар не ответил.

Они свернули в переулок, такой же грязный и еще более узкий. На углу возвышалось большое деревянное строение, фасад которого был освещен множеством пылающих факелов. Блейд кивнул в его сторону и сказал:

– Богатый и прекрасный дом, верно? Кто здесь живет?

– Госпожа Альвис, супруга короля. И все ее женщины. Не шатайся поблизости от ее дома... и ни в коем случае не заходи внутрь – это запрещено законом и карается смертью. Только Ликанто может бывать там – и то с разрешения королевы.

Разведчик отвернулся, чтобы скрыть усмешку. Бедный Сильво! Ему придется сунуть свой уродливый нос в берлогу разъяренной медведицы... Впрочем, как и самому Блейду.

Глава 7

Блейд лежал в тени на мягкой траве, покрывая дно неглубокой ложбины, полускрытой ажурными листьями папоротника и стеблями вереска, усеянного розоватыми цветами. Лощина купалась в рассеянном зеленоватом свете; единственный солнечный луч, прорвавшийся сквозь нависшие ветви деревьев, дрожал в воздухе прозрачным сверкающим конусом.

Она стояла в этом потоке золотистого света, облаченная в белый плащ с малиновым пояском, с глубоко надвинутым капюшоном, и держала перед собой, словно святыню, золотой меч. Блейд не видел ее глаз, но знал, что она рассматривает его со странным интересом; он чувствовал, как под этим обжигающим взглядом в жилах начинает закипать кровь. Он ощущал невероятное возбуждение.

Это была верховная жрица друсов – та, что принесла в жертву девушку на поляне в дубовой роще, – и Блейд произнес ее имя, словно всегда знал его:

– Друзилла! Иди ко мне!

Медленно склонив голову, она воткнула золотой меч в землю и отбросила назад капюшон. У Блейда остановилось дыхание. Ее руки плавно простирались к нему, она двинулась вперед и луч солнца, падавший сверху, покорно скользнул следом. Волосы ее завитками обрамляли лицо с узким изящным подбородком и белоснежной кожей, алые губы были полураскрыты, глаза сияли темным золотом. Белый плащ облегал тело, не скрывая, но подчеркивая его формы. Блейд видел, как колыхаются, словно танцуя, ее груди – каждая в своем ритме; как струятся, подобно морским волнам, ее бедра, как плывут над зеленым ковром травы округлые колени, взбивая тонкую ткань.

Она замерла, склонившись над ним, положив ладонь на единственную застежку плаща – небольшой металлический диск над грудью, у самого горла.

– Откуда ты знаешь мое имя? – Голос ее звучал как перезвон волшебных колокольчиков, глубокий, дразнящий.

Неистово, страстно желая ее, Блейд протянул руку и шепнул:

– Не понимаю... Я просто знаю его... Но молчи, молчи! И ляг рядом, здесь... со мной...

Ее янтарные глаза обжигали его, тонкие пальцы играли с застежкой плаща, скрывавшего тайну. Она покачала головой:

– Нет, Блейд... не сейчас... время еще не пришло. Но я не отвергаю тебя, герой... – Алые губы раскрылись в улыбке. – Ты желаешь вкусить райское блаженство, Блейд? Хочешь увидеть сокровища, которыми однажды будешь обладать? Скажи – и это исполнится!

Он застонал.

– Я жажду – а ты предлагаешь мне только обещания! Как жестоко, Друзилла!

Ее ответная улыбка таила насмешку. Ему показалось, что зубы ее вдруг стали длиннее, челюсти чуть вытянулись вперед; и хотя склонившееся над ним лицо оставалось чарующим, прелесть ее была теперь сродни красоте хищного зверя. Она опустилась на колени и распахнула плащ, позволив ему коснуться груди – нежных, с полупрозрачной кожей, розовым ореолом вокруг сосков, белых, как молоко, и твердых, как мрамор.

Строфа баллады всплыла в его памяти – *la belle dame sans merci*... Он повторил вслух эту фразу. Дама прекрасная, жестокосердная... И слова, и язык были смутно знакомыми, но он не мог вспомнить их тайный смысл. Он ласкал ее груди, удивляясь, почему они источают такой холод...

Она склонялась все ниже и ниже, полуприкрыв янтарные глаза... Губы ее шевельнулись и тихий стон сорвался с них:

– Облегчи меня, Блейд... Грудь моя тяжела от молока кровавых грехов... Испей его, прими на себя половину... Для двоих эта ноша станет легче...

Розовый сосок вдруг оказался в его губах, холодный и твердый как камень... сосок, источавший горечь, которую он не мог глотнуть. Ужас овладел им, ужас и страстное желание; он застонал, содрогаясь, и...

– Хозяин! Хозяин, проснись! Твои проклятые вопли все погубят... нас изловят, не пройдет и часа. Проснись, хозяин, и заткнись, если дорожишь нашими шкурами!

Ричард Блейд перекатился на бок и уставился на Сильво. Не было ни лощины, залитой зеленоватым сиянием, ни дьявольского, но такого манящего лица жрицы. Рядом тянулась тропа через болото – узкая полоска грязи над ржавой водой, стиснутая стенами высокого тростника и увенчанная тусклым пасмурным небом. Болотные птицы серыми стрелами мелькали над головой, три лошади неподалеку щипали горьковатую болотную траву, недовольно пофыркивая.

Блейд протер заспанные глаза и пригладил ладонью волосы, в очередной раз поразившись, насколько грязные у него пальцы. Вначале дела их шли неплохо, отвлекающий маневр Сильво сработал, и он без помех вынес Талин из дома королевы. Однако все остальное было настолько беспорядочной и поспешной импровизацией, что Блейд едва не впал в отчаяние.

И все же им удалось выбраться из Сарум Вила – после того, как разведчик прикончил двух солдат, а Сильво оставил свой нож в животе третьего, – и каким-то образом, в темноте и тумане, найти в болоте тропинку, которая привела их сюда. Чудо, за которое Блейд не переставал благодарить судьбу.

Он потрогал подбородок – щетина уже начала курчавиться – и встал.

– Мне привиделся кошмар, – сказал он, ощущая смущение. – Я громко кричал?

Сильво, сидевший на корточках, скосил глаза и выпятил заячью губу.

– Достаточно громко, хозяин, чтобы поднять покойника. И если погоня близко, нам несдобровать. Луны нет, а то бы я подумал, что это она поразила тебя! – он задумчиво взглянул на небо. – Кто такая Друзилла, хозяин? Звучит знакомо, но вспомнить не могу.

Блейд шагнул в воду, чтобы справить малую нужду в стороне от дороги. Тростник скрывал его от спящей принцессы.

– Не знаю, – коротко бросил он – Видение, призрак – ничего больше. Что спрашивать с кошмарного сна? Да и незачем... Как там принцесса?

– Спит, будто младенец, – покачал головой Сильво, – но ни один здоровый ребенок не засыпает так глубоко. Думаю, хозяин, надо разбудить ее, иначе она никогда не откроет глаза по эту сторону владений матери Фригги.

Блейд подошел к куче тростника, покрытой малиновым плащом Хорсы, на котором лежала девушка. Длинные золотистокаштановые волосы спутались, лицо осунулось и побледнело, под запавшими глазами выделялись голубоватые полумесяцы. Лоб у нее был покрыт крупными каплями пота. Блейд опустился на колени и, послав проклятье Альвис, вытер испарину краем плаща.

Сильво, проверяя пальцем лезвие своего запасного ножа, задумчиво произнес.

Я мог бы сделать для нее питье, хозяин, – он бросил взгляд туда, где паслись лошади. – Тут полно всяких поганных трав... пожалуй, стоит попытаться. Ее вырвет и живот освободится от сонного зелья. Терять нечего; думаю, она уже умирает.

– Ты что, лекарь? – Блейд сверкнул глазами на слугу. – Откуда я знаю, не отравишь ли ты ее вконец?

Но Сильво уже занялся делом. Он сходил к лошадям и вернулся с небольшим бронзовым горшочком. Не глядя на Блейда, он буркнул:

– Когда я уверился, что ты победишь, то пошел в дом Хорсы и взял кое-какие вещи. Это не было воровством, Тунор видит, потому что все и так скоро стало бы твоим.

– Я знаю, – сухо кивнул Блейд. – Я провел в доме всего несколько минут, но понял, что его ограбили. Мы потолкуем об этом позже Ну, как там дела с питьем?

Сильво зачерпнул горшок воды и бросил в него пригоршню грязи. Затем накрошил пучок гнилой травы и отправил туда же, добавив щепоть коричневого порошка, который достал из красивого нового кошелька, висевшего на поясе. Затем слуга начал осматривать землю и шарить в камышах, держа нож наготове. Блейд с подозрением наблюдал за ним.

– Ага! – воскликнул Сильво, энергично ткнув ножом. Он вернулся к горшку; на лезвие была наколота дрыгавшая лапами жаба. Изрубив ее на части вместе с несколькими червями, он бросил эти ошметки в воду, как следует размешал и повернулся к Блейду, ослабившись во весь рот.

– Отличное питье, хозяин! Никто в Альбе не сможет сотворить большую мерзость, клянусь коленом Тунора! Оно даже лошадь заставит опорожниться!

– Мне очень хочется сначала испробовать его на тебе, – Блейд с подозрением покосился на горшок, потом пристально посмотрел на слугу. Действительно ли уродливая физиономия под запекшейся коркой грязи побледнела? Или ему только показалось?

– Нет, нет, хозяин! – пробормотал Сильво. – Не стоит тратить такой редкостный бальзам понапрасну Его не так много и, к тому же, я не умираю от сонной болезни... Давай, хозяин, поддержи ее рот раскрытым, пока я волью питье.

Блейд снова вытер пот со лба девушки и положил ее голову к себе на колени. Сильво наклонил горшок. Талин поперхнулась, проглотила жидкость и закашлялась.

– Подожди, – скомандовал Блейд, – дай ей вздохнуть.

Сильво, нахмурившись, подчинился.

– Она должна выпить все. Приподними ее, хозяин, чтобы смесь опустилась в желудок.

Они вылили последнюю каплю отвратительного пойла в горло Талин. Девушка и раньше казалась бледной, но теперь ее лицо приобрело зеленоватый оттенок. Внезапно она перевернулась ничком и тело ее сотрясла дрожь. Сильво, с любопытством наблюдавший за результатами своего лечения, отпрыгнул назад.

– Действует, хозяин! Что я тебе говорил! Сейчас ее как следует прополощет! Клянусь, ты такого в жизни не видел!

Косоглазый оказался прав. Блейд поддерживал девушку, пока содержимое ее желудка извергалось наружу. Стройное тело корчило и трепетало в его руках, она начала стонать и пробормотала несколько слов, призывая смерть. Затем раскрыла глаза и с удивлением и страхом уставившись на Блейда.

– Ты? Где мы? Как я сюда попала? Что это...

Блейд поставил девушку на ноги и, поддерживая одной рукой, ладонью другой мягко надавил ей на живот.

– Ты была больна, Талин. Теперь тебе станет лучше... вот так! Пусть из тебя выйдет все... Полностью... Ну, еще раз... попытайся!

Она согнулась, руки безвольно повисли, волосы закрывали лицо. Она дрожала и задыхалась, выворачивая наизнанку желудок, мучительно кашляя.

– Я умираю, Блейд! Скорей бы... Фригга зовет меня... О, как мне плохо!.. Пусти же, дай мне умереть в покое, или Фригга проклянет тебя... пусти...

Сильво, стоя в безопасном отдалении, благоговейно следил за плодами своей работы и

подбадривал Блейда.

– Разве я не говорил, хозяин? Смотри, как действует! За всю мою грешную жизнь я не имел удовольствия взглянуть на благородную госпожу в таком утешительном состоянии!

Талин, полная королевского достоинства даже во время агонии, подняла голову и уставилась на слугу.

– Кто этот безобразный висельник? Как он смеет так говорить? И ты, Блейд, позволяешь оскорблять меня? Немедленно покажи ему, как... ооо! – и она скорчилась в новом приступе рвоты.

– Приготовь лошадей, – приказал Блейд слуге. – Нам нужно покинуть это место, как только она сможет сесть в седло.

– Лучше бы дожидаться темноты, – заметил Сильво.

– Делай, как я сказал, – нахмурился Блейд. – Я считаю, что никакой опасности нет. Вряд ли за нами станут гнаться целый день, когда Краснобородый у границы! Ты сможешь найти в этой трясине дорогу на север?

– Да, хозяин. Я знаю болота как собственную ладонь. Мы проедем к северу килсов двадцать и снова окажемся в лесу.

Блейд, довольный, кивнул.

– Отлично! Ликанто должен идти на юг или на восток, чтобы встретить Краснобородого. И вряд ли у него есть лишние люди, чтобы искать нас. Может быть, госпожа увидит своего отца уже через несколько дней, – он кивнул в сторону Талин.

Девушка уже стояла на ногах, вцепившись в скрюченный ствол березы, уныло торчавший из болотистой почвы. Краски постепенно возвращались на ее лицо.

– Ты слышала? Мы отправляемся на север, к твоему отцу. Сможешь ехать верхом?

Карие глаза принцессы сверкнули. Похоже, здоровье ее восстанавливается так же быстро, как и строптивость, решил Блейд.

– Я не глухая! Возможно, меня отравили, но слышу я хорошо. И я не могу сесть на лошадь! Разве ты не замечаешь – мое платье слишком короткое, и этот твой простолюдин увидит слишком много!

Блейд с трудом сдержал проклятье. Стиснув кулаки, он глубоко вздохнул и сказал ровным голосом:

– Ты поедешь верхом, Талин, даже если мне придется привязать тебя к седлу. И запомни еще одно: мы многим обязаны этому простолюдину. Его зовут Сильво, и впредь ты будешь обращаться к нему по имени. Он знает свое место и готов оказывать тебе подобающее уважение. Помни это и разговаривай с ним вежливо. Ты – принцесса, но сейчас команду я. И все будет так, как я скажу – пока ты не вернешься к отцу. Тебе все понятно?

Ее подбородок надменно приподнялся, но в глазах заблестели слезы. Блейд подумал, что покойный Хорса был в конце концов прав: Талин – всего лишь девчонка, бездомная и перепуганная.

Уши Сильво, такие же длинные, как его нос, ничего не пропустили мимо. Он отозвал Блейда в сторону и начал шептать ему в ухо. Наконец Блейд усмехнулся и хлопнул слугу по спине:

– Надеюсь, что милостивый Тунор простит тебе воровство – так же, как и я. Неси вещи, парень... и спасибо тебе. Я ни подумал об этом.

Сильво закатил свои замаслившиеся глазки и важно заявил:

– У меня большой опыт с женщинами, хозяин. Знаешь, их мозги работают иначе, чем у мужчин. Они годятся лишь на самые простые дела и, конечно...

Блейд подтолкнул его к лошадям.

– Неси вещи, мошенник, и избавь меня от советов! Пора ехать.

Сильво вернулся через минуту с охапкой всякого добра, заслужив снисходительный кивок Талин. Здесь был деревянный гребень – девушка тотчас причесала свои спутанные локоны, – бронзовое полированное зеркальце и мешочек с нитками и набором костяных иголок.

Блейд указал на подол ее платья – там, где ткань обтягивала стройные бедра девушки – и посоветовал:

– Разрежь тут и тут. Несколько стежков – и у тебя получатся отличные штаны. Целомудрие твое не пострадает, и ты сможешь ехать верхом. Торопись. У меня сильное желание поскорее найти этого Вота Северного, твоего отца, и избавиться от тебя.

Девушка отвернулась от Блейда.

– Как всегда, ты слишком дерзок, – надменно заявила она. – Надеюсь, мы скоро будем в королевстве Вота, и тогда я прикажу хорошенько выдрать тебя на конюшне, а заодно – и твоего паршивого слугу!

Блейд посмотрел на Талин – вернее, на ее спину, гордо выпрямленную и изображавшую презрение пополам с обидой. Он усмехнулся; вместо несчастной больной девушки перед ним была прежняя Талин.

Весь этот день путники пересекали болото, покрытое туманом, сквозь который изредка проглядывало солнце. Сильво ехал впереди; только он мог безопасно провести их между предательскими трясинами и зыбучими песками. Блейд двигался сзади, и огромный бронзовый топор отдыхал на луке его седла.

Талин, закутавшись в малиновый плащ, молча ехала между ними. Блейд отметил, что девушка, превратив несколькими стежками подол своего платья в подобие шорт, теперь, казалось, не замечала, что ее загорелые ноги обнажены почти до бедер. Женщины оставались непостижимыми существами в любом времени и пространстве... даже в другом измерении. Что касается самого Блейда, то его муки в течение дня только росли. Ягодицы, опаленные огнем во время вчерашнего поединка, и терлись о деревянное седло, что не улучшало положение дел. Когда путники остановились, чтобы напоить лошадей, Блейд решил посоветоваться с Сильво.

Слуга приложил палец к носу, поморгал, затем подошел к лошадям. Блейд последовал за ним. Талин скрылась позади высокой стены тростника; по-видимому, у нее имелись свои причины для поисков уединения.

Впервые Блейд обратил внимание на то, сколь вместительные седельные мешки отягощают лошадь Сильво. Сделанные из грубой необработанной кожи, они были набиты так туго, что, казалось, стягивающие их ремни вот-вот лопнут. Блейд, наблюдавший, как Сильво роется в мешках, был сейчас облачен в новые штаны и рубаху, поверх которой его торс обтягивала легкая кольчуга в виде жилета – единственная добыча, которую он успел прихватить перед бегством из города.

– Я вижу, ты провел время в доме Хорсы с большей пользой, чем я, – сказал он слуге. – Мне едва удалось разыскать немного одежды. Ты долго там оставался?

– Не очень, хозяин, – ответил Сильво, продолжая шарить в мешке. – Но я опытен в таких делах, а ты – нет. Да, в этом вся разница. Человек вроде меня знает, что и где искать. Ну, а люди благородные в этом не разбираются.

Блейд погладил отрастающую бородку, скрывая улыбку.

– В кухне валялся покойник с перерезанным горлом. Мне, человеку благородному, об этом ничего не известно. А тебе?

Сильво вытащил небольшой пакет, завернутый в промасленную кожу и стянутый тонким ремешком.

– Ничего особенного, хозяин. Наверно, он служил при кухне, но почему-то сильно разволновался, когда я залез в дом. – Слуга отвел глаза в сторону и протянул Блейду пакет. – Здесь отличный бальзам, хозяин. Говорят, он обладает волшебной силой и приготовлен для Хорсы Огартон Карликом – тем самым, что выковал ему бронзовый топор. С твоего разрешения, я смажу тебя немного.

Тут Блейд заметил новый кошелек на поясе Сильво. Кошель был туго набит, и разведчик ткнул в него пальцем.

– Похоже, ты нашел еще кое-что? Такие маленькие штучки, что весят немного, но стоят дорого и легко помещаются в кошельке?

– Всего лишь безделушки, хозяин, дешевые безделушки. У Хорсы был вкус лагерной шлюхи. Ну, ладно. Мы будем лечить твои ожоги или нет?

Талин вышла на дорогу и встала около своей лошади, меряя грустным взглядом простиравшееся к северу болото. Мужчины, в свою очередь, исчезли в зарослях тростника.

Там Блейд нашел относительно сухое место, спустил штаны и улегся на живот. Сильво начал втирать в его обожженную плоть ароматную мазь.

– Да, хозяин, ты здорово подкоптился! Я бы такого не вынес...

– Хорсе досталось больше, – мрачно заметил Блейд. Он вспомнил, как заживо горевший альбиец стоял в пламени и все еще пытался сражаться. – Этот Хорса оказался настоящим мужчиной... Жаль, что ты не видел его конца.

Слуга не ответил и, повернув голову, Блейд посмотрел на него. Сильво ровным слоем накладывал мазь, а на его уродливом, покрытом шрамами лице появилось странное выражение глубокой задумчивости и какой-то отрешенности. Наконец он сказал:

– Да, хозяин, Хорса был сильным человеком. Но все-таки ты убил его; значит, оказался более доблестным воином. И тем не менее... знаешь, иногда я думаю о таких вещах...

Жжение в ягодицах исчезло. Блейд подавил зевок и потянулся. Он чувствовал себя еще усталым, но, видимо, отдых, покой и безопасность ждут его не раньше, чем он достигнет королевства Вота и вручит ему дочь. Только тогда он получит достаточно времени, чтобы спокойно поразмышлять над своей дальнейшей судьбой и жизнью здесь. Мысли эти все больше занимали его, поэтому он спросил без особого интереса:

– О каких же вещах ты думаешь, приятель?

Сильво добавил немного мази.

– Да вот об этих самых! Например, о втирании бальзама в твою задницу. Великолепная задница, согласен – и готов выразить свое восхищение, – но, в конце концов, всего лишь задница. У меня зад не такой упитанный, хотя и выглядит получше лица... однако по назначению он ничем не хуже твоего... я говорю серьезно, хозяин. Тогда же какая разница в нашем положении? Ты – господин, я – слуга, и по сути вещей, которая единственно имеет значение, зады у нас одинаковы... Вот о чем я думаю время от времени.

Блейд дружески ткнул его кулаком в бок.

– Думай об этом в свободные от службы часы. Надеюсь, Тунор не допустит, чтобы вместо слуги и оруженосца, я получил философа. Если ты болтал о таких вещах в Сарум Виде, то удивляюсь, как тебе удалось сохранить кожу. На той самой заднице... – Блейд встал и натянул штаны. – Благодарю, Сильво. Мне гораздо лучше.

– Хозяин...

Блейд повернулся, слегка раздраженный.

– Что? Опять философия?

– Нет. Вот это... – Сильво протянул ему тугой кошелек. – Я лгун, хозяин...

– Догадываюсь, – сказал Блейд, сохраняя невозмутимое выражение лица. – И что же дальше?

– Загляни в кошелек, хозяин... Понимаешь, большой соблазн для меня... Я всегда был беден, а тут вроде бы поймал удачу. Но ты хорошо обращался со мной... относился ко мне, как к равному, как к человеку! Я не могу тебе лгать. Возьми это, хозяин, и высеки меня.

Блейд вытряхнул содержимое кошелька на ладонь. Там было несколько монет, больших и маленьких, одни из бронзы, другие – железные. Среди них – небольшой кожаный мешочек, затянутый шнурком.

– Больше двадцати манкусов, – горестно сказал Сильво. – Хватит на три фермы, на лошадей и скот, на работников... их можно взять столько, что кулаки будут заняты весь день. И на жену хватит – если найду такую, что согласится пойти за меня.

Блейд ссыпал монеты обратно в кошелек и развязал мешочек. Там лежало двадцать жемчужин – ровных, округлых и черных, словно сердце дьявола. Он протянул ладонь к Сильво, чтобы тот рассмотрел их. Выглянуло солнце, и жемчужины замерцали, заискрились сумрачным блеском.

– Откуда это? – спросил пораженный Блейд. – Как оказалось у Хорсы такое сокровище?

Но Сильво, мельком взглянув на жемчуг, равнодушно пожал плечами.

– Я мало разбираюсь в таких вещах. Говорят, эти камни из моря находят на южном берегу Пролива... и вроде бы пираты ценят их превыше всего. Хорса, наверно, взял их на теле убитого врага... Хозяин, ты меня поколотишь?

Блейд сунул мешочек с жемчугом в свой пояс, а кошелек с монетами протянул Сильво.

– Я не буду тебя бить... Не могу высечь человека, который честно признал свою ошибку... хотя иногда ты заставляешь чесаться мои кулаки. В общем, так: деньги – тебе, жемчуг – мне. А теперь – в путь! Постараемся добраться до леса раньше, чем сядет солнце.

До заката оставался еще час, когда они выбрались из болота и оказались в лесу. Настроение Талин к этому времени снова изменилось, словно погода в апреле. Теперь она ехала рядом с Блейдом, слушая его рассказ о приключениях в Сарум Виле. Он не утаил ничего – даже матримониальную сделку, которую Альвис собиралась заключить с ним. В блестящих глазах Талин сверкнул гнев и она изрекла с мрачным удовлетворением:

– Итак, ты обманул ее, Блейд – и она, конечно, решит, что это связано с ее изуродованным лицом. Такое оскорбление нельзя простить, и ты скоро увидишь, на какие темные дела она способна... Молю Фриггу, чтобы Геторикс разгромил Ликанто и воткнул меч в злобное сердце Альвис – даже если при этом половина Сарум Вила будет лежать в развалинах.

Лицо Талин покраснелось; она продолжала поносить Альвис. и кое-какие ее выражения могли бы вогнать в краску даже Сильво. Наконец девушка немного успокоилась и с грустью покачала головой.

– Она провела меня как последнюю дурочку! Куда мне тягаться с ней в коварстве... тем более, что я была усталой, голодной и совсем потеряла осторожность. Она выслушала меня – а я говорила о тебе, Блейд, только хорошее... хвалила тебя... намного больше, чем ты заслуживаешь.

Разведчик серьезно кивнул.

– Благодарю, принцесса. Я знаю, ты желала мне добра.

Талин, бросив на него подозрительный взгляд, сказала:

– Я хотела уберечь тебя от опасности и вешила не противоречить ей ни в чем. Поэтому, когда она предложила мне свое снадобье, я выпила его... – лицо девушки исказила гримаса отвращения. – Как глупо я попалась! Ничего не помню с той минуты... пока ты не разбудил меня здесь.

Блейд посмотрел вперед. Болото кончалось; перед ними темнел лес. Его опушка была изрезана прогалинами топей, меж которых извивалась тропа, исчезающая среди высоких дубов, берез и толстых тисов, обвитых гирляндами лиан.

– Забудь про Альвис, – посоветовал он девушке. – Она найдет свою судьбу без нашей помощи. Сейчас ни ей, ни Ликанто до нас не добраться. Однако существуют и другие опасности. Тебе что-нибудь известно про эти места, Талин? Далеко ли отсюда до королевства Вота?

Девушка нахмурилась:

– Я никогда не ездила здесь и не знаю дороги. А твой приятель-простолудин? Он провел нас через болото – не сможет ли он сделать то же самое в лесу?

– Нет, я уже спрашивал его, – покачал головой Блейд. – Сильво жил около болот и сразу же заблудится в такой чаще. Однако у нас есть надежда, – добавил он энергично, стараясь подбодрить девушку. – Если появится солнце, я смогу найти дорогу на север.

– Друзы тоже разбираются в таких вещах, – пробормотала Талин. Она искоса взглянула на Блейда, и он догадался, о чем думает принцесса. Ему самому сцена на поляне в дубовой роще уже казалась далеким сном, и лишь одно воспоминание оставалось по-прежнему ярким и манящим – лицо и тело женщины по имени Друзилла. Друзилла! Друзы? Странно, что он не заметил раньше этого сходства. Но какая разница – его видение было только фантазией

утомленного мозга, всплывшей из подсознания.

– Друзы, – сказала Талин, – умеют определять направление по звездам и мху, растущему на стволах деревьев. Они могут...

– Забудь о друзьях, – резко велел Блейд. – До них еще дальше, чем до Альвис. Сейчас меня больше интересует, что Сильво сунет в свой горшок на привале... я умираю от голода.

Талин рассмеялась.

– Я тоже! Кажется, нам с тобой, Блейд, суждено скитаться вечно голодными. Если твой пройдоха сумеет нас накормить, я, наверно, прощу ему несносную болтовню.

Когда путники добрались до подходящей сухой лужайки, Блейд объявил привал. Срезав несколько лиан для силков, Сильво отправился на поиски зайца или пары куропаток. В лесу им дважды попадались олени, но топор Блейда мало подходил для охоты, а у Сильво остался только нож.

С помощью кремня и железного кресала, которые ему дал слуга, Блейд разжег костер. Сумерки сгущались; Талин устроилась у маленького костерка, грея пальцы, лошади, пофыркивая, паслись под деревьями. Внезапно Блейду послышался какой-то звук в лесу. Схватив топор, он подошел к краю лужайки и замер, всматриваясь в лесной полумрак.

Талин испуганно вскочила и бросилась к нему.

– В чем дело, Блейд? Твой слуга не возвращается так долго... разве тяжело изловить зайца?

Он закрыл ладонью рот девушки и приблизил губы к ее уху. Аромат шипра исчез; теперь от Талин пахло только сладостью девичьей плоти.

– Стой здесь и не шуми, – сказал он. – Я хочу поискать Сильво.

– Нет! Я не останусь здесь одна! Я пойду с тобой!

– Тогда води себя потише и не слишком приближайся ко мне. Если появится опасность, мне нужно место, чтобы размахнуться топором.

Но ему не пришлось воспользоваться Айскалпом. Не успели они с Талин пройти и пятидесяти ярдов по узкой тропе меж деревьев, как сверху упали прочные сети и накрыли их, словно двух беспечных куропаток. Раздались громкие крики и с ветвей вниз посыпались люди.

Опутанный сетью, Блейд не мог освободить руки и топор. Он услышал, как закричала Талин: «Это люди Беаты! Мы попались!» – и решил, что будет биться до последнего. Испустив устрашающий рев, он наклонился и бросился головой вперед, сшибая нападавших с ног. Несколько человек уцепились за сеть, натянули ее, но Блейду удалось просунуть наружу руки. Он начал работать кулаками, сталкивая лбами противников, но в конце концов, зажав под мышками шеи двух полузадушенных врагов, рухнул под тяжестью дюжины тел. Он сумел подмять под себя еще троих и продолжал молотить их кулаками и коленями, когда тупой конец копья обрушился на его голову.

Погружаясь во мрак беспамятства, он услышал чей-то крик:

– Не убивайте этого великана! Королева Беата хочет его живым!

Глава 8

Блейд очнулся в подземной темнице. Потолок ее покрывала плесень, на склизком полу валялась солома, в которой копошились какие-то мерзкие твари. Слабо чадивший фитиль, засунутый в кружку с рыбьим жиром, являлся единственным источником света. Руки и ноги разведчика были скованы цепью, пропущенной в железное кольцо в стене, тело невыносимо чесалось, затылок разламывался от боли. На какой-то миг самообладание покинуло его; бормоча проклятья, он начал яростно дергать цепь, словно надеялся разорвать глухо загремевшие железные звенья.

– Бесплезно, хозяин, – донесся из темного угла знакомый голос. – Мы крепко попались. Госпожа Альвис – само милосердие и кротость по сравнению с королевой Беатой. – Послышался лязг цепей – очевидно, Сильво устраивался поудобнее. – Я долго

размышлял, хозяин, и пришел к мысли, что нас ждут большие неприятности.

Блейд успокоился. Дисциплина и самоконтроль, результат многолетних тренировок, взяли свое. Он попытался разглядеть что-нибудь в куче грязной соломы, наваленной в углу.

– Как принцесса? Что с ней?

– Пока она в безопасности, хозяин. Насколько я успел заметить, ее пальцем не тронули. Беата надеется взять за малышку хорошие деньги от Вота, а, значит, мы снова в исходной позиции. Вернее, благородная принцесса. Что касается нас, – цепь коротко звякнула, словно Сильво пожал плечами в темноте, – то тут другой вопрос. И мне даже страшно его задавать.

Блейд спокойно проверял прочность цепи; его огромные мышцы напряглись, потом он резко выдохнул воздух. Цепи выдержали.

– Прибодрись, – бросил он Сильво. – Я что-нибудь придумаю. Мы выкрутимся, парень.

Правда, он не имел понятия, как это сделать.

В голосе Сильво прозвучала надежда:

– Конечно, ты придумаешь, хозяин. Я совсем забыл – ведь ты колдун.

Блейд еще раз проверил цепь, звено за звеном, и мрачно нахмурился. Чтобы вызволить их из беды требовалось что-нибудь посолидней – хороший напильник, к примеру, и взвод морской пехоты. Пока что он решил расспросить Сильво; профессиональная тяга к любой полезной информации, которая могла бы стать основой плана действий, была для него почти безусловным рефлексом.

– Что это за место? Как мы попали сюда?

– Огромный замок, Крэгхед – Скалистая Вершина. Стоит на берегу Западного моря... – Сильво почесался. – Ну, а как мы сюда попали? Я добрался на своих двоих, госпожа Талин – на лошади, а тебя тащили на носилках, как следует накачав сонным зельем, чтоб не буянил. Ты здорово напугал людей Беаты, хозяин.

Блейд поморщился и коснулся пальцами затылка. Он припомнил, что его ударили по голове, и сейчас под волосами прощупывалась шишка, липкая от крови.

– Они развесили сети на деревьях, – подумал он вслух, – и точно в том месте, где мы достигли леса... и в нужное время. Странно!

– Да, хозяин. Я тоже удивляюсь. Меня поймали, словно карася в невод, и заткнули рот. Я пискнуть не успел? Но нетрудно догадаться, кто им поворожил – наверняка, госпожа Альвис передала словечко Беате. Они действуют заодно. Король Ликанто такого бы не сделал; он враждует с Беатой.

Да, похоже, Сильво прав. Весьма вероятно, Альвис, интриганка по натуре, никогда не отказалась бы от мести. Особенно мужчине, который пренебрег ею! А Талин она просто ненавидела – за молодость и красоту. В паутине госпожи Альвис могло оказаться много ниточек – в том числе, и та, что вела в замок Беаты на берегу Западного моря... Ладно, сейчас это неважно, решил Блейд; сейчас нужно думать о том, что может пригодиться в данный момент.

– Расскажи мне о королеве Беате, Сильво. Что она за женщина?

Косоглазого слугу не надо было тянуть за язык и, слушая его, разведчик почувствовал, как по его спине начали бегать мурашки. Теперь он не сомневался ни в одном слове; подобные вещи и в самом деле существовали в этом странном мире, куда забросила его машина Лейтона. История, рассказанная Сильво, была правдивой – и такой же реальной, как жизнь или смерть.

– Это все, что я знаю, – закончил слуга. – Говорят, она ведьма и блудница, которая делит постель и с мужчинами, и с женщинами. Даже с детьми – она убивает их потом, чтобы они ничего не могли разболтать. Я видел, как жестоко она калечит своих людей. У многих мужчин не хватает уха, левого; у женщин вырезана грудь... На внешней стене замка подвешены на крюках люди – мне сказали, что это стражники, от которых сбежала госпожа Талин. Один еще корчился, бедняга.

– Сколько ей лет?

Цепи снова лязгнули.

– Кто знает... Некоторые говорят – пятьдесят, другие пятьсот. Все может быть, коли она такая ведьма. И об этом тоже поговаривают. Утверждают, что она очень красива, но никому не позволено подходить к ней ближе пяти шагов... так что ее красота может оказаться поддельной. Женщины знают много уловок, тем более ведьмы, и...

Люк в потолке с грохотом открылся и сверху на них угрюмо уставилось заросшее бородой лицо.

– Ты, который Ричард Блейд... тебя требует королева, немедленно. Смотри, без фокусов... а то враз приколем к стене!

В темницу спустили лестницу, и через минуту тесное помещение заполнили вооруженные люди. Они носили такие же просторные штаны с гетрами, как и воины Ликанто, но куртки их, с железными накладными пластинами, были длиннее и толще, а неглубокие шлемы, украшенные фигуркой единорога, оставляли открытыми лицо и шею. Похоже, ни один из них не сохранил в целости левого уха.

Солдаты разомкнули цепь и двое подтолкнули Блейда к лестнице. Сильво, пользуясь моментом, заныл:

– Дайте мне воды! И поесть чего-нибудь! Неужели вы допустите, чтобы человек умер от голода и жажды? Тут грязно и полно крыс... и сыро... самая паршивая, вонючая каталажка, какую я видел...

Солдаты грубо захохотали. Один подошел к Сильво и пинком ноги заставил его умолкнуть.

– Готов поверить, – сказал он, – что ты понимаешь толк в каталажках. А теперь закрой рот, косоглазый ублюдок – проживешь дольше.

Блейд полез вверх. Ни один из солдат не приближался к нему, но копья они держали наготове. Миновав люк, он услышал снизу вопль Сильво:

– Держись веселей, хозяин, и помни, что ты – колдун!

Замок Крэгхед был весьма обширен. Блейда вели по бесконечным коридорам, застеленным тростником и тускло освещенных закрепленными на стенах факелами. Он поднимался по каменным лестницам, ступени которых казались истертыми за столетия, проходил по крепостным стенам, улавливая запах соли и вслушиваясь в грохот прибоя. Было темно, на небе – ни луны, ни звезд; над морем, у подножия бастионов и стен, клубился белесый туман.

Наконец они достигли огромной круглой башни, венчавшей цитадель. Еще несколько лестничных маршей – и Блейда втолкнули в просторную комнату, хлопнув за ним обитую железом дверь. Он услышал, как лязгнул тяжелый засов и остался в одиночестве.

Нет, не так! Он почувствовал это, едва переступил порог, однако не выдал своей догадки. Спокойно осмотрев комнату, разведчик невозмутимо направился к проему, который вел в следующее помещение. Что ж, если королева Беата желает поиграть в жмурки, он не возражает. То, что их с Сильво не вздернули сразу же на крюк, казалось ему добрым знаком.

Перед ним развернулась анфилада пышно меблированных комнат. Ничего подобного он не видел в Сарум Виле, напоминавшем грязную деревню среди болот. Здесь на гладком каменном полу лежали шкуры; одна из них – медвежья, чудовищной величины. Небольшие диваны обтягивали тонко выделанные кожи. Цветные ткани и кожаная драпировка скрывали стены, окон ему обнаружить не удалось. В комнатах было тепло и, приложив руку к полу, Блейд выяснил, что каменные плиты слегка нагреты – по-видимому, под ними проходили трубы, через которые поступал горячий воздух. В углу одной из комнат он увидел большой стол, заставленный тарелками с едой и белым хлебом – таких отлично приготовленных блюд и изящной сервировки он тоже не встречал во дворце Ликанто. Кубки, бронзовые и оловянные, были полны вином и пивом. Блейд с жадностью набросился на пищу, но выпил немного; он чувствовал, что должен сохранить голову ясной.

Незаметно, исподволь он осмотрел драпировку – в этой комнате она была выполнена из кожи с богатым золотым тиснением. Прихотливые узоры складывались в непонятные

письмена; панно против входа изображало единорога, вставшего на дыбы, с вытянутой шеей и черным блестящим зрачком. Когда Блейд с напускным безразличием бросил взгляд на это золотистое геральдическое чудовище Крэгхеда, ему показалось, что глаз моргнул. Показалось? Нет, он, без сомнения, видел это! Итак, за ним следили – скорее всего, сама королева.

Поднявшись, он подошел к панно и отсалютовал единорогу бараньей ногой, зажатой в кулаке:

– Благодарю за превосходный ужин, милостивая королева. Могу я попросить, чтобы моему слуге, который терпит тяжкие муки голода в твоей темнице, тоже бросили пару костей?

Глаз замерцал. Затем послышался приглушенный смех и раздался голос, звучное и глубокое контральто почти мужского тембра.

– Мне сказали правду, Блейд... Нищий и бездомный бродяга, не страдающий, однако, излишней скромностью. Да, Альвис не солгала! Лицо и фигура превосходны – она описала все верно. Скажи мне, чужак, ты действительно такой brave мужчина, каким выглядишь? Отвечай честно; предупреждаю, от этого зависит твоя жизнь.

Голос ее был ровным и холодным, как дыхание северного ветра; и от него мурашки снова побежали по спине Блейда. Он не знал, что ждет его, но понимал – ему готовят очередное испытание.

Отвесив изысканный поклон в сторону золотистого единорога, он произнес:

– Возможно, сейчас меня трудно отличить от бродяги, ваше величество, но в остальном вы не правы: я – человек скромный. И я – мужчина, готов побиться об заклад с самим Тунором! Что касается моих мужских достоинств... боюсь, леди, их трудно оценить, пока я не встречу лицом к лицу с достойным противником – на ристалище или в постели.

Снова приглушенный смех.

– Ты играешь словами подобно друзьям! И мне это не нравится. Но в других отношениях ты мне подходишь. Что ж, ты получишь шанс показать себя. Готовься! Я подвергну тебя испытанию – самому сладчайшему из всех возможных; и если ты выиграешь, попытайся убедить меня в том, что твоя жизнь представляет некоторую ценность.

Блейд выпрямился и, сложив руки на груди, уставился прямо в темный глаз единорога.

– А как насчет жизни моего слуги? И принцессы Талин? Ты отпустишь ее к отцу?

Молчание. Затем снова раздался голос – холодный как туман, окутывавший башни Крэгхеда.

– Ты зашел слишком далеко, Блейд. Немного наглости – что ж, это мне даже нравится... хорошая приправа к блюду. Но ты смеешь торговаться со мной! Не слишком ли рано?

Он должен продолжать так, как начал, понял разведчик; теперь его могла спасти только смелость. И, не опуская глаз, он ответил не менее холодным тоном:

– Я всего лишь задал вопрос, госпожа. Разве мужчина не должен заботиться о своих друзьях?

– Довольно! Первым делом ты должен подготовиться к встрече со мной... сейчас этим займутся. А ты тем временем подумай немного. Поразмышляй, чужак! И поучись сдерживать свой язык!

Глаз исчез.

Легкая кожаная портьера на противоположной стене заколыхалась, словно за ней открыли невидимую дверь, и в комнату вошли четыре юные девушки. Полупрозрачные шаровары, скрепленные янтарной застежкой на поясе, были их единственной одеждой. Блейд поднял голову. Коротко обстриженные волосы, круглые шрамы, розовеющие на месте левой груди – зловещая награда за службу королеве... Его поразило, как люди, мужчины и женщины, покоряются такой жестокости; на миг из глубин его памяти всплыло видение иной жизни, иного мира, в котором подобным вещам не было места. Но и тот мир, промелькнувший словно туманный мираж, был не слишком хорош – насколько он мог

припомнить.

Если не считать шрамов на месте груди, девушки казались молодыми и прелестными; они действовали быстро, сноровисто и в полном молчании, не подымая глаз на Блейда и не переговариваясь друг с другом. Он догадался о причине такой сдержанности и, на глазах застывших в ужасе подруг, осторожно обнял стройную блондинку, заставив ее раскрыть рот. Язык у девушки был отрезан.

Служанки наполнили большой бронзовый чан теплой водой и вымыли его. Затем Блейда вытерли льняным полотенцем, надушили шипром и обрядили в шафранового цвета штаны и длинную тунику; на ноги ему одели сандалии из мягкой кожи. Бородка его была подрезана и расчесана, густые темные волосы приведены в порядок.

Когда они закончили, и разведчику было разрешено увидеть результат их усилий в зеркале из полированной бронзы, лицо его перекосила гримаса отвращения. Однако в этой игре вела Беата, и ему приходилось подчиняться ее правилам. К этому времени он уже ясно понимал, что за игры ему предстоят, и был полон решимости добиться победы. В своей прошлой жизни, в земном измерении, Блейд редко упускал возможность получить удовольствие, и его не пугала предстоящая встреча. Он имел достаточно пылкости и силы, чтобы усмирить мегеру, подобную Альвис, или капризную девицу вроде принцессы Талии. Правда, ведьмы пятисот лет от роду ему пока не попадались.

Девушки ушли, и теперь Блейд в одиночестве мерил комнату широкими шагами; жесткая усмешка застыла на его лице. Он даст этой кровожадной потаскушке немного больше, чем она ждет – столько, чтобы обеспечить себе безопасное будущее. Он знал лучше большинства мужчин то, что известно от рождения каждой женщине: секс – могучее оружие.

Ему почудился шорох за прикрывавшим вход занавесом. Блейд, небрежно развалившись на диване, поднял безразличный взгляд к потолку. Пусть эта ведьма приходит. Он готов ее встретить!

Занавес раздвинулся, и королева Беата шагнула в комнату. Простое черное платье облегло ее гибкое тело. Хотя это одеяние, подпоясанное красным шнурком, было непрозрачным, оно не скрывало ничего, обтягивая, подобно черной маслянистой пленке, налитые груди, ягодицы и бедра женщины. Лицо Беаты, с алым мазком рта и изящным носом с горбинкой, поражало бледностью; ее темные, с серебряными нитями волосы были уложены в прическу столь сложную и затейливую, что у Блейда невольно мелькнула мысль о парике.

Раньше комната освещалась дюжиной больших свечей; служанки, покидая ее, оставили только одну. В полумраке, который едва рассеивал крохотный язычок пламени, королева приблизилась к нему. Блейд встал и отвесил короткий, полный достоинства поклон. Безошибочный инстинкт опытного мужчины подсказывал ему, что в данной ситуации раболепие вряд ли будет уместно.

– Ваше величество, вы прекрасны.

В определенном смысле это являлось истиной. Королева была немолода – даже при тусклом свете свечи Блейд разглядел паутинку морщинок у рта и складки кожи на шее – однако эта женщина обладала красотой. Или по крайней мере, ее остатками. Впрочем, в его положении не приходилось выбирать.

Некоторое время Беата молча разглядывала его. Миндалевидные черные глаза сверкнули меж сужившихся век, тронутых голубым. Она изучила каждый дюйм его тела, прежде чем раскрыть рот.

– Ты должен приблизиться ко мне на коленях, Блейд. Таков здесь обычай – для тех, кто ищет моих милостей.

Разведчику пришлось в голову, что он не претендует на милости королевы – скорее, ему их навязывают. Однако он подчинился и, встав на колени, со всей возможной в таком положении грацией направился к женщине.

Внезапно одним гибким движением Беата сбросила пояс и распахнула платье. Подняв глаза вверх, Блейд убедился, что тело ее было лет на двадцать моложе лица. Грудь – твердые розоватые чаши; плоский живот без складок; бедра – гладкие и стройные, как у юной

девушки. От нее исходил густой насыщенный аромат, в котором смешивались запахи женского тела и неизменного шипра.

– Ну что же, неплохо, – сказала Беата, и голос ее, холодный и насмешливый, слегка дрогнул от возбуждения. Интересно, подумал Блейд, что приносит ей больше удовольствия – прикончить мужчину, подвесив его на крюк за ребро, или переспать с ним? Вероятно, и то, и другое...

– Ты подчинился обычаю и поэтому проживешь немного дольше. Признаюсь, я рада этому; до сегодняшней ночи я никогда не видела таких мужчин. Теперь, Блейд, иди на ложе и докажи мне, что ты – настоящий мужчина, а не штаны с рубахой, начиненные бесполезным для женщины мясом.

Она заставила его лечь так, как ей хотелось. Затем начала неторопливо разоблачать Блейда, исследуя губами и пальцами каждый дюйм его обнаженного тела. Черное платье еще прикрывало плечи королевы подобно мантии; разведчик протянул руку и коснулся ее груди, но она шлепнула по его ладони.

– Здесь я решаю, Блейд, когда наступит время для этого! Ты должен повиноваться – вот все, что от тебя нужно. Повинуйся и будь готов, когда понадобится мне.

Блейд, который в этот момент был уже совершенно готов, подумал, что королева несколько запоздала со своим приказом. Ситуация показалась бы ему забавной, если б он мог забыть хотя бы на секунду о суровой реальности. Его жизнь, жизнь Сильво и, возможно, малышки Талин зависела от его способности удовлетворить эту женщину. Он ощутил мгновенный, почти панический страх; напряжение, давление обстоятельств сами по себе могли служить источником неудачи. Он отбросил эту мысль. Было бы нелепо погибнуть по такой причине.

Королева пожелала занять доминирующую позицию. Она продолжала гладить его, не позволяя говорить, каждый раз жадно целуя его губы, дразня их острым, настойчивым языком, в то время как руки ее блуждали по сильному телу мужчины. Она ласкала его кожу, затем принялась покусывать и сосать грудь; казалось, она подобно вампиру, не могла насытиться его плотью. Наконец, прекратив ласки, Беата оседлала его и позволили войти. Через минуту она испустила стон – первый звук страсти, который слетел с ее уст, – и, слившись с Блейдом, начала двигаться с ним в едином мерном ритме.

Заметив, как исказилось ее лицо, судорожно искривился рот, обезумели глаза и натянулись жилки на шее, Блейд понял, что перед ним немолодая женщина. Но сейчас это не имело значения.

Она начала говорить; слова слетали с дрожащих губ женщины, пока тело ее совершало путь к заключительному пароксизму страсти.

– Ты – делаешь – это – хорошо – Блейд! Очень хорошо! Нет! Молчи. Только я говорю! Ах, Фригга, сладчайшая... ты делаешь это хорошо! Не останавливайся... Никогда не останавливайся, пока я не прикажу... или ты умрешь на рассвете... Многие давали мне удовольствие в начале... но не могли продолжить и поэтому умирали... А-а-ах, Блейд, Блейд! Клянусь Фриггой, я теряю сознание!

Королева затрепетала в экстазе, выгибая назад спину; затем рухнула на него и прошептала:

– Блейд, это прекрасно... Ты можешь продолжать?..

Его дыхание было бурным; он не мог говорить и лишь кивнул головой. Несколько раз он был на грани кульминации и сдерживался огромным усилием воли. Прелестный случай, с горечью подумалось ему: жизнь мужчины зависит от его способности продолжать.

Беата наклонилась, и тяжелые груди коснулись губ Блейда.

– Теперь ласкай меня, Блейд... скоро я снова захочу тебя. Но за первую и столь прекрасную службу я окажу тебе любую небольшую милость, которой ты попросишь.

Сейчас, когда женщина лежала на его груди с закрытыми глазами и поблекшим лицом, Блейд разглядел, как сильно она была накрашена. Парик слегка сдвинулся, но в слабом пламени свечи он не мог разобрать цвета волос под ним.

– Ты получила большое удовольствие, – сказал Блейд дерзко, – и предлагаешь одарить меня маленькой милостью. Достойно ли это великой королевы?

Накрашенные голубым веки дрогнули.

– Ты наглец, Блейд, и все еще не понял своего положения. Конечно, ты крепкий жеребец... такой мне ни разу еще не попадался... Но учти – это не повод, чтобы рассчитывать на мое особое благоволение! Ты жив еще, человек! Жив! Но, кажется, не слишком благодарен мне за это.

Блейд понял, что необходимо проявлять осторожность; однако он по-прежнему считал, что только смелость является ключом к успеху.

– Только маленькие люди довольствуются малыми вещами, – произнес он. – Я – не ничтожество, и я не приму подачек. Мне нужна жизнь моего слуги и безопасность принцессы Талин.

С закрытыми глазами она провела по его щеке кончиками пальцев. Ногти были длинные, голубого цвета.

– Ты доставил мне удовольствие, Блейд... Может быть, Фригга снизошла к моим мольбам, послав мне наконец настоящего мужчину... Но как я могу быть уверена? Чтобы судить об этом, надо совершить долгое путешествие, а не короткую прогулку. И тут есть вещи, которых ты не понимаешь: если я буду жестокой, без жалости в сердце, я не смогу править в Крэгхеде. Таковы все мои люди, и они ждут, что я буду такой же. Стоит мне проявить слабость – и я погибла. Поэтому, Блейд, я не могу обещать то, что ты просишь. Все сразу – не могу. Однако ты получишь шанс. Используй его, если у тебя хватит мужества.

Когда он попытался расспросить ее, то получил приказ замолчать, Губы Беаты коснулись его губ, потом язык и чуткие пальцы опять начали блуждать по его телу. Блейд лежал, ожидая, пока женщину снова не охватило возбуждение; она страстно прижалась к нему. Так продолжалось раз за разом. Она требовала, чтобы он соединялся с ней в таких немыслимых позах, которые он, несмотря на свой весьма богатый опыт, не мог даже вообразить. Наконец, сложив вдвое свой красный пояс, она легонько хлестнула его по груди и позволила опрокинуть себя на спину; впервые за эту ночь ему разрешилось взять инициативу в свои руки.

Блейд забыл об усталости и набросился на женщину словно дикий зверь. Около часа он мучил ее; извиваясь под его сильным телом, Беата слабо вскрикивала и требовала еще, не давая ему передышки. Блейд чувствовал, что его охватывает безумие. Терзать ее чрево, причинить ей боль, пытаться жестоко, до крови – вот что стало в этот момент целью его жизни.

Ее гибкое тело, молодое и старое одновременно, покрылось испариной. Блейд снова вошел, глубоко, сильно. Это была такая вершина эроса, какой он не мог представить раньше; ему казалось, что никогда не познает ее снова, не захочет познать. Но сейчас он был всего лишь хищным, бесчувственным животным – таким же, как стонавшая под ним самка.

В редкие моменты просветления, глядя в искаженное лицо Беаты, он видел, что у нее вставные зубы, искусно выточенные из кости. Упавший на пол парик обнажил жалкую поросль коротко остриженных пепельных волос, покрывавших ее голову.

Наконец случилось то, чего он добивался с таким неистовством – она запросила пощады. Тело женщины изогнулось, раздался пронзительный вопль, и она обмякла в его объятиях. Потом дрожащие руки оттолкнули Блейда.

– Иди... Уходи немедленно... – Ее глаза оставались закрытыми. – Я не желаю смотреть на тебя сейчас, когда наступило пресыщение. Я знаю, что в такой момент могу... Иди, быстро! Будь ты обычным человеком, я велела бы убить тебя. Уходи, Блейд... быстро! О тебе позаботятся.

Он стоял над ней, сдерживая подкатившую к горлу тошноту. Его ноги подрагивали от слабости; чувство отвращения к самому себе пронизало его. Парик королевы валялся на полу, и в слабом свете гаснущей свечи Беата казалась старой ведьмой с лысым черепом и раскрашенной маской вместо лица.

И все же он рискнул:

– Но мой человек? И принцесса Талин? Будет ли эта ночь платой за их безопасность?

Ее лицо, усталое, сонное, слегка дрогнуло, и он расслышал шепот:

– Я не могу обещать тебе это, Блейд... Мои люди жаждут зрелища... крови и развлечений... Так я властвую над ними... Но в эту ночь ты заработал право на попытку. И тебе будет дана возможность спасти их и себя. Только это я могу обещать... Теперь иди – прежде, чем я забуду, какое наслаждение ты мне подарил, и прикажу убить тебя!

За занавесом послышался шорох, и две юные девушки скользнули в комнату. Одна из них подняла с пола черное одеяние и набросила его на спящую королеву. Затем, не глядя Блейду в лицо, они проводили его в коридор и передали вооруженным людям.

Блейд не вернулся в темницу, где ждал Сильво – если тот был еще жив. Его отвели в большую камеру, вырубленную прямо в скале. Охапка шкур, брошенных в углу, заменяла постель, на столе были приготовлены еда и питье. Стража оставила его тут; потом разведчик услышал, как лязгнул, задвигаясь, огромный засов.

Узкое окно камеры выходило на море. Блейд, усталый до изнеможения, бросил взгляд через решетку, пытаясь угадать, что несет следующий день. Он уже наступил – серый, сырой, и туманный, простирающийся бледный свет над прибором, что стонал внизу, словно толпа потерянных душ. Замок пробуждался от сна, наполнялся живыми звуками – шорохами шагов, звоном оружия, протяжными криками сменяющегося караула.

Он думал о Талин, о том, какая судьба ждет его маленькую принцессу. Вряд ли ее убьют, если Беата хочет получить за нее выкуп от Вота Северного; однако полной уверенности в этом не было. Король Вот и Беата – родные брат и сестра, а Блейд знал, какая ненависть может пылать между кровными родичами.

Со слабой улыбкой он отвернулся от окна; он не желал Талин плохого. Она была всего лишь капризным ребенком – правда, не таким уж ребенком, поскольку не раз уже ввергала в искушение его плоть, – и он был бы рад увидеть ее снова. В планах Блейда девушка играла большую роль. Он тоже собирался получить за Талин выкуп – и не меньший, чем королева Беата. Если ему удастся доставить девчонку к отцу, он сможет надеяться на его расположение и, следовательно, на определенный статус в этом новом мире. В мире, где он должен теперь жить... И он будет жить! Блейд поклялся в этом.

Затем, как человек практичный, он решил, что должен отдохнуть перед новыми испытаниями, которые готовит грядущий день. С этой мыслью Блейд улегся на кучу мягких шкур и через минуту уже спал.

Глава 9

Королева Беата не обманула своего нового возлюбленного: Блейд получил свой шанс. Правда, он оказался близок к нулю. Разведчика снова ждал поединок, и на этот раз – более серьезный, чем в Сарум Виде, хотя у его противников не было ни мечей, ни секир, ни копий. Они в этом не нуждались.

Перед схваткой Блейд получил возможность обменяться парой слов с Сильво и Талин. Их привязали к столбам в огромном внутреннем дворе Крэгхеда, где собралась распаленная, жаждущая крови толпа подданных Беаты. Королева была щедра; кроме зрелища, придворных и челядь ожидали столы, заставленные блюдами с мясом и кувшинами с пивом и вином. День выдался сырой и мрачный, холодный туман с моря окутал замок Скалистой Вершины, скрадывая звуки.

Но никакой туман не мог заглушить злобный рык голодных медведей, метавшихся в клетке.

– Тунор сохрани нас! – пробормотал Сильво. Впервые Блейд заметил в его голосе неприкрытый ужас. Его слуга был привязан к столбу прочной веревкой; уродливый и страшный, в одежде, осыпанной гнилой соломой, перепачканной нечистотами, он походил на уличенного в преступлениях висельника. Даже сам Блейд не стал бы этого отрицать; что касается зрителей, осыпавших Сильво насмешками, то косоглазый явно не вызывал у них

симпатий. Страх, однако, не заставил слугу потерять голову и его черные глазки возбужденно блеснули, когда он шептал Блейду свои советы.

– Я знаю, хозяин, если Тунор спасет нас, то лишь с твоей помощью. Так что слушай хорошенько... слушай... – он едва не заикался от возбуждения. – Вся надежда на то, что ты быстро свалишь одного медведя. Понимаешь – сразу же! Тогда другие могут заняться свежатиной... они, знаешь ли, охотно поедают друг друга... Ты выиграешь время! А время, хозяин, тебе пригодится. Ты видишь, как расставлены столбы? Эта ведьма, Беата, да поразит копьё Тунора ее злое сердце, устроила тебе нелегкий выбор!

Да, так оно и было – столбы вкопали на расстоянии пятидесяти футов один от другого, и Блейд мог защищать только один из них. Ему предстояло сделать выбор между Сильво и принцессой Талин.

Помахивая своей тяжелой сверкающей секирой, разведчик выслушал Сильво и бросил взгляд на королеву Беату, восседавшую на резном деревянном троне под темно-красным балдахинном. Замысел ее казался очевидным. Блейд знал, что королева не собирается приносить в жертву Талин, чтобы потешить толпу. С другой стороны, смерть ничтожного слуги не имела никакого значения и могла развлечь обитателей Крэгхеда. Он также заметил, что около каждого столба за массивными деревянными барьерами находятся несколько лучников; как раз в этот момент один из капитанов королевы давал им какие-то указания. Блейд без труда мог догадаться о содержании этих инструкций, угадать их. Ему был предоставлен шанс спасти свою жизнь, жизни Сильво и Талин от медвежьих клыков. Если он справится с этим делом на сто процентов – прекрасно; зрители получают удовольствие, а единственной потерей будут три медведя. Однако он мог не успеть. Тогда, как считала Беата, Блейд станет защищать Талин, предоставив медведям разорвать Сильво на клочки. Толпа насладится кровавым спектаклем, а королева велит прекратить побоище, чтобы сохранить двух наиболее ценных пленников: Блейда – для себя, Талин – ради выкупа или иных выгод, которые удастся выжать из ненавистного брата,

Итак, лучники являлись страховкой – на тот случай, если что-нибудь пойдет не так. Блейд жестко усмехнулся. Он был готов биться об заклад на любое из двух лезвий своего Айскалпа, вновь возвращенного ему, что верно рассчитал ход событий. Похлопав Сильво по плечу, он произнес несколько слов, чтобы подбодрить его; но они оба знали – если дело дойдет до выбора, Блейд будет защищать девушку и предоставит слугу покровительству Тунора.

Сильво понимал это. Он подмигнул Блейду и шепнул:

– Уверен, ты сделаешь все возможное, хозяин, однако я – ничтожество и мразь по сравнению с госпожой. И тебе, и мне это понятно. Но ради печени Тунора не забывай, что ты – колдун... и постарайся использовать всю свою мудрость.

Снова хлопав слугу по плечу, Блейд отвернулся. Что он мог ответить? Повернувшись, он направился к столбу Талин. Толпа приумолкла, потом раздалось приглушенное многоголосое бормотание. Эти люди не видели прежде такого могучего воина и как будто понимали, что вряд ли когда-нибудь еще встретят подобного человека.

Блейд шагал с уверенным видом и даже тени сомнения не отражалось на его лице. Вид его был грозным; толпа почтительно приумолкла, когда, подняв огромный топор над головой, он описал им круг, и острые бронзовые лезвия засверкали в тусклом дневном свете. Темная борода покрывала щеки разведчика, свои длинные волосы он спрятал под головной повязкой, выпрошенной у охранников. Он сбросил рубаху, и мощные мышцы груди и плеч плавно перекачивались под смуглой кожей; сандалии он тоже снял – босые ноги меньше скользили по влажной почве.

Внезапно медведи, метавшиеся в клетках около трона Беаты, оглушительно взревели, словно почуяв своего противника; они рвались на волю, царапая прутья двухдвоймовыми когтями. От них тянуло смрадным звериным запахом.

Талин, связанная по рукам и ногам, держалась гордо: голова высоко поднята, в карих глазах сверкает вызов. Ее туника, разорванная до пояса, оставляла нагими небольшие груди;

эти холмики прелестной девичьей плоти воинственно выдавались вперед – так же, как и твердый маленький подбородок. Холод превратил ее соски в крохотные окаменевшие вишни.

Хотя ее упрямство и капризы иногда доводили Блейда до бешенства, сейчас он не мог не отдать должное ее выдержке. Да, ее приводили в ужас друсы и пугали темные тени, скользившие в лесу, но перед лицом такой близкой и ужасной смерти она не дрогнула. Или, быть может, она разгадала план Беаты?

Нет, маленькая принцесса ни о чем не догадывалась – это стало ясно после первых же ее слов.

– Эта шлюха желает моей смерти, Блейд! Ты ей нужен для грязных постельных игр! Пусть так, но ты отомсти ей! Отомсти! Прошу тебя, Блейд! Нет... умоляю! Отомсти за меня!

Блейд остановился в нескольких шагах от девушки. Беата наблюдала за ними, и ему казалось неблагоразумным слишком явно демонстрировать свое сочувствие. Он бросил Талин многозначительный взгляд и произнес:

– Ты храбрая девушка, принцесса. Держись, а я сделаю все, что смогу. Думаю, тебе не грозит опасность. И ты, и я нужны Беате, а вот бедный Сильво по-настоящему рискует жизнью – ему назначено стать жертвой... Понимаешь?

Талин в раздумье свела брови; ее блестящие карие глаза спокойно и внимательно смотрели на разведчика. Наконец она слегка кивнула головой:

– Спаси своего слугу, Блейд. Конечно, он паршивый воришка, по которому давно скучает виселица, однако он твой человек, и ты за него отвечаешь перед Фригтой и Тунором. – Лицо Талин вдруг осунулось и побледнело, но она продолжала: – Думаю, что ты ошибаешься насчет меня... Беата давно готовит мне гибель. Я не дурочка, Блейд, и не ребенок, как ты считаешь; я могу видеть вещи такими, какие они есть. И я приказываю тебе: если придется выбирать одного из нас, спасай своего слугу. А потом отомсти за меня!

Блейд улыбнулся и подмигнул девушке – так, чтобы заметила только она.

– Я спасу вас обоих, клянусь задницей Тунора, – сказал он, понимая, что это только бравада, в которой ему, возможно, скоро придется раскаться. Толпа вновь зашумела, и Блейду велели подойти к трону.

Королева в этот день нарядилась в шафрановое платье, яркий цвет которого лишь подчеркивал следы увядания на ее сильно накрашенном лице; парик ее был приведен в порядок и заново завит. Испытующим взглядом прищуренных черных глаз Беата скользнула по могучей фигуре своего пленника, потом наклонилась вперед и похлопала его по плечу. Ее губы, подведенные густой малиновой помадой, раздвинулись в улыбке; выточенные из кости зубы сверкнули у самого его лица. Она сказала свистящим шепотом:

– Я подумала, Блейд, и решила оставить тебя в живых. Защищай девчонку и не беспокойся ни о чем – я отдала нужные приказы. Но твоему слуге, боюсь, суждено умереть... И потом – ты должен потешить моих людей! Этим глупцам сегодня нужна кровь, побольше красной крови! – Она еще ниже склонилась к Блейду, и в глазах ее промелькнуло обещание... да, конечно, он не мог ошибиться! Через мгновение Беата добавила: – Я приду к тебе... ночью.

Блейд отсалютовал топором.

– Я готов, королева! Прикажи – пусть выпускают медведей!

Он повернулся и побежал к заранее выбранному месту меж столбов. Солдаты протаскивали клетки с медведями через проем в заграждении из толстых бревен, отделявшем зрителей от арены. Догадка разведчика оказалась верной: зверей стали выпускать из клеток поочередно, подарив ему таким образом несколько драгоценных мгновений.

Первый медведь, переваливаясь, вышел на площадку, поднялся на дыбы и взревел. Багровая пасть сулила смерть, с клыков, огромных, словно кинжалы, капала слюна. Стоя на задних лапах, зверь достигал десяти футов в высоту.

Принюхиваясь и испуская громоподобный рев, он огляделся вокруг. Его голова, покрытая шерстью с клочьями седых волос, повернулась в сторону Талин, и маленькие

жестокие глазки пристально уставились на девушку. Затем он снова взревел и направился к ней. Блейд, не двигаясь с места, разглядывал зверя. Тот почти не отличался от гризли, на которых ему приходилось охотиться в прежней, земной жизни; правда, тогда у него в руках была винтовка...

Он крутанул своей секирой над головой и бросился к медведю, испустив громкий боевой клич, которым рассчитывал привлечь его внимание. Но зверь, почуяв сладкую женскую плоть, даже не повернул огромную лохматую башку в сторону нападающего. Блейд ринулся в атаку, заметив краем глаза, что второй медведь уже выходит из клетки.

Он опустил Айскалп, могучим ударом вогнав его широкое лезвие в мохнатую спину. Разъяренный зверь развернулся, замахнувшись на него лапой с чудовищными когтями; одно их прикосновение могло расплосовать человеческое тело на ремни. Блейд стремительно присел и попытался вытащить свой топор, застрявший в туше зверя.

Теперь медведь пытался обхватить человека огромными лапами, чтобы раздавить ему кости и впиться клыками в его плоть. Могучим усилием Блейд выдернул свое оружие и быстро отскочил назад; пока что он не получил ни царапины. Взгляд его метнулся вправо – второй медведь направлялся к Сильво. Времени оставалось мало – ведь лучники не собирались защищать косоглазого слугу.

Раненый зверь пришел в ярость; забыв о девушке, он повернул к врагу, мешавшему добраться до добычи. Блейд понял, что нужно спешить. Раскрутив топор, чтобы увеличить силу удара, он с гневным воплем прыгнул вперед. С первого раза его Айскалп не свалил это мохнатое чудовище; теперь у него оставался последний шанс – иначе он не успеет спасти Сильво.

Ужасающей силы удар был нацелен точно. Блейд почувствовал, как прогнулась рукоять в его ладонях, когда бронзовое лезвие рассекло череп и вошло в мозг животного. Медведь глухо рывкнул и, обливаясь кровью, рухнул мертвым. На морде его выступила пена, маленькие глазки потускнели.

Первый, отсчитал разведчик, подняв взгляд от неподвижной мохнатой туши.

Теперь все решали секунды; второй огромный зверь уже поднялся на дыбы, нависая над корчившимся в веревках Сильво. Слуга закричал – дико, тоскливо; это чудовище было еще крупнее, еще ужаснее первого. Бросившись к нему, Блейд заметил, как последний медведь покинул клетку и заковылял к девушке. Отчаяние стиснуло его сердце; у него не оставалось даже секунд.

Медведь, не замечая разведчика, уже занес над головой Сильво лапу с огромными когтями. Однако Блейд оказался проворнее: свистнуло бронзовое лезвие, и перерубленная лапа упала на землю. Зверь коротко взревел от ярости и боли; в следующий момент он развернулся к нападающему. Из обрубка на шесть футов хлестала красная кровь, и Блейд, попавший под этот фонтан, был мгновенно залит теплой дымящейся жидкостью. Его лицо превратилось в ужасную кровавую маску, во рту появился привкус горячей и соленой крови зверя. Зрители за бревенчатым барьером вопили словно стая шакалов; этот богатырь не обманул их ожиданий! Снова испустив боевой клич, Блейд ринулся вперед.

Блеснуло лезвие Айскалпа, описывая сверкающий смертельный полукруг. В этот удар разведчик вложил всю свою огромную силу, однако полностью обезглавить мохнатое чудовище ему не удалось. Голова зверя дернулась вбок и повисла, удерживаемая только остатками мышц, из обрубка брызнул новый фонтан крови, и гигантская туша свалилась к ногам Блейда.

Второй, отсчитал он и повернулся к девушке.

На миг его сердце подпрыгнуло от радости и торжествующий клич вырвался из пересохшего горла. Его план – вернее, план Сильво – сработал! Последний медведь остановился, обнюхал мертвую окровавленную тушу и впился в нее клыками. Он был слишком глуп – или слишком увлечен пиршеством – чтобы обратить внимание на подбежавшего сзади человека. Блейд раскроил ему череп одним мощным ударом Айскалпа и медленно отошел, остановившись около Талин.

Третий! Он убил всех!

Грязный, покрытый потом и медвежьей кровью, он выглядел жутким демоном из преисподней Тунора – и знал об этом. Однако взгляд, который подарила ему маленькая принцесса, не вызывал сомнений. Да, в следующую минуту капризный нрав ее мог перемениться, но это не имело значения; сейчас глаза ее сияли восторгом и обещанием. Только слепой не увидел бы этого.

Из-за бревенчатого барьера донесся недовольный гул толпы; кажется, шакалы были недовольны, что все закончилось так быстро. Блейд прислушался. Ругань и гневные вопли заглушали голоса тех немногих, кто пытался восхвалять его доблесть.

– Убить их! Прикончить всех!

– Медведей! Приведите еще медведей!

– Содрать кожу с этих ублюдков! А девку – нам на потеху!

– Пропали три отличных зверя – и что пользы? Этот Блейд – дьявол! Проткните его стрелами!

– Нет, пусть он сперва прикончит косого! Одним ударом, от плеча до паха!

Крики продолжались до тех пор, пока разъяренный сброд не попытался преодолеть заграждение. Блейд подскочил к Талин и начал освобождать ее от веревок, рассекая их лезвием топора. Похоже, никто не обращал на него внимания; во дворе замка бушевал водоворот яростного мятежа. Напирая на стражей, толпа откатывалась то в одну сторону, то в другую – безмозглое чудовище, способное затоптать самого себя до смерти, стая шакалов, жаждущих крови. Королева, бледная от бешенства, вскочила с кресла и выкрикнула приказ своим капитанам; раздались протяжные слова команды, и лучники, неожиданно развернувшись, послали в толпу поток стрел. Ничуть не уstraшенные этим, обитатели Крэгхеда всерьез навалились на ограду, переворачивая столы с едой и вином, забрасывая солдат камнями и грязью.

Блейд, наконец, освободил Талин и, схватив ее за руку, побежал к слуге. Тому повезло меньше. В его столб воткнулась случайная стрела, и теперь какой-то мерзавец, выдрав ее, тыкал острием в лицо Сильво и выкрикивал нечленораздельные ругательства. Блейд плашмя опустил Айскалп на голову негодяя, потом рубанул обвивавшую столб веревку. Вокруг них бушевала яростная свалка. Все больше и больше лучников появлялось во дворе и, наконец, загрохотали шаги тяжеловооруженных солдат. Они быстро и сноровисто оттеснили расвирепевшую толпу к воротам; видно, такие свалки были для них привычным делом.

Сильво, вытирая с лица кровь, возбужденно забормотал:

– Торопись, хозяин! Тут есть выход, я заметил его, когда нас сюда тащили. Если мы сможем добраться до него и побегим изо всех сил, то...

Блейд оглянулся и процедил сквозь зубы проклятие – к ним уже направлялся целый отряд лучников. Беата не собиралась терять ни свою выгоду, ни свои удовольствия.

Какое-то мгновение сердце разведчика спорило с рассудком. Здравый смысл советовал ему дожидаться другого случая, выбрать более подходящий момент. Сейчас шансы на освобождение невелики – к тому же, его положение королевского фаворита только укрепилось. Он мог по-прежнему развлекать старую ведьму, а Талин, как и раньше, сидела бы под замком в качестве ценной заложницы. Может быть, ему даже удастся выпросить жизнь Сильво...

Но ярость кружила и туманила Блейду голову. Он хотел сражаться! Эти крэгхедские подонки, стая шакалов, жаждали крови – он утопит их в крови! В их собственной вонючей крови!

Прыгнув вперед, прикрывая своим телом Талин и Сильво, он поднял топор. Увидев его сверкающие гневом глаза, капитан остановил отряд и выкрикнул резкую команду; затем лучники передней шеренги опустили на одно колено, подняли свое оружие и наложили стрелы на тетиву.

– Нет, хозяин, не надо! – закричал Сильво. – Их слишком много! Покорись!

– Не уступай, – твердо сказала Талин. Она подошла к Блейду и, когда он попытался

оттеснить девушку назад, маленькие ладони крепко обхватили его огромный бицепс. Лицо принцессы покраснелось, голос стал высоким и звонким; кровь многих поколений воителей бушевала в ней столь же яростно, как в жилах разведчика. – Сражайся, Блейд! – ее зубы сверкнули в хищной улыбке тигрицы. – Мы умрем вместе – здесь, сейчас! По крайней мере, мы не достанемся этой проклятой ведьме, этой потаскухе! Сражайся!

Внезапно за стеной замка, перекрывая мерный рокот прибоя, раздался оглушительный рев боевых горнов. Эти протяжные звуки, дикие и угрожающие, словно пророчили поражение и гибель Крэгхеда. Им вторили громкие крики, жуткие вопли, грубые варварские голоса, ограждавшие от стен и башен замка Скалистой Вершины. А горны продолжали реветь, завывать, вселяя ужас в души слабых.

На какой-то миг солдаты и толпа в огромном внутреннем дворе застыли в молчании. Ярость и ожесточение внезапно стихли; их сменил страх. В следующую секунду двор взорвался от криков отчаяния, мужчины побежали, женщины завопили, заплакали брошенные дети. Блейд увидел, как лучники, повинаясь приказу их командира, ринулись к лестницам, что вели на стены. Блейд, девушка и Сильво были мгновенно забыты. Сутолоку недавней схватки теперь сменил настоящий хаос. И над мечущимися в панике людьми, над просторным двором Крэгхеда поднялся многоголосый, полный ужаса вопль:

– КРАСНОБОРОДЫЙ!

Глава 10

Сильво первым заметил его. Внезапно схватив Блейда за руку, косоглазый слуга ткнул пальцем в сторону башни: – Смотри, хозяин! Вот он! – его заячья губа мелко дрожала. Тунор защиты нас, это действительно Геторикс! Тот, которого называют Краснобородым!

Талин все еще цеплялась за другую руку Блейда, и теперь он почувствовал, как начали трястись и ее пальцы. Девушка подняла к нему побледневшее лицо и прошептала:

– Все кончено, Блейд... Теперь ничто нас не спасет. Против этого дьявола бессильна даже мать Фригга...

На них по-прежнему никто не обращал внимания. Блейд, крепко сжимая рукоятку своего огромного топора, повернулся к центральной башне Крэгхеда, где прошлой ночью ему пришлось вступить в галантное состязание с королевой. Пока им ничто не угрожало, и он опять начал строить планы – ведь новая опасность требовала иного способа выживания. Одно он понимал совершенно ясно: надвигавшееся на них бедствие не оставляло места для ошибок.

Мужчина, стоявший на высоком каменном крыльце у входа в башню, имел семь футов роста и соответствующее телосложение. Его голову венчал шлем с остроконечным золотым шпилем, с защитной пластиной, прикрывавшей лоб и нос, и назатыльником, доходившим почти до лопаток. С широких плеч спадал богатый пурпурный плащ, казалось, гигант не был вооружен. Он стоял, скрестив руки на груди, и иногда громовым голосом выкрикивал слова команды. Но большую часть времени он не произносил ни звука, наблюдая, как его люди грабят богатства Крэгхеда и расправляются с защитниками замка.

Если не считать роста, борода была самой примечательной чертой этого исполина. Она спадала до пояса огненным флагом, аккуратно заплетенная в две толстые косички, перевязанные цветными лентами. Блейд, невольно восхищаясь титаническими габаритами вождя пиратов, внимательно наблюдал за ним. Он отчаянно искал потайную дверцу, заветный ключик, способный раскрыть ему натуру морского разбойника, перед которым дрожали воинственные альбы. Он заметил, как Геторикс любовно поглаживает бороду, иногда поправляя ленточку или завиток волос. И это в самый разгар сражения! Казалось, этот человек считал себя богом – или, по крайней мере, богоравным героем. Он был тщеславен!

Потом Блейд увидел ее всего лишь на одно мгновение. Он почувствовал, как тошнотворно-сладкая и, в то же время, ледяная волна желания приливает к сердцу. Среди

метавшихся у подножия башни фигур мелькнуло что-то белое. Фантом? Видение? Нет, он знал, что это не так. Он не мог ошибиться! Белый плащ, стан, гибкий, как молодая березка, блеск серебристых волос под капюшоном... Друзилла! Так звалась она в его сказочном сне... Мираж, который пригрезился ему, стал реальностью – если только он не сошел с ума.

Затем она исчезла – и время снова двинулось вперед. Краснобородый стоял у башни в окружении пиратов и выкрикивал приказы. Стены и сторожевые башни замка были уже захвачены, знамя Беаты с золотым единорогом втоптанно в грязь, и груда мертвых тел защитников Крэгхеда росла с каждой минутой. Блейд уже не сомневался, что замок обречен.

Сильво опять дернул его за руку:

– Почему ты медлишь, хозяин? Я знаю, где запасной выход, и мы еще можем удрать если не упустим время.

Они отступили в нишу между двумя толстыми контрфорсами стены; разведчик даже не заметил, как и когда они оказались здесь. Тупик... Подходящее место, чтобы умереть, прижавшись спиной к грубой каменной кладке, если он рискнет защищаться! Но Блейд выбрал иное решение.

Поспешно повернувшись к Сильво, он спросил:

– Скажи, что эти пираты и их вождь, Краснобородый, ценят больше всего на свете? Отвечай, быстрее!

Слуга, бедняга, уставился на своего господина словно на сумасшедшего. Талин, очнувшись от апатии, прошептала:

– Какое это имеет значение, Блейд? Мы погибли...

Он нахмурился, медвежья кровь на лице запеклась и почернела. Смахнув со лба темные чешуйки, Блейд сказал:

– Может быть, нет... – он тряхнул слугу за плечо. – Ну, Сильво, ну? Думай, парень – от этого зависит твоя жизнь... да и наши тоже!

Сильво скосил глаза. Над ним свистнуло копье, и слуга втянул голову в плечи.

– Мужество, хозяин! Вот что самое главное для них. Мужество и подвиги в битвах! Стать великим воином – вот цель жизни любого из них! Но мы-то не морские разбойники, хозяин... а они презирают всех, кто не принадлежит к их племени головорезов. И они не берут пленных – кроме женщин, конечно. – Сильво отвел глаза, словно боялся встретиться взглядом с Талин.

Девушка сказала:

– Убей меня, Блейд, когда придет время. – Она пробежала пальцами по лезвию Айскалпа. – У меня тонкая кость... хватит одного удара.

Блейд указал им на стену за своей спиной.

– Стойте там, велел он, и сохраняйте спокойствие. Ни шагу от стены! Ни слова! Сильво, не пытайся помочь мне... и ты, Талин, тоже... вы можете все испортить. Я попробую сыграть по их правилам и поставлю на кон наши жизни – но с этим я справлюсь один. У меня нет времени объяснять свои планы: вы увидите... скоро! Не удивляйтесь, если я буду лгать; если вас заставят говорить – хотя лучше бы ваши рты оставались закрытыми – подтвердите мои слова.

Сильво скривил в ухмылке свою заячью губу:

– Это нетрудно, хозяин. Когда надо, я могу врать даже перед ликом пресветлого Тунора.

Блейд повернулся к ним спиной. Ниша, образованная контрфорсами, была шириной футов восемь в том месте, где он стоял. Ухватив топор за конец рукояти, он проверил, что может перекрыть почти шесть футов. При некотором проворстве ему удастся отстоять нишу в случае нападения.

Итак, Ричард Блейд, возвышавшийся между массивными каменными выступами стены словно гигантский окровавленный призрак, облокотился на рукоять Айскалпа и стал наблюдать за затихающей битвой. На его лице застыло выражение скуки и крайнего презрения, изображенного весьма умело, в то время как острый взгляд не упускал ни

малейших деталей резни.

Некоторые из людей Беаты еще оказывали сопротивление, но большинство, бросив оружие, молило о пощаде. Ее давали редко; сдавшихся, как правило, убивали на месте, но Блейд заметил нескольких мрачных пленников, которых стогнали в угол двора. Королевы нигде не было видно. Разведчик решил, что ее либо убили, либо взяли в плен – а, возможно, она сбежала из замка по какому-нибудь тайному ходу. Впрочем, это его уже не интересовало.

Двор замка, лестницы и бастионы усеивали тела защитников. Некоторые еще корчились; их приканчивали быстро и умело. Казалось, в данный момент победители были озабочены только грабежом, насилием и пьянством – тем, что всегда следует после победы. В двадцати футах от Блейда молча лежала молодая женщина; к горлу ее был приставлен меч. Мужчины, отложив в сторону награбленную добычу, один за другим тянулись сюда, деловито насиловали ее и отходили, подбирая свое добро. Окинув двор внимательным взглядом, разведчик заметил еще несколько подобных сцен.

Большинство запечатанных кувшинов с пивом и вином, сброшенных со столов во время свалки, уцелело. Сейчас горячительные напитки быстро исчезали в глотках пиратов. Посмотрев в сторону башни, Блейд увидел, что Краснобородый беседует с двумя мужчинами – очевидно, его офицерами. Они тоже носили пурпурные плащи, но шлемы их увенчивали серебряные шпильки. Оба были крупными, мощными людьми, но рядом со своим предводителем они выглядели карликами.

Краснобородый что-то приказал, и один из воинов, отдав салют – странный жест открытой ладонью – повернулся и торопливо зашагал прочь. Среброволосой жрицы друсов нигде не было видно – если она действительно не пригрезилась Блейду, теперь он уже не мог уверенно утверждать это. Битва, возбуждение, кровь и близость смерти творит загадочные вещи с чувствами человека.

Наконец его заметили – когда Блейд уже собирался криком привлечь внимание победителей. Ниша, в которой он стоял, была маленькой, а день – пасмурным и ненастным; туман предвещал дождь. Очевидно, поэтому их не разглядели на фоне темной стены, но сейчас, когда Блейд шагнул вперед, раскручивая топор над головой, пришел час расплаты.

Первыми на него обратили внимание люди из группы, собравшейся вокруг обнаженной женщины – по-видимому, уже мертвой. Они прекратили свое занятие и двинулись к Блейду – с нарочитой небрежностью, но сохраняя настороженность опытных воинов. Но вот один из них, оценив воинственную позу и жуткий облик противника, покрытого запекшейся кровью, резко остановился, в изумлении открыв рот. Остальные, человек десять, столпились у него за спиной.

Блейд снова крутанул Айскалп – так, что лезвие его описало сверкающий круг, – и произнес с издевкой:

– Что же вы остановились, люди Краснобородого? В чем дело? Я тут один, не бойтесь. Может, вы передумали? – он презрительно усмехнулся сквозь кровавую маску и показал топором на мертвую нагую женщину. – Обещаю, что умру не так покорно, как она – со мной будет справиться потруднее! – он снова усмехнулся, оскалив зубы. – Но я вижу, вы предпочитаете женщин, а не воинов, готовых сразиться насмерть; вы – шайка трусов! Идите и поищите настоящего мужчину, который выполнит работу за вас – если, конечно, такой найдется в вашей банде!

Вопль ярости вырвался из глоток пиратов; крик настолько злобный и громкий, что он привлек внимание Краснобородого. Уголком глаза Блейд заметил, как гигант повернул голову и пристально уставился вниз, на нишу в стене. Итак, он добился своего! Блейд поздравил себя с успехом. Во дворе наступила тишина; люди Геторикса, прекратив насилия и пьянство, двинулись к группе, которая стояла перед Блейдом.

Он не собирался упускать удобный случай, его голос, ясный и отчетливый, загрохотал над просторным двором Крэгхеда, перекрывая шарканье ног, бормотанье и лязг оружия.

– Я знаю, что вы цените храбрость, люди Краснобородого! Смерть в битве является

великим и славным деянием для любого из вас. И я даю вам эту возможность! Кто примет мой вызов и умрет первым? Кто сегодня заслужит славу? Чье имя станут воспевать долгие годы спустя?

Айскалп, бронзовый топор пел гимн смерти, вращаясь над головой Блейда.

– Кто будет первым? Выходи вперед и прими смерть как герой! Мой Айскалп Сокрушитель Черепов жаждет крови!

Блейд расслышал шепот Сильво за своей спиной.

– Он сошел с ума, клянусь задницей Тунора! С нас живьем сдерут кожу, а печенку поджарят на обед!

Один из пиратов поднял лук и натянул тетиву, другой, по виду сержант, стукнул его по руке:

– Болван! Убьешь его, и мы все прослышем трусами! Зачем портить добрую потеху? Будь доволен, что у этой шлюхикоролевы нашелся хоть один настоящий воин. Пока что мы получили мало приятного от схватки с ее людьми... а тут есть шанс поправить дело... – он повернулся к толпе. – Ну, кто пойдет первым?

Поднялся шум, когда дюжина бойцов принялась оспаривать честь первой попытки. Наконец выбор был сделан, и снова воцарилась тишина. Разведчик поднял топор. Краснобородый, со скрещенными на груди руками и снисходительной улыбкой на лице, наблюдал за ним со ступеней высокого крыльца.

– Я не ублюдок из людей Беаты, – громко крикнул Блейд. – Я воин благородной крови из далекой страны, колдун и великий боец! Я пришел в Крэгхед, чтобы сражаться за жизнь девушки и моего слуги – вот они, стоят за моей спиной! Я победил и мог бы уйти, если б вы не напали на замок. Теперь я должен сражаться опять – и я буду сражаться! Бой – радость для мужчины, и я всегда доволен, когда убиваю врага. – Он снова потряс топором. – Ну, хватит болтовни! Кто будет первым?

Избранник шагнул вперед. Коренастый воин с короткими ногами, но мощной грудью и мускулистыми руками. На нем были потрепанные штаны и сапоги из грубой кожи, вместо рубахи плечи прикрывала волчья шкура. Холодные голубые глаза уставились на Блейда, из-под шлема, увенчанного змеей, выбивались соломенные волосы.

Пираты отступили назад, образовав полукруг около ниши. Когда светловолосый воин осторожно шагнул к Блейду, они разразились криками:

– Вульф, Вульф!

– Дай ему послушать, как поет твой топор, Вульф! Скоро эта музыка ему не понравится!

На левой руке Вульфа висел небольшой круглый щит из дерева и кожи с железными шипом посередине. Рукоять его секиры была короче, чем у Айскалпа; на ней сверкало железное лезвие, а с другой стороны находилось короткое острие со следами крови недавних жертв.

Светловолосый прыгнул вперед, сделав ложный выпад топором. Блейд, не поддаваясь на уловку, шагнул в сторону и засмеялся.

– Что такое, Вульф? Ты колеблешься? Или просто трусишь?

Пираты взревели в один голос и на ярд-другой сузили полукруг.

– Кончай с ним, Вульф! Обруби его длинный язык!

– И не только язык!

– Выпусти ему кишки!

– Пробей череп!

– Сокруши ребра!

Метнув на Блейда взгляд, полный холодной ненависти, Вульф опять сделал ложный выпад и ткнул шипастым щитом в обнаженную грудь противника. Убедившись, что топор светловолосого не достанет его плечо, Блейд стремительно опустил Айскалп, выбив щит из рук врага – вместе с двумя пальцами, попавшими под бронзовое лезвие. Затем он сделал шаг назад, снова приняв защитную стойку.

Вульф бросил взгляд на свои пальцы, лежавшие в грязи, сплюнул в негодовании и яростно ринулся в атаку – на этот раз, настоящую. Он развернул топор, направив железное острие в голову противника, Блейд взмахнул Айскалпом – и двор заполнился звонким лязгом. Удар следовал за ударом, топор отбивал топор, искры мерцали в сумрачном свете дня, грохот и крики нарастали.

Светловолосый хотел выманить Блейда из ниши, но тот не поддавался. Снова и снова пират шел в атаку, рыча от ярости, наконец, он изо всех сил взмахнул топором и в этот момент подошва его сапога проскользнула по жидкой грязи. Разведчик, не пытаясь парировать плохо нацеленный удар, слегка пригнул и опустил лезвие Айскалпа точно между шеей и ключицей противника. Его замах был так силен, что топор рассек тело почти до пояса. Вульф дико вскрикнул и опрокинулся на спину.

Два воина подхватили труп за ноги и оттащили прочь. Блейд, облокотившись на рукоять Айскалпа, усмехнулся:

– Кто следующий?

Наступила тишина. Затем пираты начали перешептываться между собой, с опаской поглядывая на Блейда. Некоторые бросали встревоженные взгляды и туда, где на крыльце у башни стоял Краснобородый. Разведчик провел ладонью по лицу, на котором медвежья кровь смешалась с кровью светловолосого Вульфа, и издевательски расхохотался:

– Значит, я был прав? Вы уже наложили в штаны при виде настоящего мужчины? Но должен вас поздравить – все вы очень ловко справляетесь с женщинами и детьми.

Второй противник выступил вперед. Он был такого же роста, как сам Блейд, с черной бородой и бритым черепом. Этот сражался мечом и кинжалом. Постепенно усталость начала овладевать могучим телом разведчика, но он не смел выказать слабость. Слегка отступив, он начал медленно считать про себя до десяти. На счете девять он нанес удар, и голова пирата покатилась в грязь, уставившись на приятелей выпученными глазами.

Мышцы Блейда пронизывала тягучая томительная боль, но он продолжал размахивать Айскалпом словно деревянной тросточкой.

– Следующий? Кто следующий? Не прячьтесь за спины друг друга, воины! Жизнь без славы – жалкое прозябание а потому – подходите и умирайте!

Очередного противника он убил со второго удара. Бронзовое лезвие рассекло горло пирата, и его голова откинулась назад на тонкой полоске плоти, словно капюшон плаща.

Блейд, хватая ртом воздух, взмахнул топором в сторону толпы:

– Айскалп сегодня жаждет крови! Кто готов предложить свою?

Шепот и бормотание смолкли, ни один из пиратов не вышел вперед. Дождь, начавшийся несколько минут назад, усилился, смывая кровь с лица и груди Блейда. Сзади притаились Сильво и Талин; слуга и девушка молчали, и он был благодарен им за это. Он знал, что не может сражаться вечно, и если судьба желала подарить ему удачу, ей следовало поторопиться.

Пираты испустили новый вопль:

– Ярл... Ярл... Ярл!

Мужчина, вставший против Блейда, был среднего роста, но обладал не менее могучей мускулатурой, чем сам разведчик. С плеч этого нового противника спускался пурпурный плащ, голову покрывал шлем с серебряным навершием, Блейд узнал его – то был один из капитанов, беседовавших с Краснобородым у башни.

Человек по имени Ярл с загадочной улыбкой разглядывал лицо и мощный окровавленный торс чужеземца, уложившего трех лучших бойцов морского воинства. Он был чисто выбрит – редкая роскошь среди людей, скитающихся по морям в поисках добычи, и в широко расставленных глазах светился ум. Под пурпурным плащом он носил латы из кожи и бронзовых пластин, вместо просторных штанов на нем была юбка из плотной ткани почти до колен. Ноги, сильно искривленные, покрывали густые волосы.

Ярл отсалютовал противнику большим двуручным мечом, очень похожим на тот, которым Блейд сражался с Хорсой. Он заговорил и хотя тон его был серьезным, в нем

проскальзывало какое-то бесшабашное веселье и удаль. Его речь, четкая и правильная, казалась речью образованного человека.

– Похоже, – произнес человек, называвшийся Ярлом, – что мои псы сыты тобой по горло, чужак. Не могу их винить, ты сражаешься подобно дьяволу. Возможно, ты и есть дьявол, но меня это не волнует. Все равно ты умрешь. Должен умереть! Искренне сожалею об этом, ибо восхищен искусством, с которым ты владеешь топором.

Блейд нахмурился, догадавшись, что пришел час настоящего испытания, этот боец обладал характером и силой, с какими ему не доводилось встречаться до сих пор. Пожалуй, он был посильнее Хорсы.

– Подойди ближе и познакомься с Сокрушителем Черепов, – в голосе разведчика по-прежнему звучала насмешка. – Сомневаюсь, что после этого ты сможешь чем-либо восхищаться.

Ярл погладил бритый подбородок.

– Предлагаю тебе сдаться, странник. Мне не хочется убивать тебя. Выбери почетное отступление, не упускай свой шанс.

Блейд покачал головой.

– Я могу сдаться, но не ради слов и пустых обещаний. Я – знатный человек и требую соответствующего обращения. Также я требую безопасности для моего слуги и девушки.

Серые глаза Ярла сузились.

– Требуешь? Ты требуешь?.. – произнес он очень мягко.

– Да, требую! – Блейд взмахнул топором.

Ярл поднял свой огромный меч и двинулся на Блейда.

– Сожалею, – сказал он, – но у меня нет власти для удовлетворения требований человека, достаточно опрометчивого, чтобы предъявлять их. Только Геторикс может сделать это. А его единственный ответ на любое требование – смерть! Хотел бы я, чтоб ты вел себя мудрее, странник. Ты мог сражаться вместе с нами, а не против нас. Воина, подобного тебе, найти нелегко.

– Тогда позови Краснобородого, – резко ответил Блейд, раскачивая секиру. – Возможно, мы договоримся – ведь я ценю свою жизнь так же высоко, как и любой другой человек, и знаю, что не могу перебить вас всех. Но если командует только Краснобородый, то лишь с ним и будет заключен договор. Я не буду говорить с его рабами!

– Сейчас мы увидим, – по-прежнему мягко сказал Ярл, – кто тут раб, а кто – господин. Защищайся, чужак!

И он немедленно приступил к делу, да так рьяно, что Блейд едва успел парировать первый выпад. Ком подкатил к его горлу, сердце билось неровно, он устал как пес после схватки с матерым кабаном... а этот человек был, безусловно, мастером меча. На мгновение холодный ужас сковал мышцы разведчика, но он стряхнул его липкие путы. Человек когданибудь должен умереть... жаль, что это случится так скоро!

Снова мелькнул меч Ярла, стремительный, как жало змеи, и на предплечье Блейда появилась красная царапина. Полукруг пиратов разразился радостными воплями: «Ярл!.. Ярл!.. Ярл!..»

Ярл улыбнулся – весело, но с некоторой долей меланхолии.

– Если я вынужден прикончить храброго человека, – пробормотал он негромко, словно бы про себя, – то хотелось бы узнать его имя... Как тебя зовут, странник?

– Мое имя – Блейд! Блейд, принц Лондонский! – выдохнул разведчик. Бронзовый топор становился все тяжелее, пот выступил на его лбу, соленые струйки щипали глаза, пересохшие губы судорожно хватали воздух.

Он снова поднял Айскалп – и тогда раздался глас, раскатившийся над двором подобно реву медной трубы:

– Прекратить!

Это был Краснобородый, все еще стоявший на высоком крыльце у башни. Ярл немедленно опустил меч и шагнул назад; ропот разочарования раздался в толпе пиратов.

Краснобородый, приставив ладони ко рту, крикнул снова:

– Я сказал – прекратить! Ты, Ярл, предложи этому человеку жизнь и честь. Его спутникам – тоже. Такого воина не стоит убивать зря. Но он должен мне за смерть троих людей, и я заставлю его заплатить немалую цену. Сделай это, Ярл! Ты говоришь от моего имени!

Блейд поднял голову. Геторикс Краснобородый, уперев руки в пояс, пристально рассматривал его. Даже на таком расстоянии разведчик ощутил почти гипнотическое воздействие зловещих глаз над пламенеющей бородой.

– Ты, чужестранец, слушай Ярла. Его слово – мое слово. – И Краснобородый отвернулся, словно потеряв интерес к происходящему.

– Прими мое предложение, странник, или откажись, – сказал Ярл. – Выбор за тобой. Но я не повторю своих слов дважды.

Краснобородый исчез в башне. Ярл поднял меч и посмотрел на своего противника.

– Ну, Блейд, принц Лондонский? Что ты решил?

Со стороны зрителей донесся недовольный гул. Один из пиратов выкрикнул;

– Убей его, Ярл! Мы подтвердим, что он отказался сдаваться!

Другой показал на три мертвых тела:

– Кто заплатит за них?

Ярл бросил на толпу презрительный взгляд и рявкнул:

– Молчать, собаки! Вы все слышали слова Краснобородого. Следующий, кто попытается возражать, потеряет свою долю в добыче.

Угроза произвела впечатление – намного большее, чем обещание укоротить кого-нибудь на голову. Пираты примолкли.

Ярл снова посмотрел на Блейда:

– Ну, ты сдаешься?

Сильво посоветовал из глубины ниши:

– Сдавайся, хозяин, сделка неплохая. Мы сохраним свои жизни... а ведь это куда больше, чем я рассчитывал. Знаешь, у друсов есть пословица: пока человек дышит, остается надежда.

Блейд взглянул на Талин:

– А что скажешь ты, маленькая принцесса?

В глазах девушки обращенных к Блейду, светилось восхищение.

– Как ты решишь, принц Блейд. Я буду жить или умру вместе с тобой. Думай сам.

Блейд повернулся к Ярлу. Какое-то мгновение они смотрели прямо в глаза друг друга, потом Блейд швырнул огромный бронзовый топор к ногам противника.

– Я сдаюсь, – сказал он, – на условиях, которые предложил Краснобородый.

Ярл поднял топор, взвесил его в руке, взмахнул несколько раз и протянул обратно разведчику.

– Прекрасное оружие, – заметил он и, покачивая головой, добавил: – Немного жалко, Блейд, верно? Теперь мы никогда не узнаем, кто из нас двоих искуснее в бою.

Блейд принял Айскалп и слегка поклонился. Утомление навалилось на него тяжестью многотонного груза, но он стоял прямо и глядел надменно. Этот человек не увидит его слабости!

– И все же, – продолжал тем временем Ярл, – кто знает, что уготовлено судьбой? Может быть, у нас еще будет случай? Но пусть решает Тунор, не мы!

Блейд с трудом улыбнулся.

– Мне нужно помещение – для меня и моих людей, Ярл. Еда, питье и чистая одежда. Вода, чтобы смыть грязь и кровь. Скажи Краснобородому, что я готов явиться к нему, когда он захочет.

Ярл покачал головой.

– Думаю, не раньше, чем через день. Сейчас у Геторикса много хлопот – надо разделить добычу, придумать казнь для этой шлюхи, хозяйки замка... Но завтра вечером, на

пиру в честь нашей победы, ты встретишься с Краснобородым, не сомневайся. Теперь же иди со мной.

Склонив голову, капитан отступил, освобождая путь для Блейда, Сильво и Талин. Они двинулись сквозь ряды разбойников, бросавших злобные взгляды на мужчин, и похотливые – на полунагую девушку. Но слово Геторикса Краснобородого, морского короля, хранило пленников.

Глава 11

Блейд спал ночь и половину следующего дня. Ему удалось реализовать первую часть своего плана, и вечером он собирался довести его до конца. Для этого нужны были силы – и, разумеется, хитрость. В той, земной жизни, воспоминания о которой становились все менее отчетливыми, он не раз манипулировал людьми, пользуясь их слабостями, пристрастиями, тайными страхами, привычками. Их жадность, гордыня, честолюбие, трусость были верными его союзниками; и хотя сейчас он не мог припомнить всех тонкостей и нюансов своего темного искусства, бессознательно и инстинктивно он все еще владел им. Он был умнее и хитрее всех этих феодальных властителей, жалких королей, хищных разбойников с морских дорог. И в том было его спасение.

Ему отвели прекрасную комнату с зарешеченным окном, выходящим на море, все еще окутанное белесой мглой. Как объяснил Ярл, в это время года туманы преобладали, и потому корабли Краснобородого сумели подойти к замку Скалистой Вершины незамеченными. Геторикс только сделал вид, что собирается напасть на владения Ликанто. Грязный и бедный Сарум Вил обещал незавидную добычу и, как только Ликанто выступил в поход, а шпионы разнесли весть об этом по всему побережью, длинные боевые галеры Краснобородого повернули на северо-запад и, скрываясь в морском тумане, направились к Крэгхеду. Атака пиратов явилась полнейшей неожиданностью для обитателей замка.

– На постах было всего несколько стрелков, – рассказывал Ярл, – и мы их тихо прикончили. Они глядели не на море, а на твою битву с медведями. Я мог бы взять замок с десятком воинов.

Итак, Блейд проспал ночь и все утро – вместе с Сильво, храпевшим на куче шкур в углу. Когда слуга разбудил его, размытый солнечный диск уже перевалил далеко за полдень, небо на западе все еще скрывали тучи, но восточный небосклон очистился. Ветер, постепенно разгонявший облака, развеивал змееподобный вымпел Геторикса, поднятый на самом высоком шпигеле замка, из тронного зала Беаты доносились звуки пьяного разгула.

Для Блейда была приготовлена горячая ванна, и он нежился в ней до тех пор, пока обеспокоенный Сильво не вытащил его из воды. Слуга вытер его тонким полотенцем, причесал волосы и бороду, болтая без умолку. Блейд задумчиво приглядывался к нему, он никогда не видел Сильво таким встревоженным.

– Для тебя прибыло сообщение, хозяин, – тараторил слуга, ловко орудуя деревянным гребнем. – Этим вечером ты будешь сидеть за столом самого Геторикса! – Сильво закатил глаза. – Господин Ярл сказал, что придет за тобой, когда взойдет луна. Эй, смотри, твои ожоги почти зажили, хозяин! Я же говорил, что этот бальзам – просто чудо!

Блейд кивнул и открыл было рот, но был погребен под новым потоком слов.

– Говорят что Беату изнасиловали – сначала Краснобородый, а потом половина его шайки. Теперь ее подвешат в железной клетке на стене замка. Да, пожалуй на этот раз она получила настоящее удовольствие! Те из ее людей, что бросили оружие, будут казнены утром, а ремесленников, женщин помоложе и детей продадут в рабство в земли Скайра за Проливом. Думаю, нам крепко повезло, хозяин, что мы спасли свои шкуры – и все благодаря твоему умению орудовать топором. Теперь будь поосторожнее, и мы проживем достаточно долго, чтобы...

Блейд скрыл усмешку. Вот, значит, в чем дело! Хитрец Сильво имел кое-какие свои догадки насчет его дальнейших намерений и был серьезно обеспокоен! Не без причины,

признался разведчик. Он сам, пожалуй, был несколько встревожен, хотя твердо собирался довести свой план до конца. Два тигра не уживутся в одном лесу.

Стукнув кулаком в ладонь, он прервал Сильво.

– Что с принцессой Талин?

Слуга скосил на него один глаз, его заячья губа скривилась.

– Принцесса, хозяин? Она чувствует себя отлично. Не хуже нас с тобой. Ее отдали на попечение кайр, а уж они-то хорошенько позаботятся о девушке

– Кайры? Кто они?

Сильво причмокнул губами и подмигнул.

– Женщины, хозяин. Такие, знаешь ли, крепкие грудастые блондинки, которые заботятся о воинах. В Альбе их называли бы лагерными девками – каковыми, в сущности, они и являются – но, думаю, они не просто потаскушки. Я слышал, что иногда кайры сражаются рядом с мужчинами. Они ухаживают за ранеными, готовят пищу, подносят жаждающим вино, пиво и... и еще кое-что... ну, ты понимаешь! – он закатил глаза и снова причмокнул. – Некоторые из них очень даже неплохи на вид, хозяин. Такие коренастые полные красотки, и подходящего сложения... то, что надо сильному мужчине Я...

– Ты, – резко оборвал слугу Блейд, – держись от них подальше. И не касайся не пива, ни вина. У меня есть план... Так что, когда дойдет до дела, ты мне понадобишься трезвым. А для твоего здоровья в любом случае вредно вертеться около них... можешь оказаться короче ровно на одну голову, понял?

В глазах у Сильво вновь появился беспокойный блеск, но он энергично закивал головой.

– Хорошо, хозяин, понял. Да, это мудро. Я и сам подумывал о чем-то в этом роде... не такой уж я дурак. И хотя одна из них... симпатичная бабенка, да... очень мной интересовалась, я – клянусь бородой Тунора! – не обратил на нее никакого внимания.

Блейд натянул приготовленную для него одежду. Штаны заменяла длинная юбка – наподобие шотландского килта, поверх туники из тонкого полотна он надел подкольчужную кожаную безрукавку, на ноги – сандалии со шнуровкой до колен. Шлема не было Блейд понял, что его еще не приняли как равного – хотя он и заработал это право в бою. Он, однако, не расстроился, его драгоценный Айскалп стоял в углу, сверкая начищенной бронзой.

Его облачение завершилось почти в полной тишине. Сильво, который вертелся вокруг, помогая ему, что-то тревожно бормотал, не решаясь высказаться погромче. Блейд положил руку на плечо слуги и заглянул в маленькие черные глазки.

– Тебя что-то тревожит, парень? Ты беспокоишься обо мне?

Слуга явно нервничал, но его косой взгляд уперся – насколько это было возможно – прямо в лицо хозяина.

– Да, господин, сейчас я объясню. Ты обращался со мной по-человечески, не как с шелудивым псом – и я буду говорить, как человек. Я боюсь, что ты хочешь зайти слишком далеко, вот в чем дело... Я боюсь этого, хотя и не знаю твоих планов. Ты осмеливаешься делать вещи, устранившие бы самого Тунора, да будет благословенно его имя... А поскольку моя судьба теперь связана с твоей, хозяин, я... я прошу только об одном: действуй осторожно и не торопись. Этот Геторикс Краснобородый – великий воин... хотя он принес много зла... И те, кто ему служат, могут стать богатыми людьми... – Сильво затянул ремни сандалий. – Ну, вот, хозяин, все готово! Можешь идти.

Блейд отблагодарил слугу шлепком по спине, который едва не сбил беднягу с ног, и широко улыбнулся.

– Ты прав, Сильво! Твоя удача и счастье связаны с моими в этом деле. И если все пойдет хорошо, я сделаю тебя принцем.

Сильво осторожно отступил на шаг-другой и, потирая лопатку, криво усмехнулся:

– Конечно, сделаешь, хозяин – так же, как сделал себя принцем Лондонским, где бы этот Лондон не находился.

– Не болтай зря языком, – сурово сказал Блейд. – Я сдержу слово и сделаю тебя принцем, хотя принц из тебя получится, честно говоря, не первого сорта.

– А если дела пойдут плохо, хозяин?

– Тогда ты поделишь мою судьбу, какой бы она не оказалась. Ну, хватит болтовни... где наши черные жемчужины?

– Здесь, хозяин, – Сильво похлопал себя по животу. – Бандиты Краснобородого даже не пытались обыскивать такого бедняка, как я... – он пошарил в поясе своих драных штанов, достал кожаный кошель и протянул его Блейду.

– Благодарю, – ухмыльнулся разведчик, – ты вовремя использовал свое искусство шарить по карманам. Сильво, ты превосходный вор!

Когда его накрыли сетью в лесу, и он упал под тяжестью доброй дюжины нападавших, его тут же обыскали и жемчуг перекочевал к одному из солдат Беаты. Но Сильво сумел восполнить потерю. Он рассказывал Блейду в подземной тюрьме Крэгхеда:

– Меня обыскал тот же мерзавец, что и тебя, хозяин. Пока он тянулся за моим кошельком, я вытащил из его пояса жемчужины. А потом мне удалось и свои деньги вернуть, но кошелек я подсунул другому стражнику. Эти ослы попались на крючок и чуть не прирезали друг друга. На это стоило посмотреть!

Теперь Блейд высыпал черные сверкающие жемчужины на ладонь, выбрал самую большую и сунул ее за пояс. Он покосился на Сильво.

– Ты говорил, что эти морские головорезы очень ценят их?

– Да, хозяин. Больше золота, рабов и своих кораблей.

– Посмотрим. – Разведчик ссыпал остальные жемчужины в кошель и протянул его слуге. – Спрячь хорошенько и береги их. Может, придет время, когда нам пригодятся и остальные.

* * *

Когда пришел Ярл, чтобы проводить принца Лондонского в тронный зал Крэгхеда, уже спустились сумерки. Они пересекли двор, прислушиваясь к неистовому шуму, в котором звон посуды мешался с пьяными выкриками.

– Сегодня Геторикс спустил своих псов, – на губах Ярла мелькнула угрюмая усмешка. – Они долго были в море и хорошо сражались за Крэгхед... – капитан сделал паузу, потом, коснувшись плеча Блейда, добавил: – Будь осторожен, принц. Ты зарубил троих из морского братства, и многие невзлюбили тебя.

– Я убил их в честной схватке, Ярл. Разве ваши воины – обидчивые дети? Как могут они таить зло?

Во дворе был воздвигнут помост. Блейд остановился рядом, рассматривая с преувеличенным интересом дубовую колоду плахи. Он тянул время; ему хотелось потолковать с Ярлом наедине. Его недавний противник, в новом красном плаще, с золотой цепью на широких плечах, наблюдал, как Блейд протянул руку и поднял с помоста тяжелый топор палача.

– Приготовлено на утро, – произнес капитан. – Краснобородый собирается устроить кровавое зрелище для своих людей – они любят такие развлечения. Вот ответ на твой вопрос. Да, они словно дети, капризные и жестокие. И с ними нужно соответственно обращаться. Даже сам Геторикс временами...

Он внезапно умолк и отвел взгляд. Блейд ждал. Что хотел сказать его спутник? Что у Геторикса тоже бывают неожиданные капризы? Какие именно? Такая информация была бы весьма полезной.

Ярл нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Его высокие сапоги из мягкой кожи по щиколотку ушли в грязь. Узкий серп месяца низко висел над морем, бросая слабый свет на топор палача.

– Нам лучше идти, – коротко сказал Ярл. – Геторикс не любит ждать.

Блейд положил топор на помост и повернулся к нему.

– Ты иногда называешь его Геториксом. Другие зовут Краснобородым. Почему?

Ярл пожал плечами.

– Я зову его так, как хочу. Я – его зять, его капитан: моя жена, Пэйдит – сестра Геторикса, что дает мне определенные привилегии. Но помни, что у тебя их нет, Блейд! И у Геторикса нет больше сестер! – он мрачно ухмыльнулся.

Они задержались у входа в зал. Ярл, не обращая внимания на двух стражей у дверей, рослых воинов в рогатых шлемах, с копьями и щитами в руках, сурово покосился на Блейда.

– Ты мне нравишься, принц. Геторикс – тот никого не любит, но ценит мужество и воинское искусство. А главное – ему нужны офицеры, умелые и твердые. Наши головорезы – отличные воины, но ими надо как следует управлять. Я говорил с Геториксом, пока ты спал; он хочет сделать тебя капитаном. Конечно, на пробу. Но должен предупредить тебя – это звание не дает права задавать вопросы, – он помолчал. – Можешь спрашивать меня, но не Геторикса. Ему нужно только повиновение и рот, закрытый на замок. Он не любит тех, кто задает вопросы. Запомни это хорошенько.

Блейд склонил голову и коснулся лба пальцами раскрытой ладони – жестом приветствия, которым, как он видел, пользовались пираты.

– Благодарю, Ярл. Думаю, мы станем друзьями. Но все же я осмелюсь задать еще один вопрос.

Капитан наблюдал за стражами; в эту ночь им выпал нелегкий жребий – не касаться женщины и вина среди соблазнов пьяного разгула. Они томились, измученные скукой и воздержанием. Из зала долетел новый взрыв криков и смеха.

Ярл нахмурился и искоса взглянул на Блейда.

– Спрашивай – но покороче, во имя Тунора! Эти свиньи прикончат все пиво и вино прежде, чем мы сядем за стол, а сегодня я ощущаю страшную жажду!

Блейд оглянулся на часовых и понизил голос:

– Когда вы брали замок, и я первый раз увидел Краснобородого, мне показалось, что рядом с ним была женщина. В белом плаще – таком, какие носят друсы. Женщина с серебряными волосами. Мне приснилось, Ярл? Или глаза не обманули меня?

Капитан отступил на шаг. Лицо его, гладко выбритое, с правильными чертами, омрачилось. Серые глаза теперь смотрели недружелюбно из-под нахмуренных бровей.

– Ты замечаешь слишком много, Блейд, и спрашиваешь лишнее. Советую тебе в последний раз – прекрати! Иначе нам не бывать друзьями, а мне бы этого не хотелось. Идем, наконец!

Блейд улыбнулся.

– Значит, она там была, – тихо шепнул он. – Женщина из ордена друсов... Друзилла...

Возможно ли это? Он никогда не верил в реальность снов.

Ярл, казалось, потерял интерес к этой теме. Пожав плечами, он шагнул в зал, предоставив принцу Лондонскому следовать за ним. На пороге он обернулся; губы его едва шевелились, но Блейд ясно расслышал обращенные к нему слова:

– Друзилла – это титул, не имя... титул главы всех друсов. Я не могу сказать, Блейд, видел ли ты ее, я и сам ничего не знаю... И не хочу больше слышать об этом! Теперь идем... и постарайся сдерживать свой язык, иначе у нашей дружбы будет короткая жизнь.

Блейд шел за ним, убежденный, что Ярл скрыл большую часть правды. Ему стало ясно, что нужно соблюдать крайнюю осторожность – на каждом шагу и на каждом слове он рисковал провалиться в трясину. Но образ прелестной среброволосой женщины, фантом или реальность, преследовал его. Он снова видел поляну в лесу, блеск золотого меча, содрогание жертвы. Он не мог отделить действительность от сна, не мог припомнить, всплыла ли эта картина из дремотного виденья, или он на самом деле блуждал в дубовой роще вокруг священного костра друсов. Но он знал одно: это лицо, обрамленное прядями серебряных волос, будет преследовать его вечно.

Шум и краски огромного зала быстро вернули Блейда к реальности. Его встретили

пьяные крики, мечущийся свет факелов, запахи еды и вонь грязных тел двух сотен мужчин, которые орали, пели, смеялись, храпели, уронив косматые головы в лужи вина, или с хохотом поливали им друг друга. Под ногами носились собаки, рыча, хватая обглоданные кости или чью-нибудь руку или лодыжку. Длинные столы ломились от гигантских блюд с мясом и вместительных бочонков с вином. Кайры, которых Блейд увидел в первый раз, наливали мужчинам пенящийся напиток в кружки и огромные рога. Все они, как описывал Сильво, были крупными, пышными женщинами, единственным одеянием им служили короткие полупрозрачные юбочки. Подобного обилия колыхающейся обнаженной розовой плоти, груди, бедер и ягодич, Блейду еще не приходилось лицезреть. Головы женщин украшали кожаные шлемы с небольшими металлическими рожками, из-под которых выбивались пряди густых соломенных или рыжих волос. Почти у всех были голубые глаза, полные, румяные щеки и огромные груди – что, повидимому, вызывало особый восторг у пиратов Краснобородого. Пока женщины разносили вино, они, не стесняясь, давали волю рукам, звонко шлепая по пышным ягодицам и оглаживая внушительные талии своих подруг. Время от времени какойнибудь вояка позволял себе более смелые жесты, за что награждался оплеухой, способной проломить дубовую скамью. Однако Блейд заметил, как мужчины один за другим скрывались с женщинами в многочисленных боковых проходах. Вернувшихся их компаньоны по застолью встречали хохотом и солеными шутками.

Ярл, к удивлению Блейда, смотрел на женщин с отвращением. Пока слуги в железных ошейниках с выбитой эмблемой Геторикса провожали их на место, капитан недовольно пробормотал, кивнув на разгульное воинство.

– Наше дурачье зовет их походными женами. Шлюхи... Так было бы точнее. Но Геторикс убежден, что эти девки приносят пользу и не хочет от них избавляться.

Им указали место за небольшим столом на некотором расстоянии от трона Беаты, где восседал Геторикс. Это являлось еще одним сюрпризом. Блейд посмотрел на Краснобородого, чья пламенеющая голова возвышалась над спинкой тронного кресла. Вождь разговаривал со своими офицерами, сидевшими вокруг огромного стола, что стоял рядом с тронном. Если Краснобородый и заметил их появление, то не подал вида; он часто прикладывался к рогу с пивом и мрачно прислушивался к болтовне своих людей. Просторный малиновый плащ окутывал его огромное тело, на голове сверкала золотая корона – обруч, обвитый змеями. Как и раньше, густая борода была заплетена в две косицы, перевитые цветными лентами. Время от времени Краснобородый поглаживал ее ладонью, перебирая косички или поправляя ленты.

Пожалуй, что пора действовать, решил разведчик спустя некоторое время. Во всяком случае, этот момент был, для начала, ничем не хуже любого другого. В его планах Ярлу отводилась определенная роль, хотя капитан и не являлся конечной целью Блейда. Он заметил, что Ярл уже опустошил большой кувшин вина и взялся за следующий, видимо, капитан любил крепко выпить.

Притворившись рассерженным, Блейд недовольно проворчал.

– Не ожидал я, что буду сидеть за отдельным столом! Ты знал про это? Мы что – отверженные! Мы недостойны есть и пить рядом с великим воителем, который украшает лентами свою бороду словно молодая потаскушка?

Он сказал это, не скрывая презрения. Кружка дрогнула в руках Ярла и рубиновый напиток выплеснулся на стол. Капитан, раскрыв рот и выпучив глаза, уставился на Блейда. Возможно, он питал излишнюю страсть к вину, но пока выпил явно недостаточно, чтобы переварить услышанное.

– Что с тобой, Блейд? Говори тише, ради Тунора! Ты хочешь сгубить себя и своего слугу? Ты еще многого не понимаешь!

Блейд упрямо возвысил голос

– Ты прав, кое-что мне неясно. Я думаю, что вчера завоевал право сидеть на почетном месте! Я – воин! Почему же со мной не обращаются так, как положено?

Ярл оставил в покое кружку и отхлебнул большой глоток вина прямо из кувшина, лицо

его покраснело. Он встревоженно посмотрел на Блейда, потом огляделся по сторонам. Казалось, ни Краснобородый, ни офицеры за его столом не замечают, что гость нарываяется на скандал.

– Проявляй терпение, Блейд, – капитан опять потянулся к кувшину. – Ты еще не знаком с нашими обычаями. Тебе оказана честь... большая честь... Я, первый помощник Геторикса, его правая рука, составляю тебе компанию. Я буду твоим наставником, пока не кончится срок твоего испытания. Клянусь почками Тунора, Блейд, твои манеры должны измениться к лучшему, иначе мы опять скрестим клинки. Повторяю, мне этого не хотелось... ты нравишься мне, чужак.

Блейд тоже испытывал симпатию к Ярлу, и сейчас он отчаянно нуждался в друге. Но – каждому свое! Один довольствуется титулом правой руки, другой хочет добратся до головы. Поскольку прочие капитаны не обращали на разведчика никакого внимания, ему оставалось одно разыграть ссору с Ярлом, чтобы продолжить ее с Краснобородым.

Презрительно нахмурившись, Блейд процедил сквозь зубы:

– Похоже, ты набиваешься мне в друзья... Но я-то совсем не уверен, что стану дружить с человеком, который носит юбку и посылает ее, – тут он посмотрел на свои голые колени, – в подарок своим приятелям.

Рука Ярла дрогнула, когда он поднял свою кружку.

– Ты проявляешь невежество и нетерпимость, пришелец, но я постараюсь примириться с этим. В тех местах, откуда я родом, юбка – почетная одежда.

– Может быть, – снисходительно заметил Блейд, – хотя приходится верить тебе на слово.

Ярл наклонился над столом, и лицо его смертельно побледнело.

– Клянусь бородой Тунора, Блейд, ты заходишь слишком далеко! Я должен стать твоим товарищем но не собираюсь терпеть...

Разведчик, краем глаза наблюдая за Краснобородым, заметил, как голова гиганта повернулась к ним. За его столом наступила тишина; офицеры замолчали и взгляды их также обратились к нарушителю спокойствия. Блейд снова повысил голос:

– Не понимаю, зачем ты призываешь Тунора, – он презрительно фыркнул. – Что, у вас нет своих богов, и вы одолжили их у альбов?

Ярл улыбнулся, и на мгновение напряженность оставила его.

– Все боги для нас равны, – сказал он. – Мы клянемся их именами когда и где хотим. И если мы захватываем чужую страну, то мы захватываем и ее богов. – Он склонился ближе к Блейду. – У меня нет богов, принц. Боги – для простонародья, которое нуждается в них. Я – нет. – Он улыбнулся, коснувшись руки Блейда. – Давай выпьем и забудем все, что было сказано. И веди себя осторожнее... Позже ты поблаговаришь меня за этот совет.

Блейд ощутил укол совести. Ярл так искренне старался остаться его другом! И все же ему придется использовать капитана, так расположенного к нему, чтобы затеять ссору с Краснобородым. Это нужно было сделать сейчас, немедленно, на виду у всей пиратской вольницы. Он должен бросить вызов Геториксу – и в такой форме, чтобы его нельзя было проигнорировать или ответить тайным ударом ножа в спину. Единственный шанс, на который он мог рассчитывать, заключался в открытом оскорблении главаря оскорблении, ставящим под угрозу честь и храбрость Краснобородого.

Поэтому он продолжал разговор с Ярлом в повышенном тоне и со скептической усмешкой на лице.

– Ты удивляешь меня, Ярл. Почему ты стараешься подружиться со мной? Что ты хочешь выгадать? Я заметил, насколько ты выше и умнее этого сброда, – Блейд пренебрежительно обвел рукой переполненный зал. – Мне кажется, ты человек ученый. Готов спорить на оба уха Тунора, что ты владеешь искусством чтения и рунического письма, а прочим оно недоступно. И, если я прав, тебе наверняка приходится быть и писцом, и казначеем при этом неуче, которого зовут Краснобородым. Ты женат на его сестре? Значит, таким способом ты вошел в доверие к нему?

Очевидно, последние слова, сказанные достаточно громко, донеслись до трона Краснобородый поднялся, возвышаясь, словно колосс, над столом. Он сверкнул глазами на Блейда и махнул рукой:

– Приведите ко мне этого человека!

Ярл одним глотком допил вино, не глядя на своего скандального сотрапезника. Капитан уже изрядно опьянел, но слова выговаривал четко и, видимо, не потерял ясности ума

– Я умываю руки! – произнес он. – Ты достиг своей цели, чужестранец. Я знал, что ты не собираешься ссориться со мной – тебе был нужен Краснобородый. Что ж, желаю тебе удачи. Пусть Тунор защитит тебя! Да, его защита будет нелишней – как и всех прочих богов, которых ты можешь призвать в помощь.

Один из сидевших за столом Краснобородого, воин в великолепном плаще и шляпе с серебряным острием, встал, подошел к Блейду и схватил его за плечо:

– Ты слышал, что велел наш вождь? Иди!

Блейд двинулся к трону уверенным шагом, скрывая холодок тревоги в груди. Пока все шло так, как задумано. Он достиг определенного успеха, поставив Геторикса в положение, которое могло подтолкнуть главаря к поединку.

Однако, размышлял Блейд, шагая к трону, пока все это только предположения. Пока конфликт не слишком серьезен. Правда, он не собирался медлить и был готов подкрепить свой первый успех нужными словами, а слова делом. Он не колебался, хотя понимал, что может еще хитростью или ловкой ложью погасить ссору и выкрутиться из беды.

По мере того, как он приближался к большому столу, Краснобородый вырастал, словно горный пик, нависший над равниной блюд, кувшинов и чаш. В сердце разведчика шевельнулся страх. Не слишком ли далеко он зашел? Сможет ли выполнить задуманное? Но, сбившись только на один шаг, Блейд глубоко вздохнул, стряхивая холодные оковы сомнения. Он прошел слишком большой путь и не желал отступать; он не мог примириться с меньшим уделом, чем жаждала его душа.

Пираты, словно ощутив возникшее среди главарей напряжение, прекратили пить, есть и буйствовать, обратив взгляды в сторону тронного кресла. В огромном зале воцарилась тишина; только вскрик женщины, которую ущипнул кто-то из пьяных головорезов, на мгновение нарушил ее. Блейд остановился перед креслом с высокой спинкой.

Геторикс остался стоять. Блейд не поклонился. Их взгляды встретились острые, как кинжалы – и в этот момент они поняли все без слов. Для них двоих не было места ни в замке Крэгхед, ни на кораблях пиратской флотилии.

Маленькие холодные глаза Краснобородого походили цветом на блеклую голубую бирюзу; он поигрывал вплетенными в бороду лентами, неторопливо разглядывал Блейда от подошв до макушки. Потом он заговорил – и голос его, негромкий, но резкий, – был подобен отдаленному раскату грома.

– Ты ссоришься с Ярлом, чужеземец?

Блейд, положив руки на пояс, сузившимися глазами посмотрел в лицо гиганта.

– Не с ним, Краснобородый. С тобой!

Словно порыв ветра прошелестел под сводами огромного зала.

Предводитель пиратов кивнул, накручивая на палец рыжую косичку.

– Да ну? И почему же, чужеземец? Разве с тобой плохо обращались?

Блейд лихорадочно обдумывал ситуацию. Он начал беспокоиться. Не собирался ли Краснобородый, догадавшись, что его подталкивают к схватке, протянуть время и каким-нибудь образом избежать поединка? Конечно, потом он сведет счеты с бунтовщиком – когда у того не будет даже малейшего шанса на победу.

Он понял, что должен действовать решительно и поторопить события. Без насмешки, но с оттенком презрения в голосе, разведчик сказал:

– Да, ты прав, со мной хорошо обращались, но этого мало. Я – не твой подчиненный, я принц Лондонский. Я – воин и вождь, и привык властвовать над людьми. – Он сделал паузу,

потом показал на кресло за спиной Геторикса. – Ты сидишь теперь здесь, Краснобородый. Я тоже имею право занять это место, но думаю, что трон недостаточно велик для нас обоих.

Маленькие голубые глаза мигнули. Гигант поиграл ленточками в бороде, затем жестко усмехнулся, обнажив десны с почерневшими зубами.

– Ты – воин, чужеземец, и доказал это в бою. И сейчас, до твоей смерти, я готов признать тебя принцем – принцем Лондонским, как ты утверждаешь. Наверно, ты в самом деле принц, Тунор видит, ты говоришь достаточно смело – даже для принца. И ты говоришь прямо, это нравится мне. Я – простой человек, который не знает рун. Для этой работы у меня есть Ярл. И Ярл сражается за меня, когда надо, а он – великий воин. Самый лучший и самый храбрый, хотя порой ведет себя как ученый писец.

– Я вызвал тебя, не Ярла, – сказал Блейд.

Руки Геторикса походили на медвежьи лапы – как у тех зверей, чьи черепа раздробил Айскалп прошлым утром. Его пальцы снова коснулись бороды, перебирая ленточки. Он явно наслаждался этой сценой, и Блейд внезапно ощутил беспокойство. Ярл уже намекал ему – есть вещи, которых он, чужеземец, еще не понимает. Не считал ли Геторикс себя непобедимым? Вождем и героем, избранным богами?

Краснобородый не спешил. Уставившись на Блейда холодными голубыми зрачками, он медленно произнес:

– Я велел подвесить эту шлюху, королеву Крэгхеда, в клетке на стене ее замка. Голой, без одежды, под ветром и дождем. Она будет страдать много дней, пока не сдохнет... – он сделал паузу. – Ты не боишься подобной судьбы, принц Лондонский? Пока еще я здесь король.

Голос Блейда, громкий и четкий, прозвенел вызовом боевого горна, раскатившись под сводами зала:

– Недолго тебе оставаться королем, Краснобородый, если ты поступишь так со мной. Ты станешь трусом, уклонившимся от честной схватки! Я вызвал тебя открыто, перед всеми людьми, как подобает воину. Я не знаю ваших обычаев, но готов поставить свою жизнь против твоей, что есть одинаковый для всех закон: вождь должен ответить на вызов и доказать свое право на власть.

Глубокий вздох раздался в зале, шорох, шарканье ног – и Блейд понял, что выиграл этот раунд. Он достал из-за пояса черную жемчужину и поднял ее вверх, зажав двумя пальцами так, чтобы видели все. Это была самая большая жемчужина, размером почти с голубиное яйцо, и она сверкнула в дымном свете как слеза демона. Сохраняя бесстрастное выражение лица, но вложив в свои слова едкую насмешку, Блейд произнес:

– Я слышал, что в твоих краях очень ценят такие безделушки, Краснобородый... Говорят, за них можно купить целое королевство. У меня их много. Если ты боишься биться со мной, то, может, продашь мне своих людей и свою власть?

Это было слишком. Возмущенный рев прокатился по залу, но сам Краснобородый молчал, рассматривая Блейда злобными маленькими глазками. Затем он усмехнулся, всколыхнув огненной бородой, – с видом человека, который не может проиграть. Из-за столов, вместе с грохотом рогов и кружек, неслось:

– Убей его Краснобородый!

– Хватит болтать... покажи нам его сердце и печень!

– Он имеет право на вызов... дай ему то, что он ищет – смерть!

Геторикс поднял руку, требуя тишины. Когда зал уgomонился, он тихо отдал какой-то приказ одному из офицеров. Тот пошел к выходу; минуя Блейда, он задел его краем плаща и злобно усмехнулся.

Краснобородый ткнул пальцем в разведчика.

– Ты говорил, принц Лондонский, и я терпеливо тебя слушал. Теперь выслушай меня. – Он снова смерил его с ног до головы холодным взглядом. – Я благодарен тебе, ибо ты сделал трудный вопрос простым. Речь идет о женщине, о Талин, дочери Бота Северного. Она сказала, что обручена с тобой и вы вступите в брак, когда вернетесь к ее отцу. Это правда?

Чертова девчонка! Но сейчас не время раздумывать над ее словами. Он сам приказал Сильво и Талин подыграть ему при необходимости, и теперь должен поступать так же. Блейд кивнул.

– Да, правда. Но не уводи дело в сторону, Краснобородый, – он поднял вверх черную жемчужину. – Ты будешь сражаться со мной или заключим сделку?

Геторикс протянул огромную руку и вынул жемчужину из пальцев Блейда. Одно мгновение он изучал сверкающее черное яйцо, затем швырнул его в толпу. Раздался звон сброшенной со стола посуды, сверкнули кинжалы, яростная схватка возникла и кончилась, словно вспышка пламени в гаснущем костре.

– Вот на что она годится, твоя игрушка, – сказал Краснобородый. – Я не люблю черный жемчуг; мне нужен белый – принцесса Талин. Но ты верно сказал: у нас есть свои законы. И насчет женщин они особенно строги. Если вы обручены, то я не могу отнять ее – только через твой труп! Что ж, она того стоит... И когда я тебя убью, она будет принадлежать мне! Все по закону – даже король Вот не скажет ни слова против, потому что в его землях действует такой же закон. Ярл говорил мне. – Краснобородый усмехнулся и огладил бороду. – Да, я благодарен тебе, принц Блейд. Я не мог убить тебя изза угла и не мог бросить вызов из-за женщины – наши обычаи не одобряют такие вещи. Но ты облегчил мою задачу. Я убью тебя и заберу твою женщину, она сама будет следить за поединком и скажет Воту правду, если тот спросит.

Геторикс повернул голову, и Блейд проследил за его взглядом. К трону шла Талин, которую сопровождали четыре кайры. На мгновение разведчик застыл на полувздохе, пораженный, не способный вымолвить ни слова. Никогда он не видел Талин такой прелестной, такой величественной и такой бледной. Кайры причесали и красиво уложили ее золотистокаштановые волосы, закрепив их лентой на лбу. На маленьких ногах Талин пламенели башмачки из пурпурной кожи, а гибкое девичье тело облегал желтый шелк длинного платья, схваченного на талии красным пояском.

Она шла – и платье металось, шелестело, то падая свободными складками, то обтягивая бедра и колени. Стан ее казался невероятно тонким, а груди, колыхавшиеся под тугим шелком – полнее и больше, чем представлялось Блейду. Талин увидела его, и замерла, подняв одну руку к влажным алым губам, а другую положив на грудь. Она смотрела на Блейда блестящими карими глазами, и в них светилась любовь и бился страх – страх за него.

Ее губы были подкрашены, веки подведены, и Блейд, с внезапной яростью подумал, что Краснобородый велел нарядить и приготовить девушку для себя. Словно он, Ричард Блейд, уже валялся в кровавой луже на полу.

Талин протянула к нему руку, губы ее беззвучно шевельнулись, но кайры подтолкнули девушку к креслу рядом с троном. Разведчик отвернулся. Ей придется смотреть, придется вынести муки ужаса; он избавил бы девушку от страшного зрелища, но это было не в его власти.

Краснобородый внимательно наблюдал за ним. Перед троном уже сдвигали столы, расчищая место для схватки.

– Ты бросил мне вызов, – сказал Краснобородый, – и я имею право выбора оружия.

– Да, – кивнул Блейд. – Сам я буду сражаться топором. Пусть его принесут.

Геторикс улыбнулся, огненная борода зашевелилась, ленточки затрепетали.

– Незачем, – он покачал головой, – я выбираю это!

Он поднял вверх обе ладони. Пожалуй, они побольше медвежьих лап, решил Блейд, и вдвое больше его собственных.

Рев восторга поднялся в зале. Пираты предвкушали редкое развлечение. Блейд понял, что им уже доводилось видеть, как эти руки душили, разбивали черепа, ломали ребра... Он напряг волю, приказывая ей подстегнуть медлительную память. Когдато, в другом, почти забытом мире, он умел убивать голыми руками... Это назывались... как?... дзюдо?... каратэ! Да, конечно! Он был мастером каратэ и убивал человека одним ударом... Сможет ли он вспомнить нужные приемы?

Краснобородый снял плащ, рубаху и швырнул их в сторону. Теперь предводитель пиратов был обнажен до пояса, и сердце Блейда сжалось. Ему, крупному, сильному мужчине, не раз встречались люди еще более рослые и могучие, но никогда прежде он не видел подобного тела. Торс Краснобородого казался почти нечеловеческим, похожим на застывшую бронзовую статую, отлитую в мастерской неведомого скульптора. Кожа, потемневшая под лучами солнца и морскими ветрами, бугрилась гигантскими мускулами. Его плечи были гораздо шире, чем у Блейда, бицепсы – вдвое большего обхвата, ноги, перевитые сухожилиями, выглядели как дубовые стволы.

Разведчик напряг память. Он сжал вытянутые пальцы правой руки, превратив ладонь в рубящее лезвие. Да, все правильно! Прикоснувшись краем ладони к бедру, он сквозь плотную ткань кильта почувствовал твердость мозоли, что тянулась от кончика мизинца к запястью. Это ощущение словно приоткрыло шлюзы памяти. Правая рука – топор из плоти... несокрушимый, смертоносный!

Но он еще многое должен вспомнить. Захваты и броски... удары по нервным узлам... множество грязных приемов уличной драки, которыми он когда-то владел в совершенстве.

Блейд снял кожаную безрукавку, стянул тунику и сунул одежду шагнувшему к нему человеку. Повернув голову, он заметил, что Ярл низко склонился над столом, уткнув взгляд в кружку с вином. Он посмотрел на Талин. Девушка сидела в кресле, напряженно вытянувшись; лицо ее было белым, как мел. Блейд заметил, как дрожат ее пальцы на подлокотниках, как в углу прикушенного рта алеет капелька крови.

Краснобородый вышел на середину расчищенной площадки. Блейду показалось, что размерами она напоминает боксерский ринг. Бокс? Мысли медленно ворочались у него в голове. Может ли бокс чем-нибудь помочь ему?

Краснобородый поднял руку, требуя тишины.

– Боги любят шутить, – сказал он, – и ни один человек не знает, что они решат. Я, Геторикс, прозванный Краснобородым, говорю: если мне придется потерять мою жизнь и мою власть – значит, так суждено богами и так должно быть. Тогда вы должны признать своим вождем этого человека, – огромный палец Геторикса указал на Блейда. – Вы подчинитесь ему, а Ярл станет его учителем и наставником.

Блейд усмехнулся, признав незаурядный ум противника. Краснобородый сделал все, чтобы прослыть справедливым, создать легенду о своем благородстве. Это ему очень пригодится в случае объяснения с Вотом. Конечно, он не думал о поражении – он считал соперника уже трупом.

Краснобородый опустил руку и посмотрел на Блейда. Тот напряг мышцы, потом заставил себя расслабиться. Он попытался составить план схватки. Каратэ! Слово опять всплыло в его памяти. Удары ногами... Когда-то он хорошо владел этим искусством...

Краснобородый усмехнулся Блейду и махнул рукой виночерпию.

– Последнее, принц Лондонский, – мы должны выпить чашу смерти. Таков наш обычай.

Виночерпий наклонил кувшин и рубиновая струя хлынула в чашу. Блейд протянул руки и принял ее белый, как алебастр, череп, украшенный золотыми рунами. В челюстях скалились зубы – огромные, превосходно сохранившиеся. Блейд пил – и череп, казалось, хохотал над ним.

Виночерпий снова наполнил чашу и протянул ее Краснобородому. Гигант высоко поднял череп и громко рассмеялся, наполнив громовыми раскатами замерший зал.

– Он принадлежал Тайту Клыкастому, – сказал Геторикс и, опрокинув в глотку вино, швырнул череп слуге. – Последнему человеку, бросившему мне вызов.

Глава 12

Краснобородый шагнул к Блейду; его руки, широко расставленные в стороны, казались лапами гризли. Блейд медленно отступал, маневрируя, уклоняясь; он знал, что любой ценой

должен избежать смертельных объятий врага. Если эти чудовищные руки сомкнутся вокруг его тела, ребра треснут; Геторикс просто раздавит его.

Никогда еще ему не приходилось играть роль Давида. На Земле, в прошлой жизни, его рост и сила давали огромное преимущество в любой схватке. Теперь он понял, что испытывал Давид, оказавшись перед Голиафом – огромным Краснобородым Голиафом с маленькими злобными глазами.

Гиганту, очевидно, надоело ловить верткого противника; он ринулся вперед, взмахнув огромным кулаком. Блейд нырнул под его руку, почувствовав холодное дуновение воздуха на виске, и ответил сильным ударом правой в живот, едва не вывихнув себе кисть. Казалось, его кулак врезался в стальную плиту.

Он проворно скользнул в сторону, от столов, к которым его едва не прижал Краснобородый. Гигант ухмыльнулся и, развернувшись, снова двинулся к Блейду. В глазах его разгоралось злобное веселье.

– Что с тобой, принц Лондонский? – насмешливо спросил он. – Ты никак не можешь остановиться? Не хочешь сражаться? Но ведь не я затеял ссору, верно?

Блейд не ответил; сейчас он нуждался в каждом глотке воздуха, который мог попасть в его легкие. Ему было ясно одно: он должен победить быстро или вообще не надеяться на победу. Этот гигант не знал усталости и мог сражаться всю ночь и весь день. Хитрость, быстрота плюс превосходство в технике – если удастся вспомнить приемы рукопашного боя – только в этом заключалось преимущество разведчика. Отступив назад, он заметил на ближайшем столе чашу-череп, насмешливо скалившую зубы. Ему не хотелось, чтобы Краснобородый пополнил свою коллекцию – на этот раз его головой.

Геторикс снова ринулся вперед, ударив одновременно обеими руками. Один кулак задел плечо Блейда, отбросив его футов на десять в сторону. Пираты вскочили на ноги; раздался рев, подобный грохоту морского прибоя. Они требовали крови! Краснобородый бросился за Блейдом, вытягивая ужасные руки, пытаясь схватить его. В последний миг разведчик восстановил равновесие и нанес два молниеносных удара в усмехающееся бородатое лицо. Память и рефлексy хорошо послужили ему, он не планировал сознательно защиту, но руки двигались почти инстинктивно. Хук левой и убийственной силы удар прямой правой. Оба удара пришлись точно по подбородку противника.

Боль пронзила его кисти, прокатилась почти до самых плеч. Краснобородый нахмурился, словно подобные комариные укусы только раздражали его, и шагнул вперед. Подпрыгнув в воздухе и развернувшись вправо, Блейд нанес удар ногой. Прием каратэ, который внезапно всплыл в памяти, смертоносный, способный проломить череп. Его пятка рассекла бровь гиганта, и по дубленой коже щеки потекла струйка крови.

Краснобородый рассмеялся:

– Туно́р меня побери! Он дерется словно лагерная девка – лягается ногами и наносит едва заметные удары кулаком. В чем дело, принц? Я знаю, ты – воин, я сам видел это; но сейчас ты сражаешься не так, как положено мужчине. Давай, принц! Схватимся грудь о грудь – и увидим, кто из нас сильнее!

Но как раз этого Блейд пытался избежать. Он снова взвился в воздух и ударил ногой в огромный волосатый живот. Бесполезно. Несколько сильнейших крюков слева и справа, прямой в подбородок – никакого впечатления. Краснобородый стоял крепко, как дуб, лишь с подбородка на рыжие пряди стекала струйка крови. Руки у Блейда начали уставать, он слишком много сражался в последние дни. Он почувствовал, как сердце заledenело, и это было много хуже всего остального. Паника... Страх... Он не может победить! Задача оказалась невыполнимой. Его противника нельзя отнести к роду людскому, это автомат с плотью из бронзы и мускулами из железа.

Внезапно Краснобородый рванулся к нему так стремительно, что почти захватил врасплох. Огромные руки, скользкие от пота, обхватили ребра разведчика и начали смыкаться на спине.

– Ага, – вскричал Краснобородый, – сейчас мы услышим, как трещат твои кости!

Маленькие голубые глаза холодно мерцали над пламенеющей бородой, Блейд понял, что его конец близок. И, как раньше, не сознательное усилие, а инстинктивная память и рефлексy спасли его – та часть мозга и нервной системы, которую не затронуло воздействие компьютера. Он откинулся назад, ударив пальцами в глаза Краснобородого и, одновременно, коленом в пах. Этого оказалось недостаточно; Геторикс замотал головой, но руки гиганта продолжали сжиматься, и Блейд почувствовал, как треснуло его ребро. Он схватил одну из перевязанных лентами кос и дернул изо всех сил.

Он вырвал волосы с корнем; искаженное окровавленное лицо маячило перед его глазами. Краснобородый издал рев боли и ярости – казалось, разгневанный мамонт трубит под холодным северным небом, готовясь к атаке. На мгновение его хватка ослабла, и Блейд выскользнул из чудовищных клещей.

Отскочив назад, он взмахнул своим трофеем и заговорил – впервые с начала схватки.

– Вот твои любимые ленточки, вождь. Иди сюда! Попробуй забрать их!

Геторикс бросился в атаку словно обезумевший бык, которому показали красную тряпку. Его гордость была задета, его тщеславию нанесли урон! Теперь он жаждал лишь одного – смять, раздавить, уничтожить этого ничтожного выскочку, стереть его в пыль!

Блейд шагнул в сторону, подставил ногу противнику и хлестнул его по лицу косой. Ярko-рыжие волосы, туго сплетенные в жгут почти трехфутовой длины, были похожи на извивающуюся змею. Новая картина всплыла в его памяти и он понял, как убьет Краснобородого.

Но действовать надо быстро, очень быстро! Блейд чувствовал, что усталость овладевает им; грудь его тяжело вздымалась, ноги дрожали – в то время как бурное дыхание врага было, скорее, признаком ярости, чем утомления.

Краснобородый споткнулся и упал на колени. С презрительным видом Блейд пнул его пониже поясицы и вытянул косой вдоль спины. Зрители взревели – их кумир, великий Геторикс, подвергся неслыханному поношению! Его пинали в зад как раба!

Краснобородый вскочил на ноги. Рана, нанесенная его гордости, была неизлечимой. Он бросился на Блейда, уже ничего не соображая от ярости и жажды убийства, его огромное лицо налилось кровью, глаза бешено вращались. Он мчался вперед, как боевой слон, как таран, одушевленный заклинанием мага.

Блейд опять скользнул в сторону, успев хлестнуть косой по глазам Краснобородого. Ребром правой руки он, словно лезвием топора, рубанул по шее противника, пролетевшего мимо. Никакого результата! Краснобородый встряхнул головой, развернулся и, зарывав, снова двинулся на соперника. Ярость туманила его разум и взгляд, и в новом стремительном броске он не заметил подставленную ногу Блейда. На этот раз Краснобородый растянулся на полу во весь рост, рухнув с такой силой, что на столах зазвенела посуда. Его голова врезалась в стоявший поблизости бочонок с вином, на мгновение гигант был оглушен.

Такой шанс мог больше не представиться! Блейд прыгнул. Миг – и он очутился на широкой спине великана, обвил тугой шнур рыжих волос вокруг его горла и затянул узлом на затылке. Краснобородый, задыхаясь, приподнялся; теперь Блейд сидел на нем верхом, обхватив ногами мощные ребра и обеими руками закручивая узел. Коса все глубже и глубже врезалась в толстую шею Геторикса, инстинктивно хватаясь за нее пальцами, рыжий Голиаф не мог сбросить Давида. Содрогаясь всем телом и раскачиваясь на коленях, гигант пытался ослабить удавку. Его рот был широко раскрыт, язык вывален наружу, как у издыхающего пса, но он все еще цеплялся за скользкий волосяной шнур. Во имя Тунора, этот человек обладал неистребимой волей к жизни!

Блейд, откинувшись назад, затягивал петлю все туже и туже. Теперь Краснобородый согнулся, лицо его почернело, в агонии мотая головой, он боролся за один глоток драгоценного воздуха. Его огромное тело отказалось расставаться с жизнью, оно сотрясилось, передавая свою смертельную дрожь сопернику, отчаянно цеплявшемуся за концы удавки.

Наконец Краснобородый нашел правильное решение, но было уже слишком поздно.

Оставив попытки сорвать петлю, он завел за спину огромные руки, и пальцы его сомкнулись на лодыжках Блейда. Последним чудовищным усилием он попытался разорвать врага пополам. Блейд, стиснув зубы от боли, напрягая каждый мускул, сопротивлялся из последних сил. Руки его, продолжавшие закручивать волосяную удавку, онемели и потеряли чувствительность – но только смерть могла разжать скрюченные пальцы.

Внезапно все кончилось. Огромное тело рухнуло на пол, ладони скользнули с лодыжек Блейда и, дернув ногами в последней конвульсии, Геторикс по прозвищу Краснобородый, предводитель морских разбойников и гроза альбийского побережья, растянулся в полный рост около винного бочонка. Мертвый!

Ричард Блейд, сам скорее мертвый, чем живой, пошатываясь, поднялся на ноги, оставив косу обернутой вокруг шеи врага. Каждая мышца, каждый нерв его изнемогающего тела молили о пощаде, требовали покоя, милосердного забвения, сна. Или смерти? В эти последние безумные мгновения он не был уверен, кто победил, кто умер, а кто остался в живых. Он чувствовал огромное желание сомкнуть веки и покончить с мучительной пыткой.

Но дело требовалось довести до конца. По мере того, как дыхание его выравнивалось и шум в голове затихал, он начал понимать, что произошло. Он, Ричард Блейд, стал теперь королем морских разбойников! Вождь Геторикс Краснобородый мертв – да здравствует вождь Блейд, принц Лондонский!

Он стоял, покачиваясь, над телом мертвого гиганта. В огромном зале царила тишина.

Блейд поднял руку и произнес на удивление сильным и громким голосом:

– Теперь я – ваш вождь! Ярл будет моим первым капитаном. Вы все должны подчиняться его слову – так же, как моему.

Он посмотрел вниз, на труп Краснобородого, еще не совсем уверенный, что одолел такого великана.

– Похороните этого человека достойно, как подобает воину. Ярл проследит, чтобы ему отдали последние почести. Я приказываю!

Внезапно человек, сидевший за столом около винного бочонка, прыгнул на него с пронзительным воплем ненависти и горя. В дымном тусклом свете мелькнул длинный кинжал, и Блейд почувствовал резкую боль, когда лезвие вошло в его плоть.

На дрогнувших ногах он шагнул вперед, пытаясь найти какое-нибудь оружие, кровь стекала по его спине. Руки Блейда шарили по столу, когда противник опять ринулся на него. Он упал грудью на стол и, истекая кровью, перекатился на спину, чтобы встретить нападающего лицом к лицу. И тут начал действовать Ярл.

Сквозь кровавую пелену накатившего полузабвения, Блейд успел увидеть, как Ярл с гневным криком бросился к человеку с кинжалом. Его меч описал сверкающий полукруг, со свистом опустившись на шею пирата. Безголовое тело какое-то мгновение еще держалось на ногах, кровь фонтаном била из обрубка шеи, кинжал прилип к окровавленным пальцам. Голова, упавшая в бочонок с вином, плавала в пурпурной жидкости, уставившись в потолок выпученными глазами.

Блейд чувствовал, как погружается в сон, во тьму забвения. Но теперь, когда желанный покой снизошел к нему, он страшился его тихих холодных объятий. То, что овладевало его разумом и телом, не было сном – смертельное оцепенение подкатывало к сердцу. Он попытался заговорить, но услышал лишь сдавленный хриплый стон. Он падал куда-то вниз, в пропасть, в темный бездонный колодец.

Внезапно сильная рука подхватила его. Ярл, все еще сжимая окровавленный меч, смотрел на Блейда. Губы капитана шевельнулись, слова приходили к разведчику словно бы с безмерно далекого расстояния. Он почувствовал горечь – возможно, то была последняя вспышка сражающегося с небытием сознания. Сделать так много, пройти так далеко, бороться с обстоятельствами столь достойно и закончить свою жизнь здесь, среди пьяного сборища головорезов...

Голос Ярла звучал то затихая, то усиливаясь, будто ветер, гудевший в каминной трубе. Блейд едва понимал смысл слов – но то, что удалось расслышать, было ясным. Он должен

умереть.

– Олыг – сын Краснобородого – кинжал отравлен – мы не знаем противоядия, господин. Но мы попытаемся – попытаемся – попытаемся... Тут есть жрица – жрица друсов – о которой ты говорил – возможно, она... она... она...

Голос Ярла исчез, лицо его потускнело, исчезая во мраке. Блейд усмехнулся, удивляясь, что вызвало эту улыбку. Он ведет себя как последний глупец! Ему всегда была ненавистна мысль о смерти и, в глубине души, он боялся ее... почему же теперь он улыбается?.. Сейчас, когда уже слышит поступь вечности... чувствует ее ледяную ладонь на лбу...

Талин... Сильво, бедняга... Что будет с ними?

Затем он провалился во тьму.

Глава 13

Десять дней упрямый и буйный ветер задувал с северо-востока, разбросав пиратские суда, словно осенние листья, по Западному морю.

Ричарду Блейду, в дневном полусне-полубреду и в ночных кошмарах, чудилось, что он находится в колыбели, которую раскачивает гигантская рука. Рана его воспалилась, и жизнь Блейда висела на волоске, поддерживаемая только горьковатым отваром, что давала ему среброволосая жрица друсов – та, которую он в своих снах звал Друзиллой.

Ее настоящее имя было Канаки. Она назвала его Блейду в одну из редких минут бодрствования, перед тем, как он в очередной раз выпил теплую горькую жидкость, погружавшую его в состояние полусна. В каком-то дальнем уголке сознания билась мысль о том, что лекарственное питье, которое дает ему жрица, борется с ядом, спасая его жизнь. Он походил сейчас на корабль в бурном море – такой же, как уносившее его вдаль судно, беспомощное перед морскими волнами, слишком слабое, чтобы сопротивляться урагану. Блейд тоже не мог сопротивляться. И – не хотел; таким, по-видимому, было действие коварного зелья. Мозг его словно погрузился в спячку, воля и разум дремали, могучие мускулы казались бессильными, словно тело было набито ватой.

То был первый день на борту корабля или, возможно, пятый – Блейд потерял чувство времени, – когда он смутно ощутил ее присутствие. Жрица регулярно навещала его, всегда с кувшином горьковатого отвара, наблюдая за тем, чтобы сознание не вернулось к нему полностью. Блейд, одиноко блуждавший в океане боли, каждый раз приветствовал ее появление. Горькое зелье означало, что жжение в боку и ужасные судороги, сотрясавшие его тело, на время отступят.

Прохладная ладонь на лбу. Нежные, гладкие, как шелк, пальцы.

Горьковатый вкус на губах, тряпка, отжатая в кувшине с холодной водой, умеряющая жар горящую плоть... Потом она сидела рядом с неуклюжей койкой, держа его за руку и рассматривая своими топазовыми глазами, в которых вспыхивали золотистые искорки. Белый капюшон был откинут назад, волосы серебряным водопадом спадали на плечи, и Блейд не мог отвести взгляд от ее прекрасного лица. В такие моменты ему было все равно: жить или умереть.

Белое одеяние скрывало ее груди, однако раненый, вспоминая свой сон среди сарумвилских болот, знал, как они тверды и холодны. Но он был слишком слаб, чтобы коснуться их рукой.

Из ложбинки между грудями она доставала золотой медальон с резным изображением лунного серпа, заключенного в орнамент из дубовых листьев. Он свисал с ее молочно-белой шеи на тонкой цепочке из золота. Длинные пальцы с окрашенными голубым ногтями играли с медальоном, мягко раскачивая его взад и вперед над лицом Блейда. Он следил глазами за маленьким блестящим диском, словно за маятником часов, отсчитывающих секунды его жизни.

Она всегда начинала одинаково, одними и теми же словами, низким звучным голосом.

– Я – Друзилла, повелитель Блейд. Это – мой титул, не имя. Меня зовут Канаки. Друзилла – глава над всеми друсами в этой стране и в тех странах, что лежат за морем...

В первый раз на этом месте Блейд шевельнул губами, пытаясь что-то произнести. Но прохладная, надушенная рука коснулась его рта, и больше он не делал таких попыток. Теперь уже он не хотел говорить; он жаждал лишь слушать этот журчащий хрустальный голос, похожий на отзвуки небесного хора – голос, который перечислял его грехи и отпускал их, обещал в будущем счастье, покой и наслаждение – самое величайшее наслаждение, которое он когда-либо испытывал. Блейд жил ради этого наслаждения и с трепетом ждал его; и оно приходило – каждый раз перед тем, как Друзилла удалялась к себе на долгие ночные часы.

В тот день – он не знал, что пошли уже десятые сутки странствий, и что шторм начал стихать – она начала в обычной манере. Она произносила те же самые слова, никогда не меняющиеся, словно хотела навечно запечатлеть их в памяти раненого. Золотой медальон раскачивался перед глазами, и зрачки Блейда безучастно следили за ним. Внезапно смутное воспоминание кольнуло его; он почти понял, что жрица делает с ним. Это называлось...

Усилие разума было слишком тяжелым, и Блейд утомленно прикрыл глаза. Тонкий палец с голубым ногтем коснулся его века, приказывая им подняться. Она продолжала говорить тихим, монотонным голосом, словно читала привычную молитву:

– Ты убил жрицу друсов, повелитель Блейд. Доказательств нет, но они не нужны, когда обвиняет Друзилла. Но я не обвиняю, хотя уверена, что ты виновен. Ты убил старую жрицу в лесу, около священной поляны. За это ты заслужил смерть – смерть после мучительной пытки. Никто не спасет тебя, никто не поможет тебе, никто не укроет тебя – потому что никто не смеет бросить вызов друсам.

Но это останется нашим секретом, повелитель Блейд. Только нашим – и принцессы Талин, но она еще ребенок и не собирается вредить тебе. Никто не узнает, что ты убил жрицу друсов, и тебе не грозит ужасная кара – до тех пор, пока мы понимаем друг друга.

Блейд снова прикрыл глаза, и опять она легким касанием пальцев заставила его приподнять веки. Маленький блестящий медальон продолжал раскачиваться, притягивая его взгляд, подчиняя волю. Боль исчезла, и сейчас он плыл на волнах эйфории, предчувствуя наслаждение. Скоро... совсем скоро она кончит говорить и сделает ЭТО!

– Последнее время в Альбе были большие волнения... во всех королевствах, в доменах Беаты и Ликанто, и за проливом... А теперь в землях Вота... Нашлись люди, которые осмеливаются, впервые от начала мира, открыто поносить друсов... выступать против них. Ужасный грех, повелитель Блейд! Его нужно вытоптать с корнем!

Медальон продолжал раскачиваться словно маятник.

– Но для этого нужны воины, много воинов. Наше же владение – умы людские, чудесная власть над разумом и мыслями... Я хотела использовать Геторикса, прозванного Краснобородым, как карающую руку друсов... Но ты убил его, повелитель Блейд... и ты гораздо умнее Геторикса. Тебе и предстоит занять его место, Блейд. Видишь, я не называю тебя повелителем потому что мы будем равны, ты и я... Я стану править умами людей, ты – их телами... править силой, если нужно. Ты запомнишь это... скоро ты будешь здоров и выполнишь то, что я велю... исполнишь мои планы. Никто, кроме нас двоих, не узнает об этом... никто не узнает, что связывает нас. Ты станешь верным последователем друсов, повелитель Блейд... И, убежденный в своей правоте, сделаешь все, не сомневаясь и не испытывая нужду понять, почему ты поступаешь так, а не иначе. Ты забудешь все, что я говорила в эти дни...

Маятник медальон качался, вытягивая остатки воли.

– Ты станешь супругом принцессы Талин, если захочешь. Я не против. Тогда легче будет управлять ее отцом, упрямым королем Вотом. Это важно... очень важно! Мне нужна поддержка. Он уважает нас, но не боится Должен бояться... Ты займешься этим в грядущие месяцы и годы, Блейд. Большой труд... нельзя все сделать легко и быстро, ты понимаешь... Но это будет сделано!

Ее голос всегда усиливался, крепчал на последних словах Блейд, пожирая взглядом прекрасное лицо, видел, как сурово сжимаются пунцовые губы, и иногда ему чудилось, что золотой меч пронзает его грудь. Но это не имело значения. Ее молитва-заклинание близилась к концу... значит, скоро наступит миг наслаждения.

Однако в последний день Канаки добавила кое-что новое.

– Море становится спокойным, – сказала она, – корабли собираются вместе. Через день другой, когда ты почувствуешь себя много лучше, флот достигнет порта Боурн. Ты высадишься там со своими людьми и пойдешь в земли Вота. В Боурне мы расстанемся; я направлюсь на север одна и встречу тебя в королевстве Вота и все будет так, как я говорила. Но встреча наша будет тайной и тайного смысла будут полны наши слова. Хотя теперь ты рука друзей, нас не должны видеть вместе... не должны обнаружить нашу связь. Запомни это – и выполняй мои приказания, никому не открывая секрета.

Медальон качался взад и вперед, взад и вперед Блейд прикрыл глаза, зная, что пальцы ее больше не коснутся его век. Ибо наступал долгожданный миг.

Тишина. Ее нарушал лишь постепенно замирающий скрип досок корабельной обшивки; море успокаивалось, и теперь корабль мягко и плавно покачивался на волнах. Шли минуты. Затем, как обычно, он услышал ее участившееся дыхание. Оно стало хриплым и прерывистым, словно каждый глоток воздуха давался ей с огромным трудом... И Блейд, не подымая век, знал, что рот ее широко раскрыт, и голова откинута назад.

Она взяла его руку и положила меж своих бедер, слегка прижав ладонью. Пальцы Блейда ощущали трепет упругих мышц под нежной кожей и шелковистый треугольник венерина бугорка. У нее были длинные стройные ноги, их теплая округлая плоть пряталась под белой накидкой. Она плотнее сдвинула колени и склонилась над ним; теперь Блейд чувствовал ее горячее дыхание на своем виске.

В такие минуты она находила иные слова – разные, не похожие на те, которые сопровождали мерные колебания маятника-медальона.

В один из дней она сказала:

– Друзы тоже женщины!

В другой:

– Ты подобен божеству!

Сегодня она шептала что-то – так тихо, что Блейд почти ничего не слышал. Она опустилась на колени около его ложа.

– О, повелитель, если бы так можно было зачать ребенка, я хотела бы носить твое дитя!

Блейда раскачивали дурманные волны наслаждения. К наркотическому снадобью, овладевшему его телом и волей, добавлялся сладкий яд ее губ. Он не мог сдерживать лихорадочную дрожь, и его экстаз подстегнул возбуждение среброволосой жрицы. Это было колдовство, древняя чувствительная магия, и Блейд, достигнув вершины наслаждения, уже не знал, человек ли его странная возлюбленная или ведьма-суккуб, упивавшаяся его жизненной силой. Но, бесспорно, она являлась мастером в подобном виде любовного искусства – в этом он не сомневался. И когда способность мыслить опять возвращалась к нему, он думал о том, что выполняемый ею ритуал, вероятно, каким-то образом связан с религией друзей. Ибо Канаки отвергла бы иные таинства любви – даже если бы он снова был здоров и силен.

Она не скрывала этого.

– Мы, жрицы друзей, можем любить мужчин только так. О том, что происходит между нами, женщинами, ты не должен знать – как и любой другой человек. Лежи спокойно, повелитель Блейд; пусть все злые духи покинут твое тело. Они не страшны для меня, ибо я – Друзилла!

В этот день – десятый день плавания – Блейд, погружаясь в темное забытие, видел ее в последний раз. В последний раз губы и пальцы Друзиллы по имени Канаки ласкали его; в последний раз золотой медальон раскачивался у его лица. Он знал, что над ним творили зло, но его это не тревожило. Он понимал, что ему спасли жизнь, чтобы использовать потом для

каких-то тайных целей, но и это тоже оставляло его равнодушным. Алые губы Канаки улыбнулись ему, и она повторила слова, которые он уже слышал однажды:

– Ты подобен божеству!

И покинула его – как всегда, не обернувшись.

Блейд погружался в сон, напрягая свой оцепеневший, застывший разум. Что она делает с ним? Он должен бороться... должен... должен...

Усилие оказалось слишком тяжким; он заснул. Наверху, на палубе, хлопнул, расправляясь, большой квадратный парус. Уже много дней, пока штормовые волны играли кораблем, его голая мачта угрюмо возносилась к серому небу. Теперь парус набрал ветер, ткань натянулась, и судно стало повиноваться рулю. Пираты испустили торжествующий крик. Если ветер продержится, через пару дней они будут в Боурне, на твердой земле, где их ждет добыча, еда и выпивка.

Но Ярл, железной рукой правивший своей буйной командой, только покачал головой. Он ничего не знал о планах Блейда. Он даже не был уверен, жив ли еще новый вождь или его остывшее тело скоро поглотят холодные воды Западного моря.

Вначале люди не выражали недовольства; ужасный шторм разбросал корабли и приходилось напрягать все силы, чтобы удержаться на плаву. Хвала Тунору, только пять судов из двадцати пропали! И на них не было особых ценностей, поэтому никто не горевал о погибших, кроме родственников и друзей.

Но буря стихала, и на кораблях поднялся недовольный ропот. Как всегда, нашлись бойкие языки, готовые доказать всем и каждому, что нелепо плыть на север и потом маршировать по суше до владений Вота, когда добычу можно найти гораздо ближе. Например, в Сарум Виле. Не самый богатый народ, конечно, но и не бедный. Лучше взять то, что лежит под носом, чем пускаться в долгое и опасное плавание в северных водах. Ну, а Боурн... Что такое, в сущности, Боурн? Нищая рыбацья деревушка!

У Ярла были свои методы справляться с недовольными. Дюжину он выпорол, троих протасил под килем и, наконец, вздернул на мачте негодяя, который посмел пререкаться с офицером. Ропот заглох – вернее, переместился в кубрик, подальше от глаз капитана.

Ярл стоял с принцессой Талин на крохотном мостике, когда мимо прошла среброволосая жрица. Глубоко надвинутый капюшон скрывает лицо, кувшин со снадобьем, которым она лечила Блейда, прижат к груди... Она ни с кем не разговаривала, ни на кого не глядела. Капитан и девушка наблюдали, как повелительница друсов скрылась в своей маленькой каюте на корме.

Они переглянулись. Талин, в теплой накидке, с вьющимися по ветру прядями каштановых волос, выглядела недовольной. За время путешествия они с капитаном стали добрыми друзьями, и если девушка имела особое мнение на счет того способа, которым Ярл зарабатывал на жизнь, она старалась держать его при себе.

– Я должна увидеть Блейда, Ярл, – сказала Талин. Сегодня ночью. И ты мне поможешь.

Ярл не выразил особой радости от этого предложения.

– Невозможно, принцесса... Ты же знаешь ее приказ! Пока она лечит Блейда, никому не дозволяется видеть его. Я не смею нарушить ее волю.

Золотисто-карие глаза Талин сердито сверкнули.

– Ха! Вы все ее боитесь! Трясетесь перед ней! И еще называете себя мужчинами!

Ярл задумчиво погладил свой бритый подбородок и усмехнулся уголком рта.

– Да, принцесса. Мы боимся... мы все боимся... А ты?

Талин не глядела на него, и капитан подумал, что она вотвот заплачет.

– Конечно, – наконец шепнула она, – я тоже боюсь. Я не храбреей любого из вас...

– Мои люди не трусы, – произнес Ярл. Но когда дело касается этих... – он мотнул головой в сторону каюты на корме. – Даже меня, принцесса, не верящего ни в богов, ни в демонов, они пугают... Сам не понимаю, откуда у них такая мощь... такая власть над людьми... Они обладают силой, очень большой силой, – Ярл задумчиво уставился в палубу. – Ведь Блейд еще жив, не так ли? А наши лекари не могли помочь ничем – только

молились Тунору и просили его милости. Жалкое зрелище!

– Я тоже молилась Фригге, – нахмурилась Талин. – Что ж, готова признать, что эта женщина спасла ему жизнь. Но я не доверяю ей... она слишком красива для жрицы!

Ярл, умудренный жизнью, улыбнулся:

– И слишком долго остается наедине с мужчиной, за которого ты собираешься выйти замуж – так, принцесса?

Талин бросила на него холодный взгляд.

– Это неважно. Жрицы друсов приносят обет безбрачия. К тому же, Блейд вовсе не обязан жениться на мне... – она помолчала. – Там, в Крэгхеде, я все выдумала, чтобы помочь ему. Мне казалось, что Краснобородый не посмеет пойти против моего отца. Я... Ну, ладно, не будем обсуждать то, что прошло! Мне нужно увидеть Блейда и сказать ему, что я думаю о мужчине, который позволил ударить себя кинжалом!

Ярл поправил шлем с серебряным шпилем и, защищаясь от пронзительного ветра, запахнул плащ.

– Будь терпеливой, принцесса... и благодарной. Ведь Блейд жив – как бы ты к нему не относилась! Не думаю, чтобы она солгала... А если так, то скоро мы будем в Боурне и двинемся в земли твоего отца... если я смогу удержать в узде своих головорезов.

В карих глазах сверкнул огонек, и Ярл ощутил некое смутное беспокойство.

– Терпение – именно то, что проповедуют друсы, – произнесла Талин. – Конечно, когда это служит их целям. Они говорят, что терпение – великая добродетель, и каждый, кто терпелив и проявляет смирение, будет вознагражден... – Девушка сделала паузу, потом гневно махнула рукой: – Но хватит с меня их поучений! Что ж, Ярл, ты можешь не участвовать в этом деле. Я все сделаю сама.

Она посмотрела на дверь каюты, за которой скрылась жрица с серебряными волосами, и Ярлу не понравилось выражение, промелькнувшее в ее глазах.

Глава 14

Блейда разбудил солнечный луч, упавший на его лицо сквозь открытый иллюминатор. Друзилла никогда не делала этого – их встречи происходили при свете масляной лампы, направленной вонючим жиром, или при свече. Сейчас сияние золотистого солнца и соленый запах моря наполнил тесную каюту. Он чувствовал себя лучше – гораздо лучше, чем в предыдущие дни. Голова стала ясной и, хотя он был еще слаб, ничего не осталось от подавляющей волю летаргии, властвовавшей над ним в последние дни.

Сильво, открыв второй иллюминатор, состроил жуткую гримасу, в которой Блейд распознал улыбку. С косоглазым слугой произошла разительная перемена: он был чист, выбрит и наряжен в новую одежду ярких цветов.

Сейчас он протягивал Блейду огромную деревянную миску с каким-то пахучим варевом; затем сунул ему оловянную ложку, предварительно вытерев ее о рукав.

– Похлебка из зайца, хозяин. Вчера мы высаживались на берег, чтобы разжиться съестным – во время шторма запасы подошли к концу. Ну, я смастерил силки и поймал зайца. Попробуй, хозяин, и скажи, как на твой вкус. Когда-то я был неплохим поваром.

Блейд отхлебнул варева. Оно оказалось восхитительным, и неожиданно разведчик почувствовал, что голоден как волк. Теперь, когда способность трезво мыслить вернулась к нему, он припомнил, что жрица кормила его только корабельными сухарями, размоченными в воде.

Он ел похлебку, наблюдая за Сильво. Тот был взволнован, очень доволен и слишком много болтал.

– Ты прекрасно выглядишь, хозяин... если учесть, что едва не попал в загробные чертоги Тунора. Да, ты никогда еще не был так близок к смерти! На кинжале, который Олыг воткнул тебе в ребра, был яд, очень сильный яд! Наверно, этот ублюдок Краснобородого любил отца или жаждал власти, раз попытался тебя прикончить.

Перед мысленным взором Блейда промелькнуло видение головы, плавающей в бочонке с вином. Он проглотил последнюю ложку похлебки и с сожалением вздохнул.

– Убедил, мошенник – ты и впрямь превосходный повар! Теперь скажи-ка мне – как ты сюда попал и где жрица с серебряными волосами?

Сильво вытащил откуда-то пурпурный плащ, что достался Блейду от Хорсы, и продемонстрировал хозяину.

– Смотри, какой он красивый! Я почистил его и починил золотое шитье. Топор тоже в порядке – у меня сводило пальцы целый день, пока я наточил его. Но я не смог притащить топор сюда... понимаешь, хозяин, руки у меня были заняты... Эта похлебка, да еще твоя чистая одежда...

Блейд уперся локтями в койку и сел. Он чувствовал, как от пищи, солнца и воздуха к нему возвращаются силы. Он сурово посмотрел на Сильво.

– Я задал вопрос – так отвечай! Пожалуй, у меня хватит сил, чтобы выбраться из постели и устроить тебе хорошую взбучку! Где жрица, что ухаживала за мной?

Глаза Сильво разбежались в разные стороны. Он отступил на несколько шагов, все еще держа в руках плащ и чистые штаны. Потом его задумчивый взгляд поднялся к потолку, и Блейд понял, что слуга сейчас соврет. Он взревел:

– Ну, парень, скорее! Говори... и я хочу слышать правду!

– Правда, хозяин, в том, что я ничего не знаю. Никто не знает! Она исчезла. Ее не было в каюте сегодня утром; ее служанка – из послушниц друсов – прибежала к капитану, заливаясь слезами и крича, что госпожа ночью вывалилась за борт. Она хотела, чтобы Ярл повернул корабль и обыскал море... – Сильво фыркнул.

Блейд пристально разглядывал слугу. На этот раз он не был уверен... Возможно, мошенник лгал, но утверждать это наверняка не стоило.

– И что же? Ярл повернул назад?

– Нет, хозяин. Он сказал, что это бесполезно, но велел как следует поискать на корабле. Но мы ничего не нашли... – Сильво развел руками, однако на его хитрой физиономии не было и следов сожаления. – Понимаешь, жрица исчезла! И сейчас, когда она не слышит меня, могу сказать, что все мы благодарим Тунора за это. Я сам видел, как капитан Ярл усмехнулся во время молитвы – а ведь он даже не верит в Тунора! Да, хозяин, большая удача, что она свалилась за борт.

Блейд продолжал с непроницаемым лицом рассматривать слугу. Но сейчас, когда он пришел в себя и понял, что с ним происходило, в глубине души он тоже был доволен исчезновением среброволосой жрицы Друзиллы по имени Канаки, предводительницы друсов, верховной жрицы с золотым мечом, прекрасного призрака его снов, дьявольской искусительницы, планировавшей так хорошо и так дальновидно. Теперь она покоилась в холодных глубинах Западного моря... И это было хорошо.

Все же Блейд сказал:

– Она спасла мне жизнь, Сильво.

– Да, хозяин. Я знаю. Мы все знаем. Мы уже провожали тебя к Тунору, когда она пришла – из места, где прятал ее Краснобородый, – и взялась за лечение. Она говорила Ярлу делать то или делать это, и он делал, как было велено. Мы все так делали, потому что боялись и ее, и колдовства друсов. Но теперь это позади, хозяин, и ты снова здоров. А она мертва... Ну, во всяком случае, исчезла куда-то, потому что друсы, как говорят, не умирают подобно обычным людям.

Блейд снисходительно покачал головой. Ему нравился Сильво, этот вор и мошенник, и он не сомневался в его преданности. То, что слуга боялся жрицы, казалось вполне естественным – сам Блейд, в призрачных наркотических снах, тоже испытывал страх перед ней. На мгновение он вспомнил, что она пыталась с ним сотворить, затем выбросил это из головы. Он снова здоров и силен – и больше не испытывает тяги к сладкому наваждению, которое она дарила ему.

– Когда ты говоришь о Ярле, называй его капитаном Ярлом, – сурово заметил он

Сильво. – Такова моя воля. А теперь, мошенник, садись и расскажи мне обо всем, что случилось с тех пор, как я заболел. Не пропускай ни одной подробности. Мне надо войти в курс дела.

Прежде всего рассказ доставил огромное удовольствие самому Сильво, большому любителю поговорить. Он так безбожно приукрашивал события, вдавался в такие детали, что Блейд, сморщившись, как от зубной боли, прервал слугу.

– Я велел рассказывать с подробностями, но не с таким огромным их количеством, – простонал он. – Ты, парень, ошибся в выборе профессии – тебе надо было стать не паршивым воришкой, а великим скальдом, лжецом из лжецов! Я уже совсем запутался. Начни-ка по новой, и излагай события в том порядке, как они происходили, не скачи взад и вперед словно заяц, за которым носятся собаки.

Когда Сильво кончил, Блейд впал в глубокую задумчивость. Он долго смотрел в открытый иллюминатор и, наконец, спросил:

– Значит, прошло десять дней?

– Уже почти двенадцать, хозяин. Ты был очень болен.

Блейд хотел что-то сказать, но потом только кивнул головой. Да. Он был очень болен. Только он знал, насколько сильно. И он не проболтается об этом ни одной живой душе.

Он повернулся к Сильво – осторожно, так как сломанное Краснобородым ребро еще побаливало и задал вопрос, который не мог не задать:

– Ты уверен, что жрица с серебряными волосами действительно сама упала за борт?

Сильво пожал плечами и закатил глаза.

– А что еще могло случиться, хозяин? Ничего странного, на море часто бывают такие вещи. Знаешь, я не моряк, и меня пару дней ужасно тошнило. Так что я думаю, она вышла на палубу подышать свежим воздухом – эти тесные каморки не годятся даже для рабов – и ее смыло за борт. Обычное дело. И будем благодарны Тунору за...

Блейд жестом прервал его.

– Ты сказал, что у нее была служанка? Тоже из друзов, послушница?

Сильво, который выглядел озадаченным, поскреб затылок.

– Да, хозяин, правда. А что?

– Ты слишком много переспрашиваешь, – коротко ответил Блейд. – Отправляйся-ка на палубу и приведи ко мне эту служанку. Только не говори, что ты и ее боишься.

– Боюсь, – подтвердил Сильво с самым серьезным видом, но не так сильно, как ту, среброволосую... Клянусь, каждый ее взгляд словно вздергивал меня на виселицу. Но служанка ничего не знает, хозяин. Бес полезно разговаривать с ней. Она ничего не видела, ничего не слышала и, кроме того, постоянно плачет как самая обычная женщина. Сомневаюсь, что ты добьешься от нее толка.

Блейд уставился на него. Сильво явно не хотел, чтобы он встретился со служанкой.

– Приведи ее ко мне, – резко приказал он, – и без возражений! Иначе, клянусь печенью Тунора, мне придется проверить крепость своих кулаков на твоей шкуре! Нет... останься! Сначала поможешь мне одеться.

Он принял решение мгновенно, ощутив, как возвращаются силы. Итак, настало время приступить к делу. Сильво наложил свежую повязку на рану, которая уже подживала, помог ему натянуть чистую тунику и зашнуровать безрукавку из толстой кожи. Потом слуга причесал Блейду бороду и волосы, подрезав кинжалом несколько прядей, и обул хозяину сапоги. Блейд с удовольствием принял бы ванну, но с пресной водой на корабле было туго.

Под конец Сильво набросил малиновый плащ на его широкие плечи и в восхищении отступил в сторону.

– Ну, хозяин, теперь ты похож сам на себя! Повелитель Блейд, король морских разбойников!

– Да будет так, – пробормотал разведчик, пока мы не доберемся до владений Вота. А теперь приведи ко мне служанку, Сильво. И принеси Айскалп. Я хочу иметь под рукой оружие, когда первый раз выйду на палубу.

Сильво помедлил, потом кивнул головой.

– Да, хозяин, так будет лучше. Команда – шайка отпетых мерзавцев, и капитану Ярлу все труднее держать их в подчинении. Они знают, что в Боурне нет никаких сокровищ, что королевство Вота слишком сильное, и путь туда далек... и что в Альбе можно найти добычу полегче. И это правильно, потому что...

Блейд уже крепко держался на ногах. Он шагнул к Сильво, сжав огромный кулак.

– Я дал тебе приказ, парень! Ты что, шутишь со мной? Хочешь заговорить зубы? – он поднял руку.

– Нет, хозяин, уже иду, – Сильво поспешно попятился к двери. – Но лучше тебе не делать этого... ты будешь сожалеть, уверен... если только сам я не являюсь еще большим глупцом, чем мне кажется.

Блейд остался один, размышляя над последним загадочным замечанием слуги. Он так и не пришел к определенному выводу, когда Сильво, открыв дверь, пропустил в каюту старую послушницу друсов и сбежал, не сказав ни слова.

Женщина спокойно стояла у порога, сложив на груди натруженные руки. Она была худенькой, с сутулыми плечами, но глаза ее, умные и живые, настороженно смотрели на Блейда. И никаких признаков истерии в них не наблюдалось. Еще одна ложь Сильво, подумал разведчик.

Он предложил ей сесть, но получил отказ. Сухим невыразительным голосом женщина сообщила, что предпочитает стоять; она не сводила с Блейда изучающего взгляда.

– Ты знаешь, кто я?

– Да, повелитель Блейд, – она склонила голову.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты говорила правду. Понятно?

– У меня нет причин лгать, повелитель Блейд.

– Иногда такая причина может появиться у любого из нас, – сурово возразил он. – Теперь расскажи мне, что произошло с твоей госпожой, с Друзиллой, верховной жрицей друсов. С среброволосой женщиной, которая ухаживала за мной. Что ты знаешь?

– Не много, – сказала женщина, – но все же больше, чем другие. – Она так стиснула руки, что суставы пальцев хрустнули.

Блейд нахмурился и перестал расхаживать по каюте.

– Мне не нужны загадки, – холодно бросил он.

– Я ничего не скрываю. Я знаю больше других только потому, что никто меня ни о чем не спрашивал. Ты – первый, повелитель Блейд. Остальные верят, что моя госпожа, верховная жрица, упала за борт. Они не осмелились расспросить меня.

Блейд забрал в кулак свою черную бородку и окинул женщину пронзительным взглядом.

– Говори! Что ты можешь сообщить?

– Друзилла не упала за борт сама. Глубокой ночью кто-то пришел и постучал в нашу дверь. Я уже засыпала, поэтому ответила Друзилла. Но стук разбудил меня; я лежала неподвижно и слушала шепот у дверей. Мне не удалось разобрать слов, но я поняла, что посетитель просит госпожу выйти на палубу. Что-то срочное и очень важное... Она взяла накидку, покинула каюту и уже не вернулась. Это все, что я знаю, повелитель Блейд... Думаю, моя госпожа не упала в море – ее толкнул тот, кто пришел ночью и шептался с ней у двери. Может быть, ее сначала убили; может быть, нет... Но теперь она мертва. Это я знаю точно.

Блейд вспомнил золотой меч, лезвие которого пронзило бьющуюся, охваченную ужасом девушку, страшные приготовления к трапезе у костра... Неожиданная боль пронзила его, словно в мозгу вспыхнул разряд молнии. Он пошатнулся и оперся о стену – ошеломленный, с гудящей головой. Внезапно в памяти всплыли слова: «Посеявший ветер пожнет бурю». Откуда это? Казалось, еще немного – и он вспомнит, вспомнит...

Старая послушница уставилась на него.

– Ты болен, повелитель?

Все кончилось. Блейд, нахмурившись, потер лоб. Как странно! На мгновение в его голове словно бушевал ураган, а тело казалось легким, как перышко...

– Ничего, – угрюмо ответил он, – просто боль в висках. Я долго лежал в темноте и, вероятно, солнце напекло голову... Но вернемся к нашим делам. Тот человек, что пришел ночью... ты узнала голос?

– Нет.

– Но был ли то мужчина... или женщина? Ты можешь сказать?

– Нет, повелитель. Они говорили слишком тихо. И я не могу сказать, кто шептался с госпожой у двери – мужчина или женщина.

Блейд с минуту смотрел на нее, поглаживая бородку.

– Иди, – произнес он наконец, – и никому не рассказывай о нашей беседе. Я сам займусь этим делом.

– И накажешь виновного, повелитель Блейд? Кем бы он не оказался – мужчиной или... женщиной? – в голосе ее прозвучали сомнение и насмешка.

– Увидим. Я же сказал, что займусь этим делом. Иди. – Он отвернулся к иллюминатору.

Едва женщина покинула каюту, как раздался стук в дверь. Настроение у Блейда испортилось, и в эту минуту он не хотел никого видеть. Поэтому его отрывистое «входи» прозвучало не слишком дружелюбно.

На пороге появилась принцесса Талин, ее гибкие тело юной нимфы окутывал толстый плащ, предохранявший от сильного ветра, золотисто-каштановые волосы были распущены. Золотая лента перехватывала лоб – в точности так же, как при их первой встрече в лесу. Она была в высоких сапожках, короткое платье открывало круглые колени с ямочками. Под солнцем и вольным морским ветром ее нежная кожа покрылась бронзовым загаром.

Девушка склонила головку к плечу с едва уловимой насмешкой в карих глазах. И тут же они стали такими ясными и невинными, что Блейда охватили сомнения. Он не доверял ей в подобные моменты, слишком явная демонстрация искренности означала, что готовится какая-то каверза. К счастью, подумалось ему, эта девочка еще не научилась искусно лгать. Он вспомнил, как Талин глядела на него в минуту опасности – тогда в ее глазах сияли любовь и обещание.

– Я хочу принести дань почтения новому властелину морей, – торжественно промолвила она, и сказать, что рада видеть тебя живым, повелитель Блейд. Я молила мать Фриггу о твоём здравии.

Блейд неопределенно хмыкнул. У этой девушки было в запасе не меньше фокусов и трюков, чем красок у хамелеона.

– Повелитель Блейд? Что-то мы слишком почтительны сегодня, а?

Она снова поклонилась.

– Как и подобает бедной девушке в присутствии великого властелина и воина. Даже если она дочь настоящего короля и знала этого властелина и воина, когда он носил штаны, содранные с пугала.

– Ты пришла ссориться, Талин? – Блейд нахмурился. – Со мной? Едва я вернулся к жизни? Но почему?

С минуту она не отвечала. Шагнув к койке, девушка принялась расправлять покрывало, под которым Блейд метался в темном забытии столько мучительных часов. Он смотрел на гибкое тело своей маленькой принцессы, склонившейся над постелью, и вспоминал их первую ночь в лесу, около ручья, когда в поисках защиты от холода она трепетала в его объятиях. Он почувствовал желание со странной примесью непривычной для него нежности.

– Я не собираюсь ссориться, – сказала наконец Талин. Теперь она, словно танцуя, двигалась по крохотной каюте, что-то переставляла, прибирала. – Я пришла объяснить тебе.

– Объяснить? Что, принцесса?

– Почему я не ухаживала за тобой во время болезни. Я пыталась, но та жрица с серебряными волосами... она говорила со мной только один раз и запретила приближаться к тебе. Я испугалась, Блейд... я дочь Бота, лишилась мужества...

– Ярл тоже боялся, а я вовсе не считаю его трусом, – улыбнулся Блейд – И все остальные на корабле... Ну, так что же? Она мертва, а я – жив... и забудем об этом.

Он бросил на Талин внимательный взгляд. Что-то слишком она суетится... мечется по каюте, передвигает вещи... выбрасывает в иллюминатор мусор... Внезапно девушка замерла, потом повернулась к Блейду и кивнула головой:

– Да, все прошло. Я забуду... Завтра мы будем в Боурне, оттуда – четыре дня до владений отца и... и... тут есть один вопрос, Блейд...

– Говори, – произнес он, все еще внимательно наблюдая за ней.

Лицо девушки залилось румянцем, проступившим через золотистый загар.

– Я сказала Краснобородому, что мы обручены... Я думала, это поможет нам... тебе... Думала, он оставит нас в покое... Я не знала, что он сам... сам... захочет меня.

– Любой мужчина захочет тебя, – сказал Блейд с нежной улыбкой. – Ты очень красива, Талин. И очень молода... тебе еще многое предстоит узнать. Я буду рад, когда мы, наконец, окажемся в твоей стране... где ты вернешься к безопасной и счастливой жизни. А то, что ты сказала Краснобородому... что ж, благодарю тебя. Я знаю, ты пыталась помочь мне. И, слава Тунору, все кончилось хорошо.

На губах девушки появилась вымученная улыбка.

– Я тоже рада... Ты правильно понял меня, Блейд... Ты не должен думать, что я могу навязываться мужчине... вешаться ему на шею... У меня столько поклонников, что я не имею нужды просить бродягу в рваных штанах жениться на мне!

Перемены в ее настроении начали раздражать разведчика, но он постарался сдержать гнев. Сложив руки на груди, он холодно произнес:

– Сдается мне, эти штаны не дают тебе покоя. Хотя я...

– Ты! Ты! – выкрикнула девушка. Хотя бы раз за эти десять дней ты мог бы послать за мной! Или за своим слугой-висельником! Мы так боялись... Мы не знали, жив ли ты... Я чуть не умерла, пока... – Она внезапно замолчала и отвернулась, чтобы Блейд не увидел ее глаз. – Теперь я начинаю думать, что смерть никогда тебе не угрожала... Ведь сама верховная жрица лечила тебя! А ты не говорил ей, Блейд, как убил одну из ее сестер той ночью в лесу?

– Не говорил, – коротко ответил Блейд. – Она сама сказала мне об этом. Откуда же она все узнала, Талин? Ты не проболталась кому-нибудь? О том, что мы видели в их священной роще?

Ее глаза расширились в неподдельном изумлении

– Я? Проболталась? Блейд, ты все еще считаешь меня дурочкой или несмысленным дитем! А я ни то, ни другое! – Она с возмущением вздернула круглый подбородок. – Я ничего не говорила... Никому! Клянусь матерью Фриггой, это правда!

– И все же она знала... – задумчиво проговорил Блейд.

– Знала? – протянула Талин с подозрением. – И ты еще жив? – Губы ее сжались. – Да, такое мне и в голову не приходило... ведь жрицы друсов дают обет безбрачия! Впрочем, я могу ее понять... – девушка окинула Блейда оценивающим взглядом.

– Ничего ты не понимаешь, – резко ответил Блейд. Эта девчонка сумела-таки пробить броню его сдержанности! Он был разъярен и выбрал наихудшую тактику, заявив: – Тебе лучше уйти, принцесса! Благодарю за заботу о моем здоровье, но сейчас я чувствую себя хуже и должен отдохнуть. Если увидишь Ярла, пошли его ко мне... и Сильво тоже.

– У тебя достойные компаньоны, – с горечью сказала Талин, – один – разбойник, другой – тот косоглазый вор! Да, вы хорошо подходите друг другу. Каков хозяин, таковы и слуги – верно сказано!

Резкая боль внезапно пронзила виски Блейда, затем исчезла. Он прикрыл глаза ладонью и тихо сказал:

– Но ведь я спас тебя от людей Беаты – там, в лесу... Я не бросил тебя в руках отравительницы Альвис... сражался с медведями в Крэгхеде, а потом прикончил трех храбрых воинов... Я бился за тебя с Краснобородым и чуть не умер от удара отравленным кинжалом. И все лишь затем, чтобы доставить тебя к отцу...

– Ложь! Ложь! – вскрикнула Талин. – Да, ты сражался – но ради спасения собственной жизни! Ты вернешь меня отцу, но только в надежде на его благодарность! Ты просто обменяешь принцессу Талин на милость и расположение короля Вота. О, конечно, ты – храбрый воин! Но также и великий хитрец... и, тем не менее, слеп, как летучая мышь при свете дня. Говоришь – ты мудрец, и колдун, и принц Лондонский вдобавок? Согласна, ты хорошо умеешь командовать и можешь, когда надо, разыграть мудреца... И все равно, ты глупец... и слепой. Слепой, слепой!

Как ни странно, ее яростная вспышка вернула Блейду самообладание. Он подарил девушке снисходительную улыбку – словно взрослый, прощающий детские шалости, – и небрежно поинтересовался:

– К чему же я слеп?

Талин взялась за спинку стула. Блейд благоразумно отступил назад.

– Не скажу, – резко ответила девушка, – если ты сам не видишь. Но я-то не слепая! Думаешь, мне не известно, как ты добился расположения Беаты? Я знаю, Блейд, знаю! Такие вещи не хранятся долго в секрете. Ты, должно быть, сам чудовище, если сумел ублажить эту ненасытную потаскуху!

Блейд улыбнулся:

– И это я тоже сделал ради тебя, Талин.

Она швырнула в него стул; Блейд пригнулся, и стул, ударившись о стену, разлетелся вдребезги.

Около двери она обернулась, бросив на него злорадный взгляд.

– Мы оставили Беату в клетке – хотя Ярл пощадил ее людей, взятых в плен. Когда я видела ее в последний раз, она молила о смерти... и Ярл, может быть, уступил бы, но я сказала – нет! Надеюсь, она еще жива, Блейд, и страдает. Тебе стоило бы посмотреть на эту ведьму... парик у нее отобрали, и лысая голова мокла под дождем... Должна признать, что с этой среброволосой жрицей ты проявил больше вкуса.

Талин напомнила ему о том, что он хотел бы забыть навсегда. Блейд едва не потерял самообладание во второй раз, но сдержался.

– Ты толкуешь о вещах, в которых ничего не понимаешь, – холодно сказал он. – Я вижу, что был прав... Ты – ребенок, капризный ребенок с телом женщины. Тебя еще нужно воспитывать, и я знаю, как за это взяться, но не собираюсь тратить силы. А теперь уходи, пока я не потерял остатки терпения и не надрал тебе уши! Что твоему отцу стоило бы делать почаще! Убирайся!

– Мне тоже всегда хотелось выпороть тебя, Блейд, – услышал он в ответ. Затем я предполагала снять с тебя кожу, и мысль о виселице тоже приходила мне в голову. Но теперь я знаю, что делать, и когда доберусь домой, займусь этим. Есть человек, Блейд, который желает меня больше собственной жизни. Он придет ко мне, и я ему уступлю... если он тебя прикончит!

Она хлопнула дверью, едва не сорвав ее с петель. Блейд подошел к иллюминатору, стараясь успокоиться и размышляя о том, как ловко эта девица умеет пробуждать худшие стороны его натуры. На корабле были подняты все паруса и, под свежим бризом, он быстро резал зеленоватую воду, пронизанную солнечными лучами. С палубы доносились брань и крики матросов, да заунывный напев рулевого у штурвала. Блейд потер ладонью лоб.

– Человек? Что за человек? О чем, Тунор меня побери, она говорила?

Сильво, перешагнувший порог с секирой в руках, с недоумением уставился на Блейда.

– Человек, хозяин? Не понимаю тебя Какой человек?

Блейд схватил надежную рукоятку Айскалпа и попытался взмахнуть топором. Только теперь он понял, насколько ослаб, пройдет еще немало дней, прежде чем он сможет сражаться.

Сильво скосил на него любопытный глаз

– О каком человеке ты говорил, хозяин? Здесь же никого не было... только принцесса Талин попала мне навстречу. Клянусь Тунором – она выглядела чернее урагана, который

едва не послал нас на дно! Я...

– Прекрати болтовню, – взревел Блейд, и займись делом!

Он швырнул топор в стену, на миг тот повис, дрожа, затем с грохотом упал на пол. Блейд недовольно посмотрел на него.

– Ничего, хозяин, – Сильво выдавил сострадательную улыбку, – твоя сила скоро вернется, словно вода с приливом. Еще пару дней...

Блейд повернулся к нему с таким свирепым видом, что слуга съежился и отступил назад, прикрывая голову руками.

– У тебя есть выбор, – рявкнул Блейд, – замолчать или распрощаться с ухом!

Сильво выбрал молчание, которое его хозяин нарушил, покдая каюту и оставив дверь болтаться на одной петле.

Глава 15

Прошло несколько дней. Ричард Блейд добрался, наконец, в земли славного короля Вота Северного, которыми тот правил из своего имперского города.

Столица была расположена в приятной зеленой долине, в месте слияния двух широких рек, текущих с окрестных гор. Высокие земляные валы, укрепленные камнем, окружали город, перед ними пролегал глубокий ров с крутым контрэскарпом, ошетинившемся наклонно вбитыми заостренными кольями. Вокруг, на крутых холмах, располагались хитроумно замаскированные форты. Повсюду встречались насыпи над свежими могилами и несколько трупов еще гнило на кольях крепостного вала – верное свидетельство того, что какая-то банда морских разбойников уже побывала тут и получила больше, чем рассчитывала.

Когда Блейд высадился в Боурне, приморский городок лежал в руинах, наполненный запахами смерти и гниения. Ему крепко досталось. Ни одна живая душа не приветствовала флот Блейда.

Ярл, осмотрев один из трупов грабителей, сказал:

– Работа Фьодара, сына Тайта. Помнишь, ты пил из его черепа – перед тем, как задушить Геторикса его собственной бородой?

Блейд, прикрыв лицо полой плаща, чтобы защититься от вони, кивнул.

– Они здесь тщательно поработали, клянусь челюстью Тунора! Но зачем? Нищий рыбацкий поселок – много ли с него возьмешь?

Ярл, выглядевший весьма величественно в пурпурном плаще и шлеме с золотым шпилем, пожалованным ему Блейдом, скользнул пальцами по гладко выбритому подбородку.

– Жестокость, и ничего больше. Может быть, они схватили несколько женщин. Фьодар – зверь и безумец; в сравнении с ним у Краснобородого можно обнаружить массу достоинств. Наверно, он отправился в набег на земли Вота; а так как мы с Фьодаром враги, я не прочь прижать его там.

– Мудрое решение, – согласился Блейд. – В воздухе пахнет бунтом; твоим парням нужна хорошая стычка – иначе они начнут грызться между собой, а потом повернут на нас.

Ярл пристально посмотрел на Блейда.

– Они – твои люди, не мои, повелитель. Ты унаследовал их от Краснобородого; я – всего лишь твой помощник.

– Верно. Но это наследство для меня слишком обременительно. Ладно, поговорим об этом в другой раз, а сейчас прикажи выступать.

Поход к городу Вота занял четыре дня. Путь, которым они следовали, отмечали сожженные деревни, трупы повешенных мужчин, тела замученных женщин и детей, скот, перебитый с бессмысленной жестокостью. Жалобы и ропот среди людей Блейда становились все громче, все настойчивей. Им ничего не осталось, сетовали пираты. Ни раба, ни женщины, ни еды... Фьодар начисто обгладывал кость там, где проходили его отряды.

Вечером четвертого дня – наутро они ожидали увидеть столицу Вота – Блейд вызвал Ярла в свою палатку для совещания. Их люди поймали отбившегося головореза Фьодара, решившего пограбить на свой страх и риск. Немного пыток – и он рассказал все, что знал.

Блейда мучило; он велел быстро прирезать грабителя и снова заслужил немало косых взглядов. Его люди жаждали не только добычи, но и развлечений.

На воловьей шкуре была нарисована грубая карта. Блейд собственноручно начертил ее со слов пленника, чью плоть в это время рвали раскаленные щипцы. Теперь они с Ярлом внимательно изучали чертеж.

– Если этот парень говорил правду, Фьодар спрятал свои корабли здесь, в бухте к северу от Боурна, – разведчик ткнул пальцем в карту. – Король Вот наверняка задаст ему хорошую трепку, и Фьодар попытается добраться до кораблей самым коротким путем. Ты согласен?

Ярл склонился над картой, и Блейд впервые уловил идущий от него слабый запах шипра.

– Согласен, – сказал капитан, ведя пальцем по карте. – Когда он разобьет кулаки о стены столицы Вота – города, который никто не смог взять – то побежит к кораблям, бросив своих убитых и раненых. Он всегда так делает в случае неудачи; говорю тебе – Фьодар не человек, а дьявол!

– Возьми людей, – продолжал Блейд, – своих людей, потому что я добровольно передаю тебе мою власть, и выступай сегодня же. Ты должен устроить засаду для Фьодара тут, – при слабом свете лампы с рыбьим жиром Блейд обмакнул кисточку в краску и поставил крестик на карте. Он пользовался письменным прибором друсов, который где-то раздобыл Ярл. – Люди Фьодара будут усталыми и вряд ли смогут долго сопротивляться. Что скажешь, Ярл? Это решит много проблем. Твоим головорезам достанется легкая добыча, и корабли, набитые сокровищами. Думаю, такой случай нельзя упускать.

Капитан поднял голову от карты и посмотрел в лицо Блейду; на губах его играла улыбка.

– Ты прав, повелитель Блейд, это решит много проблем. Вот никогда не впустил моих людей в город, а я сомневаюсь, что смогу справиться с ними, когда они почуют запах добычи и женщин. К тому же, есть шанс свести счеты с Фьодаром... Да, я думаю, твой план хорош. Лучше нам расстаться сегодня, ты пойдешь своим путем, я – своим.

Он встал.

– Прикажу трубачу поднять людей. Они снова будут ворчать... Но когда я пообещаю им голову Фьодара и его богатства, ринутся вперед, как стая голодных псов.

Блейд тоже поднялся и протянул Ярлу руку. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, и Блейд снова уловил слабый аромат духов.

– Ты был мне верным товарищем, Ярл, – сказал он. – Благодарю тебя.

– Я делал то, что подсказывало мне сердце, повелитель Блейд. Я ни о чем не жалею... – рука Ярла вспотела, он явно колебался. – Мне хотелось бы рассказать... рассказать кое-что о себе...

– И что же?

Казалось, Ярл принял решение. Он отдернул руку и поднял ее в прощальном жесте.

– Нет! Теперь это неважно. Желаю тебе удачи, повелитель Блейд! Ты был таинственным странником – и остался им... но пока я не отправлюсь к Тунору, в которого не верю, я буду помнить о тебе.

Таким образом, Блейд достиг владений Вота, сопровождаемый лишь Сильво и Талин. Принцесса ехала на серой лошадке, каким-то чудом оставшейся в живых и найденной в одной из разграбленных деревень. Весь путь Талин надменно молчала, общаясь с Блейдом – при необходимости – через посредство Сильво. Слугу не слишком радовали эти дополнительные обязанности, тем более, что он обзавелся женой и, как с удивлением заметил, Блейд, заметным животиком. Кайра, которую он выбрал, хорошо его кормила.

Эта женщина обладала могучими формами и весила наверняка вдвое больше Сильво.

Густые соломенные пряди спадали на обнаженные плечи и груди, размер которых соответствовал прочим ее габаритам. Хотя кайра шла далеко позади, нагруженная пожитками Сильво, вид ее вызвал недовольство принцессы.

– Вели ей прикрыться, – резко приказала Талин. – Она выглядит как дойная корова! Мы скоро войдем в город, и я не хочу, чтобы на нас глазели из каждого окна.

Сильво замешкался, глядя в землю.

– Моя госпожа... разве ты не понимаешь? Это их обычай – разгуливать в таком виде. Все знают... и никаких неприятностей не будет...

– Делай, что приказано! – сверкнула глазами Талин. – И нечего поучать меня, если не хочешь висеть рядом со своим хозяином, когда придем в город!

Блейд, который шел в нескольких шагах впереди, усмехнулся. Сейчас, когда уже показались шпили и башни столицы Вота, настроение его улучшилось. Боль в голове возникала все чаще, но теперь он понял ее причину и не беспокоился. Это могло означать только одно – лорд Лейтон пытается добраться до него с помощью компьютера и вернуть обратно в земное измерение.

Талин снова обратилась к Сильво:

– Спроси своего хозяина, великого воителя Блейда, не желает ли он висеть на позолоченной веревке – после того, как с него снимут кожу? Его заслуги позволяют рассчитывать на такую почесть.

Блейд едва не расхохотался. Описав над головой круг сверкающим бронзовым топором, он сказал:

– Передай принцессе, что вполне сойдет и простая веревка. Что касается моей шкуры, я прошу только об одном – пусть ее положат перед камином в спальне принцессы, чтобы каждый вечер ее божественные ножки прикасались к бранным останкам Ричарда Блейда.

Сильво, скребя в голове, переводил взгляд с принцессы на своего хозяина и благоразумно помалкивал. Со стороны Талин раздался сдавленный звук – Блейд мог поклясться, что девушка смеется, – но она по-прежнему не смотрела в его сторону.

Их впустили в город через запасные ворота и, после краткого допроса, разделили. Блейда и Сильво проводили в просторную комнату в большом деревянном дворце – впечатляющем сооружении, сверкавшем золотом и пурпуром и украшенном таким количеством шпилей и башенок, каким не мог похвалиться даже Крэгхед.

Главной неприятностью для Сильво была разлука с его кайрой. Он похлопал себя по пухлому животу и сообщил Блейду, принимавшему ванну:

– Она замечательная повариха, хозяин. Клянусь Туном, я никогда так не ел! Конечно, она обладает и другими достоинствами. Но вот что остается загадкой, хозяин: у нее был приятель, мужчина высокого роста и один из самых ловких головорезов, однако она предпочла меня! Меня – не очень красивого и не слишком удачливого! Как ты думаешь, хозяин, почему?

Блейд невозмутимо разглядывал слугу сквозь мыльную пену. Он еле помещался в бронзовой ванне, но, после многих дней странствий, испытывал огромное наслаждение.

– Для меня это тоже загадка, Сильво. Но еще большая загадка – почему тот ловкий головорез уступил ее. С ним что-то случилось?

– Да, хозяин, – отвечал Сильво и начал тереть Блейду спину. – Несчастный случай, видишь ли. Парня нашли мертвым. Я думаю, сердце остановилось.

– И что же было причиной этого?

Сильво плеснул на плечи Блейда теплой воды

– У него в спине торчал нож – такой маленький острый ножик. Не понимаю, где бедняга подцепил это украшение.

Блейд подавил усмешку и попытался придать лицу суровое выражение:

– Ты большой негодяй, парень! И когда-нибудь кончишь на виселице.

– Несомненно, – согласился Сильво с некоторой беспечностью, – несомненно, хозяин, так оно и будет. – Затем он помрачнел: – иногда я сомневаюсь, правильно ли поступил, взяв

эту женщину. Конечно, она замечательная повариха и хороша в постели, но я не могу побить ее! Я пытался – и она чуть не прикончила меня одним ударом.

Блейд, не выдержав, расхохотался.

– Заслуженное наказание! Может быть, это научит тебя не пускать так быстро в дело свой нож.

Сильво выглядел пристыженным, но, тем не менее, весьма довольным собой. Наклонившись, он ловил под ванной мочалку, которую выронил Блейд, и тут что-то блестящее выскользнуло из-за его пояса и с глухим стуком свалилось на пол.

Разведчик повернул голову. В солнечном свете, падавшем сквозь раскрытое окно, на полу мерцал золотой медальон с лунным серпом, запутавшемся в плетении дубовых ветвей. Блейд, обнаженный, роняя хлопья мыльной пены, шагнул из ванны и поднял его. Раскачивая медальон на цепочке, он сурово посмотрел на слугу:

– Откуда это у тебя?

Сильво, поспешно отступив назад, остановился и, не пряча глаз, встретил взгляд Блейда.

– Я нашел его, хозяин! Пусть Тунор поразит меня, если я вру!

– Где! лицо Блейда помрачнело, но он знал, что слуга не лжет. Наверно, то, что он сейчас услышит, совпадет с его собственными догадками.

– На палубе, хозяин. Там, где среброволосая уронила его во время... во время борьбы... Нет, хозяин! Не заставляй меня рассказывать об этом! Все уже позади и какой смысл вспоминать старое? Я хотел скрыть от тебя...

– Я знаю, – кивнул Блейд, – но ты не слишком преуспел, Сильво. Любой болван мог догадаться, что к чему. Я сам могу рассказать тебе эту историю, если хочешь. Была схватка – и среброволосая выронила медальон, когда ее спихнули за борт. Так?

– Да, хозяин. В эту ночь я не мог заснуть в каюте... в этом душном хлеву... Я был на палубе, и они меня не заметили. Но я смотрел и слушал... а потом, когда все кончилось, решил, что имею такое же право на эту безделушку, как любой другой.

Блейд швырнул медальон слуге. Этот предмет был символом времени и событий, о которых он стремился забыть.

– Ты прав, – сказал он Сильво, – медальон твой. До тех пор, пока я не увижу его снова. Я разобью эту штуку, если она снова попадется мне на глаза. А сейчас иди. Дальше по коридору тебе приготовлена комната. Жди там, пока я не позову.

Однако теперь сам Сильво умирал от желания сообщить подробности. Он бросил на своего хозяина лукавый взгляд.

– Разве ты не велишь мне рассказать, кто толкнул за борт эту ведьму?

Блейд показал слуге на дверь:

– Убирайся! Я и так знаю, кто это сделал! Малышка Талин!

– Да, хозяин, все верно. Была такая борьба я думал уже, что...

Блейд шагнул к нему, подняв кулак:

– Вон!

Когда слуга выскочил за дверь, разведчик принялся беспокойно мерить шагами комнату. В глубине души он никогда не сомневался, что это сделала Талин. Ни один человек на судне не посмел бы коснуться друса – тем более, верховной жрицы. Но его маленькая принцесса в соответствующем настроении могла осмелиться на что угодно.

Чтобы выбросить из головы мысли о ней, Блейд попытался представить встречу с королем Вотом. Он уже знал, что вечером получит аудиенцию, во время которой будет осыпан королевскими милостями. И, в свою очередь, приготовил северному властелину царский дар – на прикроватном столике антрацитовым блеском сверкала горсть черных жемчужин.

Интересно, на кого похож этот Вот? Со слов Талин он нарисовал в воображении героическую фигуру времен рыцарей Круглого Стола, настоящего воителя-порфиноносца. Что ж, скоро все станет ясно... Правда, награда за возвращение дочери в отцовские руки уже

не очень интересовала его. Боль в висках все чаще тревожила Блейда, а вместе с ней капля за каплей возвращались воспоминания о прежней жизни. Он предчувствовал, что не задержится в королевстве Вота Северного, и это обнадеживало. Правда, Блейду не раз приходило в голову, что попытки лорда Лейтона вытащить его домой с тем же успехом могут закончиться его гибелью.

Вместе с этой мыслью у него в голове взорвался очередной оглушительный разряд боли. Она была гораздо сильнее, чем раньше; Блейд вскрикнул и в агонии схватился за виски. Ему в череп словно воткнули раскаленный вертел! Шатаясь, он добрался до огромной кровати в углу и провалился в ревущую тьму беспамятства.

Его пробудил тихий стук в дверь. В комнате было уже темно, и Блейд с удивлением понял, что проспал несколько часов. С неменьшим удивлением он отметил, что еще находится во дворце Вота.

Нащупывая путь в темной незнакомой комнате, он подошел к двери и спросил.

– Кто там?

– Это я, Талин...пусти меня скорее, Блейд... – раздался тихой шепот девушки.

Он передвинул засов, и Талин скользнула в комнату словно призрак в белом. Она держала в руке свечу, в тусклом пламени которой Блейд различал лишь мерцание гибкого тела под короткой полупрозрачной туникой, едва прикрывавшей грудь. Он захлопнул дверь, задвинул тяжелый засов и повернулся к девушке.

– Не вижу смысла, принцесса, приходить сюда и стучаться в мою дверь. Я не жрица друсов, и тут не корабль. Или ты собираешься выбросить меня в окно?

Лунный диск, еще недавно зашторенный стремительно несущимися в вышине рваными облаками, внезапно вышел из-за туч, бледный серебристый свет озарил комнату. Талин задула свечу, поставила ее на столик у кровати рядом с горкой жемчужин и подошла к Блейду. Ее широко раскрытые глаза горели возбуждением, золотисто-каштановые волосы беспорядочными прядями падали на обнаженные плечи, кожа отливала лунным блеском. Внезапно она упала на колени и обняла его ноги.

– Ругай меня, Блейд! Ударь меня! Я пришла повиниться перед тобой! Злое дело я совершила... убила среброволосую жрицу друсов... Я ревновала, Блейд. И убила из ревности, – она подняла вверх лицо, озаренное светом луны. – Люби меня, Блейд! Или, если ты считаешь меня еще дитем, позволь мне любить тебя! Прошу тебя, Блейд... Разрешите мне остаться... Люби меня! Я молилась Фригге – но она не послала мне знамения... только внушила, что я должна прийти к тебе и все рассказать. Ты понимаешь, Блейд? Я говорю сейчас только правду... Я больна от любви к тебе... с самого первого дня, с первой нашей встречи...

Не говоря ни слова, Блейд поднял ее и поцеловал. И он понял, как ошибался. Талин не была влюбленным ребенком. Губы ее, теплые и влажные, обжигали; язык искал его язык. Правда, у нее не хватало опыта, но горячего желания было в избытке – комбинация, от которой кровь его воспламенилась.

Теперь, когда девушка открылась перед ним, прежняя ее сдержанность исчезла. Она страстно отвечала на его поцелуи, потом слегка оттолкнула от себя и взглянула вниз. Лицо ее, до сих пор бледное, залилось румянцем.

– О, Блейд! прошептала она, дрожа, – я боюсь! Я девственница, Блейд... Ты не сделаешь мне больно?

Он повел девушку к постели.

– Я буду с тобой нежным, Талин. Ты почувствуешь боль, только на мгновение... потом все пройдет... и тебе станет приятно.

Уже в кровати он ощутил ее скованность и страх; он начал осыпать поцелуями ее груди, теплые, с затвердевшими от желания сосками – сладостные плоды, что сами просились к нему в руки. Он старался быть нежным, но к этому времени возбуждение его достигло предела. Талин слабо сопротивлялась, сдерживая его, шепча, что ей страшно. Наконец он опрокинул ее на спину, заставил раздвинуть ноги и вошел – сначала осторожно,

затем со все возрастающей страстью, не обращая внимания на ее стоны. Постепенно стоны эти сменились слезами, затем нервическим смехом и вскриками. Он почувствовал, как Талин прижалась к нему, крепко обняв за шею; и в следующий миг зубки девушки впились в его плечо. Уже растрчивая себя, он ощутил, как затрепетало в экстазе ее тело, и понял, что впервые за свою короткую жизнь принцесса Талин откликнулась на ласку мужчины.

Долгое время они лежали, окутанные лунным светом, его призрачные лучи посеребрили обнаженные тела, предоставив каждому выбирать свою дорогую из провала сладкого беспамятства. Наконец Талин вздохнула и прошептала, с трудом шевеля пересохшими губами:

– Так вот на что это похоже, повелитель мой Блейд! Хвала Фригге – я постигла тайну, и ты раскрыл ее передо мной! Какие глупенькие эти молодые девушки – они хихикают и болтают про то, чего не познали... Но я вижу теперь – о том, что такое любовь, невозможно рассказать и нельзя догадаться... и нельзя изведать ее, не испытав.

Блейд поцеловал розовое ушко Талин.

– Ты снова называешь меня повелителем Блейдом, с улыбкой упрекнул он. – Наверно, теперь с меня не сдерут кожу и не повесят? Даже на позолоченной веревке?

На мгновение губы Талин скользнули по его губам.

– Я всегда буду звать тебя так; ведь ты – мой повелитель! Навсегда! И никто другой мне не нужен!

Блейд, с цинизмом своего возраста и пола, оставил ее слова без внимания и ничего не ответил. Внезапно он привстал.

– Сегодня вечером я встречаюсь с твоим отцом! Который же теперь час?

Талин погладила его плечо.

– Не этим вечером – завтра, мой повелитель. Я говорила с отцом, и аудиенция отложена до утра. Вот – старик, и его сильно утомило сражение с Фьодаром... Я посоветовала ему отдохнуть ночью.

– Теперь я вижу, – хмыкнул Блейд, – кто правит королевством!

– Ты будешь им править, – страстно шепнула Талин, – и я вместе с тобой! Мой отец не проживет долго.

Наблюдая за ней сквозь полуприкрытые веки, Блейд задумался. Чудесное дитя, дочь варварского народа... кровь на ее руках казалась невинной влагой, потому, что она не ведала иной жизни... иных понятий о добре и зле. Ее ум не обладал и сотой частью тех познаний, которыми была набита его голова... будет набита, поправился Блейд, когда компьютер лорда Лейтона вернет его на Землю.

Талин прижалась к нему и прошептала на ухо:

– Я говорила с Абдиасом, главным советником отца. Он руководит сетью шпионов... и я узнала много важного для нас.

Блейд, вновь охваченный желанием, хотел обнять ее, но она оттолкнула его руку.

– Нет, сначала выслушай меня! Я узнала, что Альвис мертва, а Ликанто сошел с ума. Хвала матери Фригге, я довольна! И тебе надо знать о том, что случилось в Сарум Виле.

– Зачем? Какое мне дело до Ликанто и его жены? – нетерпеливо спросил Блейд.

Его воспоминания о недавних событиях словно подернулись туманом. Вряд ли Талин могла это понять. Она страстно поцеловала его.

– Будь терпелив, я все тебе объясню. Говорят, Альвис обвинили в супружеской измене и потому забили камнями насмерть. Ликанто запил, ни на миг не расставался с пивным рогом... говорят, он превратился в лунатика или проклятие друзей поразило его... это не важно, потому что он больше не правит в Сарум Виле.

Блейд приподнялся на локте, целую теплую грудь.

– И кто же теперь правит в Сарум Виле? пробормотал он, демонстрируя интерес.

– Кунобар Серый. Он сбросил Ликанто... и двинулся сюда со всей своей армией. Они будут у городских ворот через неделю.

Блейд, лаская губами розовый сосок, не мог извлечь ничего тревожного из этих

сведений.

– И что же? – спросил он, оторвавшись на мгновение от своего занятия. – Разве Кунобар не друг твоему отцу и тебе?

– Конечно. Но теперь кое-что изменилось, мой повелитель... из-за меня. Кунобар Серый давно хотел взять меня в жены. Он заявил об этом, когда я еще была ребенком, как того требует наш обычай. Мне он нравится... но я не любила его и ничего не обещала. Пока...

Блейд поднял лицо от ее груди.

– Пока?

– Пока я не рассердилась на тебя... в последние дни. Потому что ты обращался со мной как с ребенком и не видел, что я люблю тебя. Я послала письмо Кунобару. Я...

– Ты попросила Кунобара выступить в поход и завоевать твою руку в честном поединке со мной, так?

Талин отвела взгляд.

– Да. Я сразу же пожалела... но было поздно, гонец уже уехал. Но теперь это неважно, мой повелитель.

Блейд проследил за ее взглядом. Девушка смотрела на огромный бронзовый топор, сверкающий бледным золотом в лунном свете.

– Ты легко справишься с Кунобаром, – сказала Талин. – Он не так стар, как можно подумать, глядя на его волосы... и он прекрасный воин. Но никто не может выстоять против тебя! Я не тревожусь...

– Я тоже, – ответил Блейд, – потому что не собираюсь встречаться с Кунобаром в схватке. Я устал от крови и меня тошнит от убийств.

Талин отпрянула в сторону, уставившись на него изумленными глазами:

– Повелитель Блейд не мог произнести этого! Ты должен сражаться с Кунобаром... или он заберет меня, а тебя ославит трусом по всей Альбе!

В голове у Блейда внезапно взорвался разряд боли.

Страдание исказило его лицо, и он с яростью выпалил:

– Пусть Кунобар берет тебя! Или дьявол, если захочет!

Слова эхом отразились от стен. Дьявол? Блейд, которого знала Талин, помянул бы Тунора!

Ужас девушки сменился тревогой. Она внимательно рассматривала лицо возлюбленного, и в ее глазах светилась почти материнская нежность.

– Тебе плохо? Фригга, помоги мне, я вижу, что-то изменилось! Ты не похож на прежнего Блейда... и говоришь иначе... Что с тобой?

Блейд потянулся к ней, решив, что на этот раз не даст себя отвлечь. Талин сопротивлялась, все еще что-то лепеча, потом замолчала, ощутив тяжесть его тела. Через несколько мгновений она начала ритмически двигаться; с губ девушки сорвался стон.

Блейд чувствовал, как боль стучит в его голове. Кто-то вскрикнул – он с трудом узнал свой голос. Затем боль исчезла, и на смену ей пришла абсолютная тишина и покой... покой, когда он стремительно падал в тело Талин. Она была теперь чудовищно огромной, величиной с планету, с целый мир, раскрывший перед ним гладкие горы ароматной женской плоти и красные реки артерий. Он падал и падал – прямо во влажный, пылающий ад, не в силах удержаться на этих розовых склонах, что становились все круче; он скользил вниз и вниз – на границу вечности, на самый край, с которого срывался водопад пенящейся девственной крови.

В краткий миг просветления, равный половине вдоха, он отчаянно цеплялся за единственную реальность, которую знал, страхась возврата в свой прежний мир. В мощной, ослепительно яркой вспышке света он снова увидел лицо Талин, просторную комнату и отдыхавший в углу Айскалп, Существо, метавшееся на постели, было им самим, Ричардом Блейдом. Внезапно он слился с ним; его рука в резком конвульсивном движении сбила подушку, и пальцы сомкнулись вокруг гладкого предмета размером с гальку. Что это?

Слова бомбардировали его мозг словно крошечные ядра, сыпавшиеся из перевернутого бычьего рога, и хор рыдающих голосов напоминал Блейду, что в руках у него черный шарик – из той горсти, что лежала на столе. Самая крупная из жемчужин, возвращенная ему Ярлом, который отнял у пирата в пиршественном зале Крэгхеда.

– Слишком большое богатство для такого негодяя, – объяснил Ярл. – Оно может внушить ему мысль... мысль... мысль...

Блейд мчался теперь верхом на этой черной жемчужине, цепляясь за гладкую скользкую поверхность. Внезапно он вылетел из красного тоннеля прямо в клубящийся над Крэгхедом туман. Прибой пел погребальную песню для королевы Беаты, стонущей в железной клетке. Внизу, под стеной, громоздилась огромная куча отрубленных голов, и чудовищные мухи, выхватывая их одну за другой, уносили прочь. Сверкнуло лезвие топора с запекшейся кровью... Потом его заволокло туманом, который становился все холоднее... холоднее... холоднее...

Айскалп, дремавший в углу, ожил и бросился на Блейда – ужасное создание с кровавым пятном вместо лица. Сверкнула бронза, и в комнате послышался мрачный шорох перепончатых крыльев.

Из сдавленного горла Блейда вырвался последний хриплый стон. Ни Тунор, ни сам Блейд не смогли бы объяснить, что он означает.

Глава 16

– Некоторые из величайших открытий, – задумчиво произнес лорд Лейтон, – были сделаны совершенно случайно. Я полагаю, Дж., мы стоим на пороге одного из них.

С минуту Дж. не отвечал, разглядывая рослого мужчину, вытянувшегося на узкой больничной кровати. Ричард Блейд мирно спал, его курчавая бородка и длинные волосы темным пятном выделялись на снежной белизне подушки. Загорелое тело усеивали крохотные электроды, соединенные проводами с электроэнцефалографом в углу пустоватой комнаты – одной из многих палат госпитального отсека, лежавшего глубоко внизу под каменной громадой Тауэра. В помещении царила тишина, нарушаемая только негромким гудением прибора.

Дж., суховатое лицо которого носило следы долгих дней и ночей, проведенных в тревожном ожидании, потер ладонью лоб. Глава отдела МИ6 секретной службы Ее Величества давно привык к грузу ответственности, но напряжение последних недель оказалось для него почти невыносимым.

– Я думал, что мы его потеряем, – сказал Дж. – Признаюсь вам, Лейтон, надежда уже оставила меня... и я готов был обвинять во всем вас и ваш проклятый компьютер.

Глаза лорда Лейтона налились от утомления кровью, белый халат, измятый и грязный, висел на его тощих плечах словно тряпка. Время от времени он морщился и растирал левую лопатку, как будто пытался избавиться от искривившего спину горба. Внимательно изучая показания энцефалографа, он пробормотал:

– Церебральные ритмы почти в норме... Еще несколько часов, и структура мозга полностью восстановится. Я усыпил его на двенадцать часов... и когда вы снова заговорите с ним, он будет тем же самым Ричардом Блейдом, которого вы знали раньше.

Дж. молча кивнул. Он подошел к кровати и, склонившись над спящим Блейдом, легонько коснулся пальцами загорелого бородатого лица.

– Где бы он не оказался, Лейтон, ветер, дождь и солнце хорошо поработали над ним... Смотрите, он загорел до черноты! И эта рана на спине... зажившие ожоги... Мой Бог, у него есть что порассказать!

Лорд Лейтон сделал несколько шагов – иногда движение облегчало вечную боль в спине – и взглянул на Дж. со смесью нетерпения и добродушной насмешки. Дж., который был разведчиком, и, следовательно, практиком, неизбежно ставил телегу впереди лошади.

– Я надеюсь, Блейд сумеет нам кое-что поведать, – произнес ученый, – но не нужно

слишком на это рассчитывать. Он может многое забыть. Однако я уже работаю над средством, усиливающим память. Этот препарат, в сочетании со специальным блоком компьютера, поможет Блейду в следующий раз вспомнить все свои приключения. Причем без всякого сознательного усилия с его стороны.

Его светлость улыбнулся собеседнику. В этот момент он напоминал старого увечного кота, придумавшего, как изловить мышь, не трогаясь с места.

– В следующий раз? Какого дьявола! О чем вы толкуете, сэр?

С видом снисходительного терпения Лейтон помахал рукой в сторону столика, на котором громоздился толстый том, переплетенный в зеленую кожу.

– Все там, Дж., все там! Прочитайте отчет в машине по пути в резиденцию премьер-министра. Это сверхважно и абсолютно секретно – или как там еще вы обозначаете подобные вещи.

Дж. перевел взгляд с Лейтона на мирно спящего Блейда и обратно.

– Будь я проклят! – прорычал он. – Я не стану молчать, Лейтон! Гори я в вечном пламени, если буду стоять и смотреть, как вы...

Пока Дж. выпускал пары, лорд Лейтон смотрел на него с выражением ангела, терпеливо страдающего тупости смертных. Когда проклятия и жалобы Дж. перешли в нечленораздельное бормотание, он произнес:

– Вы еще не поняли сути дела, Дж. Минуту назад я сказал, что многие великие открытия совершены случайно. Кажется, мы наткнулись на нечто подобное. Пока я не могу доказать строго, но полагаю, что Блейд побывал в другом измерении. Не в космосе, не в прошлом или будущем – а именно в другом измерении! Я думаю, что компьютер так перестроил структуру его мозга, что он перешел в иную реальность, которую мы не можем ни видеть, ни ощущать – хотя, возможно, наши миры пересекаются и в данный момент скользят друг через друга. Проще говоря, что мир нечто вроде сигнала, испущенного ультразвуковым свистком – собака может услышать его, а вы – нет, хотя звук существует!

К завершению этой тирады Дж. несколько пришел в себя. Он поднял руку и нахмурился:

– Черт возьми, мы почти потеряли его! Кто знает, что случится в следующий раз... если мы опять пошлем Дика в этот ад!

– Пошлем, – мягко подтвердил Лейтон. – Об этом позаботится премьер-министр. Он далеко не глуп и понимает, что сулит подобное открытие. Перед нами могут распахнуться двери, о которых мы до сих пор даже не подозревали... Вы понимаете, что это может значить для Англии! Возрождение нации, великой державы! Бог свидетель, как мы нуждаемся в этом сейчас!

Дж. молчал; в таком изложении все выглядело иначе. Ричард Блейд всегда рисковал своей жизнью ради Британии – много лет это было его профессией, и он являлся одним из лучших специалистов. Если надо рискнуть снова ради подобных вещей, он выполнит все без возражений.

– Блейд в превосходной форме, – произнес Лейтон. – Мы тщательно обследовали его и не нашли никаких признаков повреждения мозга. И, самое важное, мне удалось найти ошибку, в результате которой он был переброшен в иной мир... Это было нелегко, поверьте, Дж.! Но теперь я знаю, в чем дело, и могу вернуть его назад в любой момент.

Дж., уже наполовину убежденный, перевел взгляд на спящего разведчика; тот чему-то улыбался во сне.

Лорд Лейтон повернулся к прибору, изучая бегущие по экрану зеленые светящиеся кривые.

– Он видит сон... смотрите, эти отчетливые пики... церебральная активность возросла...

– Сон... – повторил Дж., потирая острый подбородок. – Интересно, какой? Я имею в виду – он здесь или... ТАМ? Говоря на вашем языке – он в земном измерении или в том, откуда вы его вытащили?

Его светлость улыбнулся и покачал головой:

– Мы никогда этого не узнаем, Дж... Но позвольте мне продолжить. Итак, в программе была ошибка, которую компьютер немедленно уничтожил – ведь это самокорректирующаяся система... Было дьявольски трудно найти ее снова и, если б не одна старая история Стивенсона, пришедшая мне на ум, вряд ли мы смогли бы вернуть Блейда.

– Стивенсона? Какого Стивенсона?

– Писателя, Дж.! Того, что сочинил историю про доктора Джекила и мистера Хайда. Джекил сделал раствор, в котором была примесь неизвестного вещества – оно играло роль ошибки моего компьютера. Она выпил это средство и превратился в Хайда... потом – снова в Джекила... Наконец, вещество кончилось, и он застрял в теле Хайда. Теперь вы понимаете, в чем дело? Я должен был найти это вещество... эту ошибку... снова ввести ее в программу... и сделать попытку добраться до Блейда.

– Это отняло у вас немало времени, – сухо сказал Дж. – Похоже, попыток было не меньше сотни.

– Пятьдесят одна, – ответил Лейтон, устало прикрыв глаза. – Пятьдесят один раз я пытался добраться до него – и выловил на пятьдесят второй попытке. – Ученый улыбнулся, взглянув на спящего Блейда. – Интересно, что он делал, когда я зацепил его? Понимал ли, что происходит?

В дверь тихо постучали. Лорд Лейтон открыл ее и взял небольшой конверт, который протянул ему охранник. Снова защелкнув замок, он надорвал конверт, и в его ладони очутилась большая черная жемчужина. Лейтон перебрал ее Дж. и вытащил листок с заключением.

– Абсолютной чистоты и идеальной формы, – прочитал он и поднял глаза на Дж. – Непревзойденный блеск, самое высокое качество... ничего подобного нашим экспертам не доводилось видеть. Уникальный экземпляр... невозможно оценить... ну, и тому подобные восторги, – он помахал листком в воздухе. – Итак, Дж., нам разведчик кое-что принес назад! Всего лишь драгоценную безделушку, мелочь... Но что он сумеет добыть в следующий раз? Возможно, знание – новое знание!

Мужчина в постели беспокойно зашевелился и пробормотал:

– Талин...

Оба стоявших у кровати человека отчетливо разобрали это слово; к тому же в помещении была включена система звукозаписи. Они ждали, глядя в лицо Блейда.

Больше ничего. Ричард Блейд крепко спал; время от времени по его губам скользила улыбка.

* * *

Дж., покинув подземную лабораторию лорда Лейтона и претерпев утомительную процедуру выхода на поверхность, задумчиво оглядел улицу в поисках такси. Небо затянули тучи, начинался дождь, и машины были нарасхват.

Заметив наконец свободное такси, Дж. отважно ринулся в поток транспорта и, размахивая зонтиком, закричал:

– Талин!.. Талин!..

Он сразу осекся и выкрикнул снова: «Такси!» Водитель подкатил к нему и открыл дверцу. Устроившись на мягком сиденье, Дж. назвал адрес:

– Даунинг-стрит, десять, пожалуйста. И поскорее...

Он прижимал к груди толстый зеленый том, испытывая легкий шок. Почему он выкрикнул это слово, это имя? Которое слышал только раз в жизни? Талин? Кто это? Бог видит, он не хотел ввязываться в какую-нибудь таинственную историю. Он всего лишь государственный служащий, удел которого – заниматься ловлей шпионов... Нелегкое дело, надо сказать! И все же – Талин? Что могло это значить?

Водитель такси, старый кокни, посмотрел в зеркало на своего пассажира и покачал

головой. Кого только не приходится возить! Пассажир – джентльмен, это несомненно; и, видать, из благородных, иначе не ехал бы в десятый номер.

Все правильно, джентльмен выглядит вполне подходяще для такого адреса, констебль пропустит его без задержки.

Однако похоже, что он малость не в своем уме.

Уставился в пустоту, кривит рот и что-то шепчет снова и снова. Может у него нервный тик? Бедняга!

КОММЕНТАРИИ К РОМАНУ «БРОНЗОВЫЙ ТОПОР»

1. Основные действующие лица

ЗЕМЛЯ

Ричард Блейд, 33 года – майор, агент секретной службы Ее Величества королевы Великобритании (отдела МИ6А)

Дж., 66 лет – его шеф, начальник спецотдела МИ6А (известен только под инициалом)

Его светлость лорд Лейтон, 76 лет – изобретатель машины для перемещений в иные миры, руководитель научной части проекта «Измерение Икс»

Зоэ Коривалл – художница, возлюбленная Блейда (упоминается)

АЛЬБА

Ричард Блейд, 33 года – он же принц Лондонский

Сильво – вор и мошенник, слуга Блейда

Талин – альбийская принцесса

Вот Северный – король, ее отец (упоминается)

Абдиас – советник Вота (упоминается)

Беата – королева, владычица Крэгхеда, сестра Вота Северного, развратница и интриганка

Ликанто – король, владетель Сарум Вила, племянник Вота Северного и кузен принцессы Талин

Альвис – супруга Ликанто, отравительница

Гвинет – служанка Альвис

Кунобар Серый – военачальник Ликанто

Хорса – Дробитель Черепов; военачальник Ликанто и сильнейший воин в его королевстве

Барто – военачальник Ликанто

Огарт Карлик – чародей и кузнец, выковавший Айскалп (упоминается)

Канаки – Друзилла, верховная жрица ордена ярусов

Геторикс – он же Краснобородый; вождь морских разбойников из Скайра

Ярл – бывший нобиль, зять и капитан Геторикса

Пэйдит – сестра Геторикса, супруга Ярла (упоминается)

Ольг – сын Геторикса

Вульф – пират, убитый Блейдом

Тайт – он же Клыкастый; соперник Геторикса, убитый им (упоминается)

Фьодар – предводитель пиратов, сын Тайта (упоминается)

2 Некоторые географические названия

Альба – обширная страна на юго-западе северного континента; разделена на несколько королевств

Скайр – побережье южного материка

Пролив – океанский рукав, разделяющий материка

Западное море – залив океана, омывающий с запада побережье Альбы

Крэгхед – замок Скалистой Вершины владение королевы Беаты стоит на побережье

Западного моря

Боурн – порт на побережье Западного моря

Сарум Вил – столица Ликанто; стоит на побережье Пролива

3. Некоторые термины и выражения

альбы – или альбийцы; народ населяющий королевства Альбы

скил – мелкая железная монета

манкус – большая бронзовая монета

килс – мера расстояния

кайры – «морские девы»; женщины, сопровождающие пиратов в набегах

друсы – женский религиозный орден; друсы слынут колдуньями

Друзилла – титул верховной жрицы друсов

Фригга – древнее женское божество альбов

Тунон – древнее мужское божество альбов

4 Хронология пребывания Ричарда Блейда в мире Альбы

В замке Беаты и в Сарум Вил – 7 дней

Плавание на корабле Ярла – 15 дней

Путешествие в земли Вота Северного – 5 дней

Всего 27 дней; на Земле прошло 23 дня